

Главный редактор –
И.Ю. ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
С.Г. ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Г.В. МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
Н.А. ГОЛОВКИН
nikgolovkin@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Р.А. ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Н.Б. АЛЕКСЕЕВ

Редакция:
ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЪ»
141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Телефон:
8 (916) 717-38-09

Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:
nikgolovkin@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора3

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Юрий ЯХОНТОВ
Об Ахилле и славянском побратимстве.....4

ПОЭЗИЯ

Виктор КАШКИН
«Остановись. Давай послушаем...»8

Сергей ШИЛКИН
Memento mori.....12

Инна МУХИНА
Галерея27

Виктор ХАТЕНОВСКИЙ
«И с проклятьями, да с молитвами...»40

Инна ЯСКЕВИЧ
«Что значит счастье, не узнаете...»44

Юрий БОГДАНОВ
Святой венец Руси
(из короны венков сонетов)56

Виктор АСТАФЬЕВ
«Под неба синим парусом...»70

Татьяна ПАРСАНОВА
«Мира осталось мало...»73

Нина ГОЛОВАНОВА
«Нам время каждому возраст...»91

Рубен САРКИСОВ
«Не ушла из мира до сих пор Любовь...»103

Надежда ОХРИМЕНКО
«Запоют, как и прежде, над Россией
дрозды!»111

Татьяна ЛЕТНЕВА
«Поэт строкой не забыт...»117

Тамара ПОТЁМКИНА
«И душа моя в восторге замерла...»132

Татьяна ЧЕРНОВА
«Клён стоит, как год назад, озябший...»142

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЪ**
№3(25) 2017
Выходит четыре раза в год
Распространяется бесплатно

16+

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель и издатель:

С.Г. Макеева
141301, Московская область,
г. Сергиев Посад, а/я 16.

Подписано в печать 18.10.17.
Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 1000 экз.
Заказ 8030

Отпечатано
в цифровой типографии
«Буки Веди» на оборудовании
KonicaMinolta
ООО «Ваш полиграфический
партнер», 127238, г. Москва,
Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.
Тел.: (495) 926-63-96,
www.bukivedi.com,
info@bukivedi.com

<i>Тамара ПОТАПОВА</i> «Знать, жива ещё моя Отчизна...»	145
<i>Николай ПОЛОТНЯНКО</i> Сын (отрывок из поэмы).....	157
Бунт совести. Поэма	161
<i>Елена ТКАЧЕВСКАЯ</i> «И слово становится памятью...»	179
<i>Александр ТИХОНОВ</i> «И опять напрямик...»	181
<i>Анатолий УВАРОВ</i> «Я славлю мой двадцатый век...»	187

ЮБИЛЕЙ

<i>Виктор СОШИН</i> «Я в дом родной вернусь не блудным гостем!..»	19
---	----

ПРОЗА

<i>Виталий БОГОМОЛОВ</i> Из цикла «Былинки»	32
<i>Василий ПОЛЯКОВ</i> Тост за врачей... Рассказы.....	46
<i>Дмитрий ВОРОНИН</i> Праведник	96
<i>Марат ВАЛЕЕВ</i> Рассказы	105
<i>Юлия АЛЕКСАНДРОВА</i> Отражение	114
<i>Андрей РАСТВОРЦЕВ</i> Оберег.....	124
<i>Сергей КРИВОРОТОВ</i> Рассказы	135
<i>Галина РОМАНОВА</i> Майская вишенка	148
<i>Галина АЛЯЕВА</i> Коммуналка	173

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Николай БЛОХИН</i> Илья Сургучёв: мифы и реальность.....	80
--	----

Слово главного редактора

**Уважаемый читатель,
дорогой соотечественник!**

Безумие нынешнего времени чувствуется очень остро. Во всём мире активизировались тёмные силы, сделавшие ставку на насилие и террор. Участились случаи индивидуального немотивированного проявления агрессии и жестокости по отношению к ни в чём не повинным людям. И далеко не всегда происходящее можно списать на некие объективные факторы, идущие от «коллективного бессознательного» и т.п. Да, действительно, в ряде подобных явлений можно усмотреть непроизвольный выплеск отрицательной энергии, накопившейся в обществах и народах, как реакцию на бездуховность и тотальную ложь нынешней эпохи. Но довольно часто при оценке явлений действительности напрашивается вывод, что людям навязываются надуманные, сущностно ничтожные поводы для противостояния, и люди начинают ненавидеть друг друга ради идеологических и квазирелигиозных фантомов. При этом настоящие вопросы бытия лукаво выводятся за пределы общественного обсуждения.

В условиях всеобъемлющего кризиса (экономического, духовного, психологического и т.д.) люди рано или поздно начинают переосмысливать своё отношение к жизни, пересматривать жизненные установки, уточнять для себя смысл жизни. Эпоха «свободы и демократии» завела человека в онтологический тупик. «Все ценности относительны, истин много», – поучают модные идеологи постмодернизма, но жить с этим оказывается невозможно. В этих условиях неизбежно должна вновь выйти на первый план спасительная роль художественной литературы – не как одной из форм развлечения и коммерции, а как одного из главных традиционных средств для осмысления жизни и бытия. Великая русская литература много раз давала ответы на самые тяжёлые и, казалось бы, неразрешимые вопросы, спасала человека от духовной гибели, открывала смысл, выводила на верный путь. Сегодня она стоит перед новыми вызовами.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Кандидат филологических наук

Заслуженный работник культуры Российской Федерации
Заслуженный работник культуры Чеченской Республики
Заслуженный работник культуры Республики Дагестан

Мнение редакции необязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссъ», 2017

© Авторы, 2017

Об Ахилле и славянском побратимстве

*Скатившись с горной высоты,
Лежал на прахе дуб, перунами разбитый;
А с ним и гибкий плюц, кругом его обвитый...
О Дружба, это ты!*

В. Жуковский

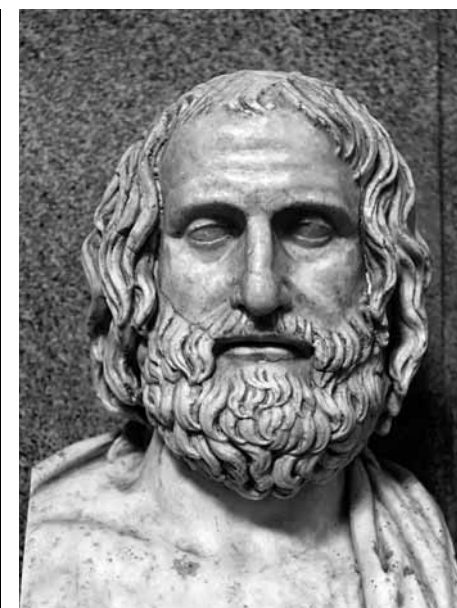
В трагедии Эсхила Прометей, обращаясь к Ио, говорит: «...иди по невспаханым степям, ты придёшь к кочевникам скифам... К ним ты не приближайся, но удались из этой страны, идя вдоль шумного и утёсистого морского берега. По левую руку живут обрабатывающие железо халибы» [5]. Очевидно, что речь идёт о керченском месторождении железа, которое разрабатывается с незапамятных времён. Здесь около 3200 лет назад жил знаменитый герой своего времени Ахилл. Лев Диакон приводит сведения, которые сообщает Арриан в своём «Описании морского берега», что сын Пелея Ахилл был скифом и происходил из городка под названием Мирмикон, лежащего у Меотийского озера [Азовского моря]... Явным доказательством скифского происхождения Ахилла служили покроя его накидки, скреплённой застёжкой, привычка сражаться пешим, белокурые волосы, светло-синие глаза [3, с. 78].

Если учесть, что в 1200-х гг. до н.э. в районе Керчи проживали племена срубной культуры, то эти сведения служат ещё одним доказательством, что самоназванием племён срубной культуры было – скифы. Сама версия, что Ахилл был скифского происхождения, не нова, об этом говорили ещё в эллинское время. Читая Гомера, особенно описание внешности Ахилла, о его высоком росте, мощи, грозных взглядах («быстрые очи, страшно как пламень светились») и русых волосах («Став при костре, у себя он обрезал русые кудри»), вспоминаются строки из Марцеллина, что аланы высоки ростом; красивы, с умеренно белокурыми волосами и что они страшны сдержанно-грозным

Юрий Александрович Яхонтов – профессор, доктор технических наук. Действительный член Петровской академии наук и искусств. Член СП России. Заслуженный писатель. Лауреат конкурсов: «Лучшая книга 2011-2013» за книгу «Летопись славян-россов с древнейших времён до Рюрика», «Лучшая книга 2012-2014» за книгу «То, что в сердце давно берегу...». Награждён орденом «Золотая осень» им. С.А. Есенина, Золотой Есенинской медалью, медалями им. А.С. Грибоедова, «Литературный Олимп», «А.П. Чехов».

Живёт в Москве.

взглядом своих очей. Очень ведь похоже! Описание Ахилла у Гомера к тому же подтверждает характеристику его внешнего вида, приведённую у Льва Диакона.

В работе [7] было показано, что аланы – это славяне, проживающие в основном в лесной полосе, Ахилл – скиф, то есть тоже славянин, поэтому описание внешности у Гомера и Марцеллина практически одинаковы.

Итак, Ахилл был скифом славянином, по времени относящийся, с позиции археологии, к срубной культурно-исторической общности. В.Г. Васильевский идёт даже дальше, называя Ахилла русским: «Ахиллес был скиф и даже тавроскиф, то есть русский» [1]. Вывод о славянстве Ахилла усиливается приведённым в «Илиаде» довольно подробным обрядом погребения Патрокла, чисто скифо-славянским: сжигание на костре, насыпание кургана, соревнования в память об умершем. Однако погребальный костёр и затем насыпка кургана над Гектором – главным защитником и героем Трои, говорит о том, что этот скифо-славянский обряд был и у троянцев, тем самым подтверждая мнение многих историков о славянстве троянцев. С учётом того, что Ахилл, по сути, является главным героем «Илиады» и что Троя, по сюжету «Илиады», без него не взяли бы, то троянская война была войной с двумя славянскими главными противоборствующими героями Ахиллом и Гектором.

Обратим внимание на одну деталь, которая, быть может, до сих пор ускользала от внимания историков. Страдания Ахилла по случаю гибели Патрокла кажутся всё же как-то явно преувеличенными, с учётом той малой цены жизни на войне, при постоянно гибнущих вокруг Ахилла людях, и в не малом количестве от его рук, и такой же постоянной его готовности умереть, да и просто уверенности, что у стен Трои его и самого ждёт гибель. Опытный, закалённый воин, привыкший к смертям (с «железным сердцем» – как скажет о нём перед смертью Гектор), убивается несколько дней, и никто и ничем не может его успокоить. В сущности, так до конца своей жизни он и не успокоился. Он говорит (песнь XIX, ст. 321–322):

*Нет, не могло бы меня поразить жесточайшее горе,
Если б печальную весть и о смерти отца я услышал.*

И далее (Песнь XIX, ст. 326–327) то же самое о сыне:

*Даже когда б я услышал о смерти и сына в Скиросе
Милого...*

И затем (Песнь XXIII, ст. 46–47) – о смерти Патрокла:

*...Другая подобная горестъ
Сердца уже не пройдёт мне, пока средь живых я скитаюсь.*

Итак, друг Патрокл был самым дорогим для Ахилла человеком на земле, дороже отца, сына, семьи. Сопоставляя вышесказанное со скифо-славянскими обычаями, можно определённо сказать, что Патрокл был для Ахилла – побратимом. Что такое побратим для скифов, мы узнаём из сочинения Лукиана Самосатского «Токсарид или дружба», где автор передаёт рассказ скифа Токсариды, живущего в Элладе: «Итак знай, что скифы не знают ничего выше дружбы, что скиф ничем так не гордится, как участием в трудах и опасностях друга, а равно и нет у нас большего позора, как показаться изменником в дружбе... заключается договор с великою клятвою в том, что они [побратимы] и жить будут вместе и в случае надобности умрут один за другого. И мы, действительно, так и поступаем, с того времени, как мы надрезав пальцы накапаем крови в чашу и омочив в ней концы мечей, отведаем этой крови, взявшись вместе за чашу, ничто уже не может разлучить нас» [4]. Братающихся скифов мы видим на ювелирном изделии из кургана Куль-Оба.

Если Ахилл и Патрокл были побратимами, то, значит, по скифским обычаям у них никого ближе друг друга и не могло быть. Тогда и такая реакция Ахилла на гибель Патрокла становится понятной. Побратимство Ахилла и Патрокла ещё раз убедительно подтверждает скифо-славянскую принадлежность самого могучего героя Троянской войны. Обряд побратимства сохранялся у славян до самого последнего времени.

Относительно древности добычи железа в Керчи и наличия его у славян скифов говорит также и описание призов к играм в память о Патрокле: «Тут Ахиллес предложил им круг самородный железа» (Песнь XXIII, ст. 826), а также (Песнь XXIII, ст. 850, 851):

*Сын же Пелеев для лучников тёмное вынес железо.
Десять секир двуострых и десять простых им наградой.*

Видимо, можно согласиться с версией А.К. Югова [6] о неуязвимости Ахилла из-за стальных доспехов, которые бронзовое оружие пробить не могло. Однако качество стали, думается, всё же было ещё невелико, поскольку знаменитое копье (наконечник) Ахилла и его меч были из бронзы. А бронзу, как известно, можно и закаливать.

Долгие споры идут о национальности самого Гомера. В Древних схолиях к Гомеровою «Илиаде» [2. 1, 2, с. 301–302] говорится, например, что Гомер описывает в поэме натягивание лука скифским способом – тетиву к груди: «Жилу привлѣк до сосца... (Песнь IV, ст. 123), а также «Лук наляцавшего крепкий, по раму...» (Песнь VIII, ст. 325). Может быть, и Гомер был скифом, а следовательно, и славянином?

Литература

1. Васильевский В.Г. Византия и печенеги. Труды В.Г. Васильевского. Т. 1. СПб., 1908. Ссылка к с. 29.
2. Латышев В.В. Scythika et Caucasica. Известия древних писателей, греческих и латинских о Скифии и Кавказе / Собр. и изд. с рус. пер. В.В. Латышева. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1893–1900. Т. II. Латинские писатели. СПб.: 1904, 1906.
3. Лев Диакон. История. М.: Наука, 1988.
4. Лукиан Самосатский. Токсарид или дружба. SC. I, 2, с. 550–552.
5. Эсхил. Прикованный Прометей. SC. I, 2, с. 334.
6. Югов А.К. Думы о русском слове. М.: Современник, 1975, с. 187, 197–199.
7. Ахонтов Ю.А. Летопись славян-россов с древнейших времён до Рюрика. М.: Вече, 2009.

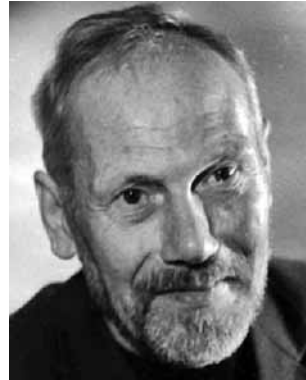

ПОЭЗИЯ

Виктор Михайлович Кашкин – член МГО СП России и Академии российской литературы. Публикации (с 1985 года) в газетах, журналах, коллективных сборниках. Лауреат конкурса «Лучшая книга 2012-2014» за поэтический сборник «Всего дороже».

Живёт в Москве.

Виктор КАШКИН

«Остановись. Давай послушаем...»

Остановись. Давай послушаем,
О чем нашёптывает клён,
Пока не оскотили души нам,
Пока закатом ты пленён,
Что жжёт покосы рыжей осени
За силуэтами стогов,
Когда его приносят лоси нам
В оправе тлеющих рогов.
Пока не обманул ладонями
Восторженного мотылька,
Распяв его перед иконами
На фотокарточке цветка.
Пока тебя печаль дотронется
Угадана его судьбой.
Пусть сердце нынче поторопится
Почувствовать чужую боль.
Остановись. Мы клён слушаем.
Не молится за нас ли он,
Чтоб мы не оскудели душами?
Послушай же его псалом.

Петровский парк. Бомжи и птицы.
Тюльпаны. Стриженный газон.
Фанаты, конная милиция,
Пока футбольный здесь сезон.

Петровский парк живёт иначе
Зимой, когда прозрачный лес
За дымкой облаков не прячет
Проталины седых небес.

Февраль. На сквозняке собачьим
В Петровском парке здешний пёс
Меня на пряник раскулачит,
Коль слаще снеди не принёс.

На тенях парка обозначит
Март сухожилия берёз.
Суставы ли к погоде плачут?
Капель роняет капли слёз.

В апреле лес ещё прозрачен.
В Петровском парке рдеет храм,
Где встречу мне Господь назначил,
Где припаду к Его стопам.

Прозрачным ломтиком луна
Отрезана с какого сыра?
Так и слизнул бы с полотна
Небес далёкого Памира.

Дразнящим ломтиком луны
(не с осетинского ли сыра?)
С таджикской манит стороны
Своя когда-то крыша мира.

Перемены

Вчера на правах теоремы,
Сегодня в числе аксиом
Вопрос, что любя перемены,
Не стану ли я босяком?

О том, что считали негодным,
Сейчас, потерявши, скорбим,
Согласно приметам народным,
Имеем когда, не храним.

В свои наплевавши колодцы,
На родине наших отцов
Живём на правах инородцев
В холопах у новых жильцов.

С учёными тоже проруха,
Не могут планету понять,
Меняет характер старуха,
И нечем родную унять.

И север становится югом,
Готова европам потоп.
И мы охладели к подругам,
Заставив гореть изотоп.

Не то что год, не то чтобы полгода,
Без траурных хотя бы месяц дней,
Дежурными, как в новостях погода,
Обыденными ставших для людей.

Всё чаще время – только ли в столице!?
Поникших триколоров на Руси.
Так, Господи, мы под Твоей десницей,
По вере с нас, не по грехам спроси.

Так, Господи, когда от года к году
Опасливый до супостатных дней,
Жду, ёжась, как ненастную погоду,
Всё чаще их на родине моей.

В Лианозовском парке

Вечерний парк. Дождит. И вальс
«В лесу прифронтовом».
И никого здесь кроме Вас
Под зябнущим зонтом.

Мотив, что на войне служил,
Здесь накануне дня
Победы Вас заворожил
И взволновал меня.

Для Вас – вдове другой войны
Джазист играет вальс.
Всё дальше радость той весны,
Что в памяти у нас.

Вам с музыкантом повезло.
Что общего у Вас?
Ему и Вам, и мне тепло,
Пока здесь этот вальс.

ПОЭЗИЯ

Сергей ШИЛКИН

Сергей Васильевич Шилкин – родился 29 марта 1954 г. в г. Салавате. Окончил Ленинградский технологический институт им. Ленсовета. Автор множества публикаций в российских и зарубежных изданиях. Дипломант II международного конкурса переводов тюркоязычной поэзии «Ак Торна», обладатель специальной награды – «Диплома министерства культуры Казахстана» за перевод казахских поэтов, финалист VI Республиканского конкурса поэтического перевода за 2014 г. (Уфа), лауреат премии литературного журнала «Сура» в номинации «Поэзия» за 2013 г., победитель конкурса «Лучшее стихотворение 2012 г.», проводимого еженедельником «Истоки», длинный список 1-го конкурса поэзии Международной ассоциации писателей Иерусалима за 2015 г., короткий список VII Республиканского конкурса поэтического перевода им. Марселя Гафурова за 2015 г. (Уфа).

Живёт в Уфе.

Memento mori

Протоязык

Сбросил наземь багровое лес-трансвестит,
Обнажив бездну чёрных рогуль.
Жду со страхом – быть может, опять просвистит
Метеор, осветив Чебаркуль?

Я сижу на мансарде в посёлке Тотьма.
В октябре звёздный рой падуч.
Но кучкуется за горизонтами тьма
Чёрных стад мериносовых туч.

Озарил яркий всполох гряды островов.
Дождь куда-то бежит, семеня.
Что же хочет неведомый мне Саваоф
В этот вечер смурной от меня?

Что-то тяжкое вспомнив, вздохнул Аркаим.
В чащах леса трещит кедр.
Слышу, как сопрягается с ритмом моим
Первородный пульсар недр.

Чую боль углекопов в подземье Фусинь
И биенье их нервных узлов.
Вижу бездну глубин и бездонную синь
В неохватной прасущности Слов.

В хвойном море – Байкал, в древних скалах – Иссык.
Мчит спирально наш мир земной.
Понял я, что Поэзия – Протоязык.
Так Господь говорит со мной...

Барак

Внуку Серёженьке

На «travel» ретро-поездами
Мной куплен в прошлое билет –
Иду знакомыми местами,
Где не был 30 с «гаком» лет...

Стоит барак перинатальный,
А в просторечии – «роддом».
И тополёк пирамидальный.
Из гипса лев с беззубым ртом,
Что сторожит у двери входа
С листвой опавшею мешки.
И лезут в окна – год из года –
Хлебнув винишка, мужики.

Я от картин знакомых ожил –
Махнув на свой авторитет,
Кричу себе: «До внука дожил!
И ты, Серёга, нынче – дед!»

Я в нетерпении – в огне –
Ору: «Покажь быстрее, ну-ка!»

Фланелью стянутого внука
Дочь демонстрирует в окне...

ӨФӨ¹

Моя кровь стала ржавой. Теперь она ферромагнитна –
Меня тянет к металлу. И вовсе не тянет к добру.
Потаённую дверцу в душе своей я отопру,
Чтоб увидеть в пугающем чёрном пространстве огни на
Бесконечно далёком и близком от нас берегу
Речки времени Стикс, что впадает в безвременье Леты.

Недоступны в цене за продление жизни билеты.
За ценой не стою – я готов на любой перекуп.

¹ ӨФӨ (башк.) – транскрип. ЕФЕ – УФА

Всё, что было сверх меры отсыпано Вышним, профу...
 Мне теперь часто снятся Тартар и горящий детинец.
 Я решился всё бросить и срочно уехать в Уфу,
 Чтоб пожить там немного в одной из доступных гостиниц...

Расписался я быстро на бланке в последней графе
 И стремглав – черепахой – в свой номер. Спасибо Зенонам!
 На карнизе моргало страдальчески слово «ӨФӨ»,
 В темноте освещая дорогу мертвецким ксеноном.

Мне мерцал, будто дальние звёзды, искусственный свет,
 Проходя через мутные стёкла на старом балконе.
 На столе три тетрадки и книга – потрёпанный Фет.
 И трёхлетний зловонный коньяк в огранённом флаконе.

Я плеснул из флакона на донце напитков хмельной
 И его проглотил, заедая полоской лимона.
 Вдруг в движенье пришла моей чёрной изнанки флегмона,
 Сквозь каверны исторгнув наружу скопившийся гной.
 И, воспряв, возмечтал я: «Себя на труды обреку.
 Буду строить дома, и высаживать парки...et setra».
 Кружит голову маслом эфирным лимонная цедра...

Мчится жизни река – я стою на её берегу.

Пророки

*Я трудный путь прошёл, дружок,
 Жил без любви, надежд и веры,
 Но в 46 свершил прыжок,
 Душой прорвавшись в стратосферы.*

Неизв. автор

Почти что не жил, а не то что бы молод,
 И крошится жизнь чёрно-бело долями.
 Я к шпалам свой рельс пригвозжу костылями.
 Звенят костыли, принимая мой молот.

Поленница шпал, рельсы стянуты в связки –
 За годы прогон я отстрою «скайвэя»
 И запах мой пота – кровавый и вязкий –
 Не смогут стереть ароматы шалфея.

Наверх я отправлюсь – и конь, и возница –
 Где музыка сфер и обитель смиренья.
 Меня не прельщает в ладонях синица –
 Ищу я на небе любви и прозренья.

Мерцают на шпалах моих креозотом
 Запёкшейся крови чернёные пятна.
 Душой прикоснулся я к горным высотам.
 Мне только вперёд – и никак на попятный...

Внизу копошенье – камлают, пророчат.
 Слова пролетают, Судьбы не касаясь.
 Но, всё же, себя в мудрецы они прочат,
 На небо открыто взглянуть опасаясь.

И тут мне один намекнул в разговоре –
 Цивильный сюртук и «селёдка» на шее –
 «Вертайся, Серёга – мы нынче в фаворе.
 А к завтраму будет ещё хорошее»...

Не дастся им Слово – и чуда не ждите.
 Сбирает с доверчивых граждан оброки
 Фальшивый оракул... А что вы хотите?
 Какая эпоха – такие пророки...

Шизгаре

Улетели стрижи, хотя жаркое лето в разгаре.
 Тишина в небесах, и средь золота спеющей ржи
 Заполняется утро безмолвное песней «Шизгаре»,
 Истекающей с ретроканалов в формате 3G.

Сразу вспомнилось всё: и гулянье по Невскому ночью –
 Ощущение лёгкое, будто над миром лечу –
 И увиденный мной зеленеющий Пётр воочию,
 И каштановый «хайер», текущий волной по плечу.

И как мы веселились в «Сайгоне», коктейлей напившись –
 Да так шумно и «зло», что оттуда нас гнали взашей,
 Как, в общаге по сто человек в комнатёнку набившись,
 Танцевали всю ночь напролёт немудрёный свой шейк.

Всё прошло. Я в избушке живу без железной ограды.
 У меня во дворе «лисапед», а не импортный «бенц».
 Жизнь я честно прожил и не требую, в общем, награды.
 Я российский простой – из далёкой провинции – «пенс».

Моя жизнь удалась, хоть мой род не из «пэров» и «донов» –
 В уголке моего огорода кизил и ирга.
 Но по-прежнему скачет по сценам главарь «Ролингстонов».
 Кто бы мог ожидать такой прыткости от старика?

Он из тех, кому зал рукоплещет, скандируя: «Браво!»
 Я ведь тоже – поверь мне – не прочь от души поскакать.
 Но мешают дела – в моём доме детишек орава.
 Я строгаю из дуба для зимней охоты рогать.

Не спеша, вместе с жизнью вперёд мы плетёмся шкандыбо.
 В мои годы, всё бросив, куда-то бежать – на фига?
 Если ж песенка та зазвучит – всё встаёт во мне дыбом
 От простецкой мелодии, сделанной, знать, на века...

Прости

Не виноват, но ты меня прости.
 И я прощу, хоть ты не виновата.
 Но боль прожгла до костяной ости –
 И не пойму, как смог перенести
 К тебе прикосновений грязных хвата.

Душою пуст, как барабан пустой –
 Своих страстей заложник и невольник –
 Он смог греха верёвочкой простой
 Связать нас в нелюбовный треугольник.

Не виновата, но тебя прощу.
 Не виноват, но попрошу прощенья.
 Из прочной ткани я сплету пращу –
 Придётся старенькому послужить плащу
 Моей Любви орудием отмщенья.
 И ринусь в бой, как ходят старики...

Скрепив свой плащ булавкою аграфа,
 Я вдруг остыну, смыслу вопреки,
 И на него не подниму руки,
 Как поднимал Давид на Голиафа.

Его прощаю. Что с него возьмёшь?
 Он даже осужденья не достоин.
 В его словах звучит сплошная ложь.
 Ему цена в базар – дырявый грош.
 Он худ душой и никудышный воин.

Ушёл он с миром, сам себя судя.
 Пусть будет так. Он явно третий лишний.
 А я навзрыд заплакал, как дитя,
 Что чуть не потерял – не обретя –
 Твою любовь. Меня прости, Всевышний!

Твоей любви достоин я вполне.
 И ты моей любви достойна тоже.
 Виденьем вещим сон пришёл ко мне –
 Как мы с тобою плещемся в волне
 Реки Любви. Да сохрани нас, Боже!

Истина истин

А у нас, как всегда – «дураки и дороги».
 Вдоль дорог колосится польнь-лебеда.
 Притаились в тени кабаки и остроги.
 Вот такая извечно в России беда.

И ещё на Руси воровство повсеместно.
 Утащил, что под руку попало – и горд.
 Вот уж тысячу лет воровство – как известно –
 Всенародные наши забава и спорт.

На Руси никогда не внимали пророкам.
 Так сложилось – в России беда от ума.
 Невозможно пытаться здесь жить по зарокам –
 Будет ждать за углом вас тюрьма да сума.

И надежда на к лучшему сдвиг иллюзорна –
 Дух реформ тут по кругу веками витал...
 Быть в «стране дураков» дураком не зазорно.
 Эту истину истин я с детства впитал.

Стихи и стихии

В наших душах отлив обнажил неликвиды.
 Черти газ поддают, прогревая тандыры.
 А чтоб вверх улетали угара флюиды,
 В тверди неба просверлены «чёрные дыры».

Жупел глотку свербит – слой защитный продрелен,
 Словно доски весною под устья скворечен.
 Я поэт – и давно должен быть бы расстрелян.
 На худое – хотя бы отравлен, повешен.

Но я жив вопреки прописному поверью
 И смотрю на себя – взгляд мой потусторонен.
 Дух свой падший спасая в соборах под Тверью,
 Вижу демонов древних сквозь склепы в Вероне.

Досконально я ими, дружище, изучен –
Им «стучит» специально обученный гоблин.
За моею спиной приговор мой озвучен,
И палач к исполнению его подготовлен.

Смерть за мною впритык. А за тонкою гранью
Жизнь. Та грань отделяет живот мой от смерти.
Я рванул в неизвестное утренней ранью.
Пели ангелы чёрные реквием Верди.

Грань прорвал я и буду расстрелян едва ли.
И повешен я тоже не буду, пожалуй.
Средь цветущих Болоний, Провансов, Вестфалий
Я бреду одиноко – уставший хожалый.
Мне с трудом удалось эти годы лихие
Пережить – я не вор, не разбойник, не ландскнехт.
Я в пространство стремлюсь, где стихи и стихии...
Это Русь.

Там светло и... Божественно пахнет!

Memento mori

Не спал я – опять почему-то не спится.
Сквозь зеркало отблеском древних мистерий
Ворвалась ко мне в комнату чёрная птица,
Как сгусток неведомых тёмных материй.

Мерцал на экране таинственно «Google».
Встряхнувшись до костного хруста – звать ломка –
Неспешно литовку поставила в угол
В курном балахоне до пят незнакомка.

Я вздрогнул и понял – финал неотложен,
Потрачены жизни мгновенья без толка.
И мой монолог с нею был односложен:
«Ты ангел и, значит, заложница долга.
Так действуй, как должно – не будь идиоткой»...

Мы ночь напролёт, не смолкая, «трындели»
С забредшей ко мне сердобольною тёткой –
Внезапно смертью под утро в постели...
... «как звать тебя, дева?» – «Астарт-Кибела».
Мы плыли по Стиксу в Хароновой лодке.
В душе моей песнью забытой вскипело
«Memento...», от страха застрявшее в глотке.

ЮБИЛЕЙ

К 80-летию Вячеслава Богданова (1937-1975)

«Я в дом родной вернусь не блудным гостем!..»

Светлой памяти Вячеслава Богданова:
брата, поэта, друга

*Мне б труднее и жилось и пелось...
Если я не смог бы до сих пор
Породнить полей тамбовских зрелость
И глубины самоцветных гор...*

Вячеслав Богданов

В этих прекрасных словах и горечь, и боль, и любовь к своей родине, малой и большой России. Далее он написал:

Ну, скажите люди, разве можно надвое Россию поделить?!..

Как созвучны его слова с сегодняшним днём, с сегодняшним трагическим периодом для России. Это говорит о его прозорливости, о его большом таланте!

...В начале 1970-х годов он в составе делегации Союза писателей СССР был в Латвии, выступал на предприятиях, перед студенческой молодёжью.

По возвращении я у него спросил, какое впечатление осталось от поездки. Ответ для меня был неожиданным. Он сказал:

«Ты знаешь, наш поезд отходил от Риги в 6 часов утра, и у меня было плохое настроение: я чувствовал неуважение к русскому человеку, к России. И я хотел бы для того, чтобы они не забывались и знали, кто есть кто, пусть у нас играют Гимн, а для них в 6 утра стреляют пушки».

А было это в 1972 году. Он предвидел, что раскола не миновать.

Для него судьба России, русского человека – это было превыше всего, это стержень его творческой жизни. Вся его поэзия пронизана любовью и состраданием к России, к русскому человеку.

Виктор СОШИН

Виктор Михайлович Сошин – родился 24 сентября 1946 г. на Урале. После окончания Звенигородского финансового техникума в 1964 г. начал свою трудовую деятельность. Служил в рядах Советской Армии в ракетных войсках стратегического назначения. Окончил два института – экономический и политехнический, а затем Академию Государственной службы при Президенте Российской Федерации. Защитил кандидатскую диссертацию на тему местного самоуправления. Депутат Совета депутатов Мытищинского муниципального района. Опираясь на общественные организации, решил многие вопросы в микрорайонах Мытищ. По его предложению утверждена ежегодная литературная премия имени Дмитрия Кедрина «Зодчий». Имеет множество наград, звание «Почётный гражданин Мытищинского муниципального района».

Живёт в Мытищах.

Его стихи, поэмы я хорошо знаю, многие – на память. Но всё равно, читая, вновь нахожу для себя новое, нераскрытое.

Как-то в душевной беседе, в Москве, я спросил Славу (так мы, родственники, его звали):

«Кого из родственников ты больше всех любишь?».

А у нас двоюродных было много...

Если честно, то я ожидал, что он скажет – меня. А нет, он назвал моего двоюродного брата Алексея. Вначале как-то было грустновато, ведь я же знал, что таких взаимопонимающих и доверительных отношений с другими братьями и сёстрами у него не было. Он знал, что больше, чем я, никто из родственников так не любил поэзию, не дорожил ею! Он чувствовал, что я тянусь к его слову. Он знал, что мне будет больно от его ответа.

Но он сказал правду, как подсказывало сердце. Я, конечно, спросил, почему. Он ответил, что они с Лёшкой одногодки и детство прошли босиком, прожили вместе самые тяжёлые годы. Затем они вместе жили и работали вместе на Урале. После этого, честного ответа, мне стало легче, мне было приятно, что Слава не покривил передо мной.

У нас разница в возрасте была 10 лет, в те годы она была заметной. Но, несмотря на это, мы со Славой тянулись друг к другу. Постоянно переписывались, часто встречались. Я хорошо помню, я учился в Звенигородском техникуме, мне было 15 лет, а Слава жил в Челябинске, вот с тех пор я с ним начал переписку, следил за каждым его стихом, увлёкся поэзией. Он мне привил чувство любви к поэзии, а если точнее, расширил и углубил, так как чувство поэзии даёт матерью.

Всё, что им написано, всё подарено мне с прекрасными надписями. Вот последний сборник при жизни, вышедший за месяц до гибели, «Избранное». Пишет, как прощается, как завет оставляет:

«Живи, Виктор, открыто, честно, как и живёшь, на прекрасной русской земле».

Я следил за его творчеством, дорожил им. Я понимал и чувствовал, что он поэт от Бога. Я ждал встреч с ним. Раньше, когда он летом приезжал в отпуск творческий на Тамбовщину, мы общались с ним три месяца, а последние годы очень часто встречались в Москве. Когда я служил в армии, во Владимире, Слава приезжал выступать на Днях литературы. После этого родилось стихотворение «Во Владимире», посвящённое талантливому прозаику Сергею Никитину, который, к сожалению, тоже ушёл от нас преждевременно.

Со Славой общаться было очень интересно, он был прост, не был заносчивым, не кичился, что он поэт. Всегда при встречах читал много стихов, чаще своих. Его и просить не надо было, он сам как должное это делал и получал от этого удовольствие. А сколько у него было юмора, каламбуры сыпались один за другим. По каждому поводу у него была шутка. Он был не вредный, добрый, не ехидный, не злопамятный. Да, по-моему, он и обижаться по-настоящему не мог.

Всегда у него присутствовала улыбка, шутка. Добрая у него была душа. А иначе и стихи такими душещемляющими не были бы.

Мы с ним родились в один день – 24 сентября. Всегда поздравляли друг друга.

Теперь в этот день, традиционно многие годы, всегда второй тост поднимаем за Вячеслава, за его светлую память.

Так распорядилась судьба, я родился на Урале, в Челябинской области, а жить приехал сюда, где похоронен Вячеслав. Наша бабушка Настя похоронена там, где я родился, на Урале. И лежат на Урале трое наших: Слава, его родной брат Володя и бабушка Настя. Матери наши очень дружили, это была редкая дружба сестёр.

Из четырёх сестёр, позже всех умерла тётя Полина, Славина мама. Как-то в последние дни приезжаю к ней, ей шёл 86-й год, а она мне: «Когда же я умру? Что мне тут делать одной, Катя умерла, Шура умерла, а я осталась одна».

Как-то Слава в шутку, перед отъездом из отпуска в Челябинск, на перроне сказал: Не грусти, Полина, у тебя два сына...

Не угадал Вячеслав, сыновья ушли гораздо раньше её. А Слава как-то мне говорил:

«Если я вдруг уйду, то не забывай мать».

Я обещание сдержал. Да я и без этого очень любил свою тётю Полину.

Родословные корни у нас поэтические, родственники некоторые слагали стихи, частушки, некоторые печатались, но у большинства пела душа. Да, богата Тамбовская земля талантами, благодатная почва для этого здесь!

Его творчество многогранно, в нём постоянно находишь что-то новое для себя, открываешь новые светящиеся грани его таланта: о судьбе человека, о счастье и несчастье, о памяти, о свете жизни и любви...

Всего Слава написал более двухсот стихотворений и четыре поэмы, пятую только начал, о сталеварах. Конечно, немного написано. Но так распорядилась судьба. Валентин Васильевич Сорокин рассказал мне, что поэт состоит тогда, когда в его творчестве есть любовь к Родине, любовь к человеку, к другу, к работе, к памяти, любовь к природе, к матери, к таинствам вселенной. Важно, чтобы у поэта была своя стержневая тема.

Конечно, прав Валентин Васильевич. Мне думается, в творчестве Богданова все эти составляющие есть и, что характерно, они как-то переплетаются, одно с другим. Он старается соединить их воедино: Человека и Природу, Город и Деревню, сегодняшний день с прошлым и будущим, нашу Землю со Вселенной...

Я как-то проанализировал, о чём же больше написано Вячеславом, хотя и понимаю, что к оценке его творчества так арифметически подходить нельзя, потому что у него в одном стихотворении присутствует и природа, и человек, и судьба его, и город, и деревня. Но всё же я разделил явные темы и что получилось?

Наибольшее количество стихов написано о Человеке, о его судьбе, о друзьях, об одногодках, о поэтах. Такие стихи, как: «Юность», «Человек», «Одногодкам», «Молодожёнам», «Студентка», «Здравствуй жизнь», «Молодой поэт», «Звёздность», «Василию Фёдорову», «Борису Ручьёву», стихи,

посвящённые другу Валентину Сорокину, стихи-посвящения Сергею Есенину и много других сильных стихов говорят о глубоком переосмыслении времени, об ответственности перед Дружкой, о поиске главного в жизни, в понятии земного и небесного.

Большой раздел в творчестве поэта занимает тема малой родины, Тамбовского края, стихи о родимом доме, о детстве, о матери: «Дом», «Родимый дом», «Отчий дом», «О матери», «Степь», «Родная степь», «Я пришёл в эту степь», «Моя деревня», «Васильевка», «Васильевские вечера», «Тамбовские земли» и много других.

Как здорово сказал Вячеслав в стихотворении «Раздумье», посвящённом Николаю Рубцову:

*Эту жизнь я люблю,
Как вначале.
Ты веди меня, сердце, веди.
Тридцать лет у меня за плечами,
Сколько будет ещё впереди?
По дорогам ни дальним, ни близким
Не терял я впустую ни дня.
Видно, как беспокойною искоркой
Наградила Россия меня.
Только трудно одно перенести мне,
Хоть в родные края не вернусь,
Я запел бы о городе песню,
Да деревню обидеть боюсь.
Ты, деревня, прости, дорогая,
Город стал мне хорошим отцом.
Я меж вами стою и не знаю –
Ну к кому повернуться лицом?!
Чтобы жить мне, не ведая горя,
Чтобы сердце не рвать пополам,
Я хотел бы уральский мой город
Передвинуть к тамбовским полям.
По крови хлеборобов наследник,
По труду своему металлург.
Только знаю, что в час свой последний
Мне в деревню захочется, друг...*

Это написано за 10 лет до гибели, с билетом в кармане в город Тамбов.

Не каждому поэту дано воспевать одновременно и деревню, и город. У Славы это получалось. Большое место в творчестве Вячеслава занимает природа, её тайны и красота, особенно в стихотворениях: «Земля», «Полдень», «Соловей», «Конь», «Лес», «Яблоня», «На реке», «У моря», «Резвятся дали», «В июле».

Прекрасный русский поэт Николай Тряпкин, говорил Славе:

«Вот ты деревенский, и я деревенский, ты живёшь в городе, и я живу в городе, а вот у меня стихи о деревне получаются, а о городе нет. А у тебя, Слава, здорово получается и о городе, и о селе».

Я был свидетелем их разговора. Да, у Вячеслава прослеживается во всём творчестве связующая нить между городом и деревней, нить единой мощной России.

К сожалению, сегодня о селе, о деревне, о земле, о её тружениках почти не говорят. Забыли. Приучают нас не думать о земле русской, о её тружениках. Печально и трагично. История повторяется. Печалью и болью трудной жизни сельского труженика пронизано творчество великих поэтов России: А. Кольцова, И. Никитина, С. Есенина.

Всё творчество Вячеслава пронизано любовью к родине, к России, к русскому человеку. Все, кто его знал, помнят, как он гордился своей Родиной, как воспевал её в стихах: «Русь», «Стихи о Родине», «Во Владимире», «На Бородинском поле», «Я родился в России», «Голубой костёр» и в других талантливых, высоко нравственных стихах. Я помню, у него на груди всегда был значок «Русь», так и похоронили мы его с этим значком.

Его слова звучат как набат, особенно сейчас, в крайне тяжёлое и обострённое время для России:

«Я родился в России, Россиянин я сам»;
«Здесь Русь моя на все четыре стороны...».
Заметьте, «Русь моя», как твёрдо и уверенно он заявляет: «Моя!»
«Я запахи твои, Россия, от всех на свете отличу»;
«Ну, скажите, люди, разве можно надвое Россию поделить»;
«Здравствуй, край красоты и железа, / Молчаливая гордость Руси!»;
«Я работаю в цехе Россия»;
«Она всегда неповторима Русь».

Эти слова были сказаны с болью в сердце и с большим чувством ответственности и сыновнего долга.

Как он сказал в стихотворении «Русь»:

*Я в мир пришёл творить, а не рыдать.
Века и так к нам на слезах приплыли.*

Мне думается, в этом и основной стержень звучания его слова.

Тема любви к женщине занимает немного места в творчестве Славы. Видимо, так сложилось. Первая краткая трагическая, но красивая любовь, а затем поздняя, тоже непродолжительная. Но какие чистые стихи:

*Я живу на озёрном Урале,
Ты живёшь на великой реке,
От моей полуночной печали
Почернело кольцо на руке.*

или:

*Звезда, звезда, что смотришь так печально?
Оставь нам тайны добрые свои!
Ко мне любовь дорогой изначальной
Опять пришла сквозь сумраки мои.*

Тема любви у него дополнена яркой любовью к друзьям, к заводу. Тема Работы, в большом понимании этого слова, тема рабочего человека, в неразрывной связи с заводом, с Уралом, занимает очень важное место в творчестве Вячеслава. У него совесть не позволила, да, он был очень совестливым и честным, чтобы не воспеть завод, рабочего, друзей по бригаде, родной Урал, который дал ему хлеб, кров, друзей, а самое главное, поэтические крылья. Неблагодарным он никогда не был. Он понимал, кто его родил, кто научил ходить, и кто воспитал, кто дал путёвку в большую жизнь. Главная черта его характера Совесть. Как он сказал:

*Коль доведётся умирать,
То у меня, учитите,
Завод отец,
Деревня – мать
И чёрный труд учитель!*

В своей главной и, на мой взгляд, удачной поэме «Звено» он глубоко и поэтично раскрывает стержневую тему города и деревни, рабочего и крестьянина, завершая поэму такими словами:

*Сельчан беру я за руки,
Беру,
И мы спешим товарищам навстречу,
Над головою голубеет высь,
И кажутся все дали голубыми...
А мы спешим, А мы уже сошлись.
И я –
Звено единства между ними!*

Хотя от Славы часто можно было услышать, что «Я великий русский поэт», но он всё прекрасно понимал, кто есть кто, и кто на какой поэтической вершине находится. Главное – он не останавливался, он всегда смотрел вперёд, он знал свой потенциал, свои возможности, он знал, что основное им ещё не сказано.

Как-то в беседе в Москве, в конце 1960-х годов я сказал ему, перед этим прочитав только что вышедшую книгу Николая Рубцова «Сосен шум»:

«Слав, а Рубцов сильнее тебя!»

Сразу же вопрос:

«Почему?».

Поскольку я не профессионал, я ему говорю, что не могу грамотно объяснить, но чувствую, что стихи у него тяжёлые, больше философии.

Он нахмурился и говорит:

«Виктор, ты никогда больше мне об этом не говори. Если я с тобой соглашусь, то мне надо бросить ручку и прекратить писать».

Больше на эту тему мы никогда не говорили. Сейчас, когда прожита большая часть жизни, когда я научился кое-чему и познал кое-что, могу сказать, что Николай Рубцов действительно большой поэт, но и Вячеслав Богданов далеко не отстал от него, а по отдельным темам и стихам надо ещё подумать, кому отдать пальму первенства.

Слава чувствовал и настойчиво шёл к своей вершине. Вы посмотрите, как об этом чётко говорит он в стихотворении «Озеро», написанном в 1970 году. У Славы стихи нежные, добрые, высокопатриотические, доступные, земные, высоконравственные.

...Последний раз мы с ним разговаривали по телефону 5 июля 1975 года. В основном говорили о поэзии, о его успехах. К этому времени он сдал книгу в издательство «Современник», ждал июльскую подборку стихов в журнале «Огонёк». Всё это было опубликовано, и вышла книга, но, к сожалению, уже без него.

Перед отлётом в Москву Вячеслав собрал членов литобъединения «Металлург», которое он возглавлял многие годы, и попрощался с ними до позднего вечера. Заодно и «обмывали» только что вышедшую в Челябинске книгу «Избранное».

В этот день я ему звонил до позднего вечера, но переговорить с ним не удалось, обменялись лишь несколькими фразами с женой Женей.

На следующий день была суббота. Звоню в 10 часов утра:

«Слава, ты где же вчера был вечером?».

А он мне:

«С друзьями попрощался...».

Разговор был с ним долгий, о жизни, о поэзии. В творчестве у него был подъём в это время. После высших Литературных курсов в Москве он здорово наверстал упущенное на заводе. Он много познал, а главное, он пообщался, подружился с крупными поэтами России. Это Александр Прокофьев, Василий Фёдоров, Егор Исаев, Алексей Марков, Сергей Орлов, Николай Глазков и многие другие. В этот период у него родилось много сильных стихов. Его стали печатать многие центральные газеты и журналы, о нём заговорили радио и телевидение. На Урале он был признан первым поэтом, избран членом редколлегии журнала «Урал».

Последние три года жизни и его творчества были базовыми для дальнейшего старта. Как сказал его друг, большой русский поэт Валентин Сорокин: «Вячеслав только распрямился как поэт».

Всё говорило о его взлёте, чувствовался большой поэтический накал. Все, кто знал его, это тоже чувствовали, ощущали, что в литературу пришёл настоящий поэт, со своим «Я».

Договорились мы с ним встретиться в Москве 7-8 июля 1975 года, затем он должен был поехать на свою родину – на Тамбовщину. Взял билет на 11 июля, договорился выступить в Тамбове вместе с прекрасной поэтессой, тоже, к сожалению, рано ушедшей от нас – Майей Румянцевой, ну а затем навестить тамбовские просторы, своих земляков.

Но, увы, не суждено было...

11 июля мне позвонила Женя и сообщила, что Славы больше нет. У меня был шок. Для меня это было как удар молнии.

Прошло уже более 40 лет, как его нет с нами... Но, к радости, его лирическое и патриотическое сердце стучит среди нас и по сегодняшний день.

Проезжая по просторам Черноземья, чувствуешь, как наполняется грудь радостью от среднерусской красоты.

Берёзовые перелески как бы защищают и охраняют пашни и озимые посевы. Просторы полей радуют глаз. Как говорил Вячеслав Богданов:

*Поля, поля, ни края, ни границы,
Над колыханьем зреющего хлеба.
На перезвоны радостные птиц
Задумчиво облокотилось небо...*

Дорога к Тамбову пролегает через области: Московскую, Рязанскую и Тульскую. Но всё это – среднерусская частица России. Ухоженная, спокойная

и красивая. Заметно приведена в порядок дорога, такая ровная, что даже убаюкивает. Лишь не дают заснуть частые перекаты от низовья к возвышенности. Красота, аж захватывает дух!

...На Днях литературы на Тамбовщине, посвящённых памяти Славы, сколько мы услышали за прошедшие годы стихов интересных, написанных школьниками, какие умные глаза, как они тянутся к поэзии, к искусству! А как школьники читают стихи Богданова, какие песни поют на его стихи!

Радостно становится, что прорастает творчество Богданова, воспринимается новым поколением. Значит, доброе звено заложено в творчестве Богданова, коль всходы хороши.

Думаю, не случайно сегодня его малая родина – Тамбовщина признала его своим, родным и очень близким, не случайно тамбовчане его вернули к себе, прописали у себя своими прекрасными Днями литературы, фестивалями, конкурсами чтецов среди школьников, музеями, библиотеками, песнями, стихами, книгами.

Спасибо всем вам! Спасибо, что приняли Вячеслава открыто, по-русски, по доброму.

24 сентября нашему автору – писателю, общественному деятелю Виктору Сошину – 70 лет. Редакция журнала ВЕЛИКОРОССЪ поздравляет Виктора Михайловича с Юбилеем! Желаем Вам, дорогой Виктор Михайлович, здоровья и бодрости, вдохновения и творческой радости!

ПОЭЗИЯ

Инна МУХИНА

Инна Юрьевна Мухина – по профессии металлург и металлург, кандидат технических наук, ведущий специалист в области авиационного материаловедения. В течение многих лет стихотворения И. Мухиной постоянно появляются на страницах периодической печати, в коллективных сборниках и альманахах. Автор трёх поэтических книг и лауреат многих литературных конкурсов. Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Галерея

Я странствую по странам и музеям,
Где душу греет терпкое вино,
Картиным удивляюсь галереям
И этот мир мне воспринять дано.

Акварели Сергея Андрияки

Мир акварели –
Магия и тайна,
В нём совершенство
Вовсе не случайно.
Вот торжество
Зелёной акварели,
В ней потонули
Ранние метели.
А жёлтая цветов
Раскрыла лица и купола,
И маковки столицы,
И дальних тех
Святых монастырей,
Что мастер дарит
Нам рукой своей.
Малиновое с красным
Откровенье – дань красоте
Её предназначенье,
Из мрака в свет
Рождается полёт.

А акварель
Сияет и поёт,
И возвещает миру
О живом,
Прекрасном и высоком
Мире том.

Левитан

Палитра чистая России –
Его нелёгкая судьба,
Плен вдохновения, бессилье
И красок вечная борьба.
То жёг его огонь тревоги,
То меланхолия гнала,
А Русь томила за порогом
И на Владимирке ждала.
Так, видно, боги начертали,
Чтоб кисти жаждали руки,
Не потому ли так печально
Стояла Осень у реки.
Над вечным, сумрачным покоем,
Где слышен ропот облаков,
Пила душа печаль запоем
Под стон глухих колоколов.
Он нам дарил свою Россию,
Обетованный волжский плёс
И Март пронзительный и синий
В весеннем кружеве берёз.

*По мотивам картин Василия Васнецова
«Алёнушка», «Иван царевич и серый волк»*

Вплетались
Наши имена
В прозрачный шорох
Мокрых трав,
Чтоб удивляться
И внимать
Зелёной радуге
Дубрав.

Любови терпкое
Вино
Нас согревало
Столько раз,
Переплетая
Двух в одно,
Из нежной
Ласки губ
И глаз.
Прошу тебя,
О, серый волк,
Ты этих дней
Не забывай
И памяти
Зелёных снов
Не отдавай,
Не отдавай.

У картины Пабло Пикассо «Свидание»

Эта комната чья-то обитель,
Судеб двух полузамкнутый круг.
Гобеленом она не оббита,
Только нежностью сомкнутых рук.
Эти встречи не редко, не часто,
Эта бедность, она – не порок.
Встретит взрывы любовного счастья
На скрещении трудных дорог.
Сердце к сердцу всё ближе и ближе
В неизбывном стремленьи любви.
Так давно это было в Париже,
Так недавно в пенатах твоих.

Даная

О Рембрант, как изнемогает
Даная!
Чей страстный дождь
Тебя ласкает,
Даная?
Чьи губы
В жарком поцелуе,
Даная?
Подскажет мне,
Чего хочу я,
Даная.

По мотивам произведений М. Шемякина

Дух рыцарства Шемякин воссоздал
Триадою иконы¹, шлема², маски³
Собрав в одно всё это. Голова,
Возникшая из жизни или сказки,
Началом стала будущих начал

Был виртуален мир его видений,
И в зазеркалье истину храня,
Он жил театром завтрашнего дня,
Эпох иных и разных поколений.

Щелкунчик нёс морковку на Парнас,
На каблучках рулил и хитрым глазом
Косил на нас. И было видно сразу,
Шемякин так к нему благоволил.

Был брошен вызов косности и лени,
Сам Пикассо следил за всем из тени
Музейных редкостей своих.
Хоть иногда гротеск был неказист,
Похоже, был художник «пикассист».⁴

Врубель

Мой ангел, мой демон,
Волос вороное крыло,
Вернёмся на землю –
Безумное счастье прошло.
Пускай осыпается
Душ золотой листопад,
Любовь отступает,
Чтоб ей возвратиться назад.
Неистовый демон –
Печаль моих ласковых дней,
Ты вечно один,
А я вечно останусь твоей.

¹ Русская икона.

² Рыцарский шлем.

³ Маски народов Океании.

⁴ Так называет себя Михаил Шемякин

В Каталонии. У Сальвадора Дали

Я сотворю мужчину
Сентябрьских дней
Из каталонской глины
И из камней.
Глаза его оливы
Чуть-чуть светлей,
И буду я счастливей
Мечты моей.
Легка его фигура,
Он издали –
Мужчина типа сюрра,
Как у Дали.
Мы как Адам и Ева,
У этих скал,
И искушать у древа
Нас Змий устал.
Когда я с побережья
Уйду домой,
Сотрёт слепую нежность
Морской прибой.

Он с лёгкою фигурой.
Мечтаю издали,
Мужчина типа сюрра,
Как у Дали.

Из цикла «Былинка»

Из-под насыпи

В интернете я случайно наткнулся на видеозапись, сделанную неизвестным автором на сотовый телефон. Длится она всего 1 минуту 22 секунды. Но впечатление на меня произвела очень сильное. Шоковое. Это, можно сказать, документ эпохи. Степень важности которого вполне соотносима со временем Фёдора Михайловича Достоевского. С одной стороны – свидетельство того, как государство проявляет заботу о своих гражданах. С другой – это (в определённой степени) ответ на вопрос, почему русский народ ещё жив до сей поры...

Загородная остановочная железнодорожная «площадка». Подходит электричка, остановилась. Судя по виду её, дело происходит где-то в глуши, далеко от центра России. Остановка здесь, очевидно, только летняя, в дачный сезон. Старушка с пластиковым ведром в левой руке и с пакетом в правой, едва переставляя ноги, спешит сесть в электричку. Старушка полноватая, рыхловатая, невысокого роста. Нижняя ступенька тамбура примерно на уровне бедра этой пожилой женщины. Подняться ей из-под насыпи на эту ступеньку просто нереально. Но она потянулась и втолкнула на площадку тамбура свой пакет. И у меня пробежала мысль, что электричка сейчас закроет дверь и увезёт её поклажу. Но бабушка быстро перевернула ведро вверх дном, встала на него ногой, а затем уж легла всем телом на ступеньку и стала заносить на неё ногу. Руками за поручень держится, вцепилась. Дух у меня заходит.

Наблюдая за этой посадкой, я невольно подумал: если садиться в электричку каждый раз вот таким способом, то ведр не напасёшься. Однако когда бабушка одолела подъём и утвердилась в тамбуре ногами на третьей ступеньке, я заметил, разглядел, увидел, что у бабушки всё предусмотрено, как на международной космической станции, что от пакета к ведру привязан шнурок, и в

Виталий Анатольевич Богомолов – родился в 1948 г. в г. Тавде Свердловской обл. Прозаик, публицист. В 1978 г. окончил дневное отделение филологического факультета Пермского государственного университета. Работал в университете, затем в книжном издательстве, позже во вневедомственной охране и грузчиком, корреспондентом газеты «Сельское Прикамье». Член Союза писателей России с 1990 г. Лауреат Всероссийского литературного конкурса им. В. Шукшина (третья премия; 1998), областной премии в сфере культуры и искусства (1999). Живёт в Перми.

следующее мгновение ведро, к удивлению моему, оказалось рядом с хозяйкой.

Тут поневоле задумаешься: а ведь достаточно хотя бы на длину двух вагонов сделать подсыпку щебня, приподнять площадку, или (на худой конец) сколотить средневековый деревянный помост, чтоб с него было возможно ногу занести хотя бы на нижнюю ступеньку вагона...

По завершении этой государственно-издевательской акции – двери электрички закрылись, она тронулась, стремительно набирая скорость. Эх, велика наша страна, не напасёшься посадочных площадок. С ведрами пластиковыми проще...

Но шнурочек-то, шнурочек этот! Как он меня поразил! Выходит, бабушка сей способ освоила давно. И ведь как придумала-то, а! Ведёрко, шнурочек. Какая находчивость! Вот уж воистину – голь на выдумку расторопна и щедр, или, как прежде говорили – торовата! Яснее ясного, что у этой старушки вся надежда только на себя. Только на себя! Только в этом коренится идея её изумительного изобретения. Она помнит, в какой стране родилась, прожила долгую жизнь, и в какой придётся ей умирать...

Да разве такой народ способны завоевать и истребить какие-нибудь там наполеоны или гитлеры?.. Разве они своим «цивилизованным» умом способны предусмотреть, где русская бабушка шнурочек свой привяжет...

Любовный квадрат

Они были сверстниками, Юрка и Файка, правда, он учился классом младше. Файка – девка-огонь, с милым улыбчивым личиком, располагающая к себе, участвовала в художественной самодеятельности школы, прекрасно танцевала и вызывала восторженные симпатии у многих парней старших классов. Юрка тоже был парнишка энергичный, наделённый артистичностью, музыкальностью. Над его комическими выходками часто хохотал весь класс. Вот и вышло и так получилось, что по совпадению темпераментов они в Файкином восьмом, а в Юркином седьмом классе влюбились друг в друга...

В селе Гусевка имелась только школа-восьмилетка, средняя находилась в другом селе – Завод-Ашак, за шестнадцать километров. Поэтому на восьми классах их образование на тот момент и закончилось.

Правда, Юрка, поработав в колхозе прицепщиком, через год поступил на годичные курсы трактористов, а Файка устроилась на работу в соседнее село Антоновку, за четыре километра, санитаркой в детский дом. Но любовь их продолжалась, и привязанность только крепла...

Потом Юрку призвали в армию. Это был предпоследний призыв парней в девятнадцать лет и на три года (после служили уже с восемнадцати лет и два года). И вот в переписке они что-то поссорились. Наверное, своей неумеренной общительностью Файка подавала повод для пересудов, а Юрке кто-то написал, «дунул» – да ещё, как водится, со злорадными преувеличениями. А она – девушка была с непростым характером...

И как раз в это время к Файке посватался двадцатисемилетний парень из Антоновки, где она работала в детдоме. Виктор (по-деревенски – просто Витька) был на восемь лет старше её. В небольшом селе жизнь каждого человека – под большим микроскопом. Все знали, что у Витьки есть женщина, к которой он периодически на ночь похаживает – Лизка, на три года старше его, которую никто не берёт замуж. Но упрямую и отчаянную Файку это не

смutilo (видимо, из желания досадить Юрке), она дала согласие, и Витька на ней женился. А Лизку это привело в неопишное бешенство. Известно, что ревность женщины может достигать силы цунами. И при случайной встрече (теперь Витя её избегал) она мстительно пригрозила ему, что с Файкой у него *ничего* не получится.

Так и вышло. Уже через пару месяцев молодая семья развалилась. Поползли липкие поганые слухи про Витьку, что «машинка» у него не работает и Файка по-прежнему девушка.

После Витя поделился: Лизка что-то «знала» и «сделала» ему... «Если с Лизкой я был джигит, – говорил он, – то с Файкой – евнух».

Пришлось Файке со стыдом и позором от сплетен вернуться в свою семью, а Витьке – к Лизке, тянуло его к ней, как железку к магниту.

Юра в те месяцы службы от унижения и отчаянья чуть было не застрелился, но благополучно пережил всё, отслужил и вернулся домой. Конечно, после такой сердечной раны теперь о его женитьбе на Файке не могло быть и речи... Но вскоре он женился на хорошей девушке Оле, хотя и оставался к ней равнодушен, любви не было: его сердце всё равно сохло по Файке. Он перучился на шофёра и стал работать на машине.

А к Файке никто больше не сватался, мимолётное замужество испортило ей судьбу. Несостоявшийся её супруг, Витя, стал сильно «закладывать за воротник» и в подпитии признавался, бывало, близким друзьям: «Иду к Лизке – столбняк, с другими – ноль. Колдунья она. Ведьма! Сделала что-то. Как верёвкой привязала к себе. Присушила меня...» Зная Лизку, в это верили.

Так прошло несколько лет. И тут у Юркиного одноклассника-отличника, у Саши Клыкова вдруг умирает от болезни жена, после неё остаётся ребёнок четырёх лет. Через полгода вдовец Саша сватается к одинокой Файке. Она соглашается и выходит на чужого ребёнка. Здесь любви тоже не возникло, была какая-то взаимная необходимость. Но жили неплохо. Файка, лидер по природе, верховодила, держала мужа в руках, а тихий, послушно-покладистый Саша исполнял в их семье, в хозяйстве всё, как надо.

Файна родила ему двух парней, неродной мальчик звал её мамой, за такую и считал, и она к нему относилась как к своему. Жизнь наладилась, раны в душе женщины с годами постепенно затягивались. Парни росли здоровые.

По прошествии некоторого времени Сашу Клыкова, как человека порядочного и достойного, избрали председателем сельсовета, позже переименовали в главу поселения, и стал он Александром Михальчем. Файна поднялась до заведующей заводского детсадика. Во время Великой Отечественной войны в их селе Гусевке обосновался небольшой заводик по производству лыж и прикладов для винтовок. Лыжи и сейчас выпускали, только детские, а приклады заменили на изготовление деревянных расписных ложек, разделочных досок, скалок и толкушек. Последнее время пользовались спросом ещё и берёзовые корытца для рубки мяса на пельмени... А берёзовых лесов здесь хватало.

Про Витьку к той поре уже почти все забыли: он давно погиб трагически в состоянии белой горячки, а детдомовская медсестра Лизка, никем здесь больше не востребованная, уехала жить в город. Там устроилась на работу в психиатрическую больницу, присмотрела себе одинокого мужичонку из тех, кто страдает алкогольным психозом, но ещё поддаётся исправлению. Она стала за Коленькой ухаживать и после его выписки, они сошлись. У него была двухкомнатная наследственная квартира. И зажили они с Коленькой вполне даже

дружно, она держала его под неусыпным контролем, не давала ему срывать-ся, хотя случалось... А в трезвой жизни он оказался вполне даже галантным мужчиной и хозяйственным супругом.

В июне 1998 года Александра Клыкова укусил клещ. Для сельской жизни – дело обычное. Он клеща вытащил и забыл о нём. Но через неделю ему стало плохо. Надо было срочно обратиться в больницу, однако служебные дела помешали в те дни съездить за тридцать километров. Когда потерял сознание, увезли на «скорой», но спасти уже не смогли. Клещ оказался энцефалитным. Саша умер мучительно. Вся Гусевка была в шоке! Да что там Гусевка – в шоке было всё руководство района.

Файна Степановна осталась одна. Дети к этому времени стали уже взрослыми и самостоятельными. И теперь, в безысходной тоске одиночества, в состоянии ненужности, она поняла, какой потерей стал для неё Саша, какой это был бесценный муж, как она за эти годы привязалась к нему. Да, любви не было. Однако эта привязанность стала почти равнозначна любви. А теперь что? Что дальше? Холодное прозябание... Каждый вечер перед сном, вынужденная обдумывать свою жизнь, она плакала...

Юрий и Файна встретились, на новогодней сельской вечеринке в клубе. Обоим уже было за пятьдесят. Он пригласил её на танец, по-прежнему гибкую, энергичную, в какой-то момент они посмотрели друг на друга глазами девятнадцатилетних, когда он уходил в армию, когда безумно любили друг друга... И словно порыв неожиданного ветерка пронёсся между ними. Как будто этим ветерком раздуло тлеющие в золе угольки, вспыхнул костёр не постаревшей прежней любви. Ах, как темпераментно отразился он в заблестевших глазах Файны после нескольких слов Юрия...

Ушёл Юра от своей опостылевшей жены. Всё хозяйство и дом оставил ей. Забрал только баян. И вот уже пятнадцать лет живут они с Файной, не чая друг в друге души...

«Просто я исправил ошибку своей молодости...» – ответил он медленно и задумчиво на настойчивый вопрос, заданный ему однажды в дружеской компании.

И все поняли, что это действительно так, и слова его – это не оправдание им своего непростого тогда поступка. А особого рода покаяние...

Гангрена

Утром Валера очнулся в лёгком и светлом настроении. За окном, играючи, светило весёлое апрельское солнышко... Он, как ребёнок, порадовался солнышку. Ему сказали, что сегодня Пасха. А в Пасху, говорят, солнышко всегда играет, радуется Празднику... Хорошо было.

И необъяснимо, почему короткой вспышкой вспомнилось Валерию, что он шестиклассник или семиклассник. Утро, до звонка перед первым уроком ещё несколько минут, ребята сгрудились вокруг него, и он взахлёб, с подростковым светлым азартом, торопится пересказать им содержание очередной прочитанной, проглоченной книги, хотя бы эпизоды, особенно его поразившие. И неважно, какая книга, он любил приключения и фантастику. Это могли быть и «Три мушкетёра», и «Земля Санникова», и «Человек невидимка» и любая другая.

Ребята слушали, развесив уши, потому что всегда оказывалось так, что Валера первым в классе прочитывал ту или иную книгу. И ответный азарт одноклассников, интерес, с которым они слушали, подогревал Валеру и вдохновлял. Потом кто-нибудь вслед за Валерой брал эту книгу в библиотеке и прочитывал её. Вот таким был он тогда популяризатором. Вспомнив это, Валера улыбнулся. Сейчас, в свои пятьдесят лет, он бы даже не припомнил ни за что, когда последний раз держал книгу в руках...

Хорошо было сегодня. Пасха. В детстве они с сестрёнкой ждали с нетерпением крашения яиц к Пасхе... Без них какой праздник. Где они эти благословенные дни детства? Где? Тогда он ещё был Валерка, а не Валека, как сейчас. Валекой его в шутку прозвали, когда старшая дочка подрастала и на вопрос взрослых ради их забавы, как зовут её отца, отвечала – Валека, что означало Валерка. И это скоро прилипло к нему – Валека, Валека.

В тот день Валека и его сосед Гена плотничали в хозяйстве Валеки: надо было заменить в бане нижний, напрочь сгнивший венец, через который в одной стене уже улица светилась, бревно совсем рассыпалось. Потому свою баню не топили с осени, как начались холода; мылись у соседей. Дружно с ними жили.

Дело было к вечеру, работу на этот день уже заканчивали. Как повелось, в течение дня не раз хлебнули спирта «рояль». Валера обтёсывал новое бревно, расставив ноги по сторонам его, оставалось сантиметров двадцать. Бревно было сухим, лежало в ограде года два. Попался крепкий сучок, при сильном ударе в кремнистый сучок топор сыграл, отскочил и вонзился лезвием в правую ногу Валерия, прорубил резиновый сапог, брючину и до кости рассадил ногу, на четверть выше лодыжки.

Он вскрикнул: боль была мгновенная и пронзительная! Корчась, допрыгал тяжело и неуклюже на одной ноге до крылечка, плюхнулся на ступеньку, панически зажимая ладонью место проруба, через который выступила кровь, и крикнул жену.

Вышла неряшливая и тоже постоянно поддатая Любка, грязная, в бог ведает когда стираной юбке, в сорочке с засаленными бретелями. Без лифчика. Всегда безразличный к её внешнему виду, сейчас Валера с неожиданной неприязнью подумал: «Чума болотная!»

– Ногу топором посёк! – воскликнул он истерично, отведя взгляд от Любки и скривив лицо от боли. – Давай какой-нибудь шнурок перетянуть, чтобы кровь не шла!

Она смотрела, как сочится сквозь пальцы Валерия кровь, стараясь понять, что произошло и что требуется от неё.

– Чё уставилась-то!? Давай скорей! Чума болотная! – зло закричал на неё раздражённый Валера. – Сапогними сперва! – потребовал он.

Это Любка поняла сразу. Сдёрнула сапог. Валера приподнял прорубленную штанину, обнажив рану на давно невымытой грязной ноге с длинными чёрными ногтями.

– О-ой! – воскликнула жена, увидев, как обильно течёт кровь из раны, которая была вдоль по ноге на ширину трёх или даже четырёх пальцев.

– Давай скорей шнурок какой-нибудь! – не выдержал Валера.

– Не ори! Ширококоротый! – огрызнулась она привычно на мужа и неторопливо исчезла в тёмном проёме сенечных дверей.

Подошёл Гена. Посмотрел как-то безучастно.

– Надо спиртом-то обмыть, – предложил он вяло.

– Спирт по назначению, – простонал Валера. – Плесни там для наркоза, если осталось.

– Есть маленько, – подтвердил Гена.

Он нацедил ещё почти полстакана. Валера, продолжая зажимать правой рукой рану, взял стакан в левую и махом вылил его в рот... Рот у него, на круглом скуластом лице, действительно был широким. И жена, когда сердилась, частенько его дразнила этим. Вот и сейчас поддела...

Наконец Любка появилась. Равнодушно протянула Валерию обрывок бельёвого шнура и полоску ткани сантиметров десять шириной, от старой застиранной до желтизны простыни, давно пущенной на тряпки...

Он туго перетянул шнуром ногу выше раны и принялся заматывать рану полоской простыни.

– Может, в медпункт надо? – предложил неуверенно Гена. – Скобки поставить...

– Обойдётся, – отмахнулся Валера. – На мне, как на собаке...

Окончив перевязку, он с трудом поднялся, но приступить на ногу не смог – не давала резкая боль.

– Придётся отлежаться маленько, однако, – заключил покорно Валера.

Гена, закинув правую руку друга себе на плечи, помог ему ускакать на одной ноге в избу. Там раненый свалился на свою безобразную лежанку и заговорщицки попросил Генку сходить до лесника и выпросить в долг бутылку спирта. Лесник в Арсёновке приторговывал по доступной всем цене техническим спиртешкой на разлив, который привозил из города в тридцатидевятилитровой молочной фляге. К тому же малость подразводил его. И хотя поля в округе давно заросли непроходимым бурьяном, к стоявшему на отшибе дому лесника – «народная тропа» не зарастала... Считалось, что торгует он тайно, однако в деревне об этом знали все.

На третий день Валера послал жену к медсестре, чтобы она пришла и осмотрела рану.

Фельдшера в их в деревне уже несколько лет не было, сократили ставку – оптимизация называется, оставалась только медсестра, Света, тоненькая, усохшая до щепки. Высосали двое детишек да муж недобытчик... Про себя она иногда называла его с горечью – «недобытчик».

– Валерка ногу посёк топором, – сообщила ей Любка и спросила: – Посмотришь, может?

– Что, сильно? – насторожилась Света.

– Есть маленько, – поморщилась Любка.

– Что, кровотечение есть? Обильно? – допытывалась медсестра.

– Позавчера-то была кровь, а теперь не идёт, присохло всё, – пояснила Любка.

– Позавчера?! – изумилась Света. Выслушав приуменьшенное Любой описание раны, задумалась и сказала: – Позавчера. Ну, если маленько, так само пройдёт...

– Болит шибко у него, жалуется, – объяснила Люба. – До кости, видно, просёк.

Маленькая, слабосильная Света уныло представила, какой путь надо ей проделать два раза – туда-обратно – через всю деревню по весенней грязюке в резиновых сапожищах.

– На, вот дай тогда ему таблетки, – предложила она, – по одной утром, вечером, пусть попринимает эти дни. Если кость задел, конечно, поболит пока. Мне вот укол надо идти ставить Алексею Михайловичу, совсем в другой конец шлёпать, он ждёт, Маруся прибегала, – пожаловалась медсестра. – Давление у него высоченное.

Алексей Михайлович был последним в их деревне ветераном Отечественной войны.

Поначалу Валера рассердился на Свету, когда Любка сказала, что та не придёт. Таблетки передала только. Потом попросил жену сходить до лесника. На это она с радостью согласилась и, прихватив пластиковую пустую полуплитровую бутылку, ушла. Но вернулась скоро и ни с чем: не наливает больше лесник спирту под запись, уплаты требует, долгу много накопилось, говорит.

Валера сник и задумался... Где сейчас возьмёт он денег, если работы нет в их деревне? Колхоз загнул. Техники никакой. Сена на корову заготовить и то стало невозможно, а руками попробуй покосить... Пришлось корову продать... Теперь вся еда у них – картошка, да иногда куры яичко снесут. Девчонки вон одеть совсем не во что... В семье росли три девчонки-погодки, которые все тряпки носили с чужого плеча... Старшей было двенадцать лет. И она уже начинала что-то понимать, глядя на более состоятельных и опрятных подружек...

И у пенсионеров ничего пока не подзаработаешь с больной ногой. В горьких размышлениях Валера от безысходности проглотил принесённую женой таблетку и скоро заснул. А когда проснулся, испытывая возобновившуюся ломотную боль и сильный озноб, ему пришла в голову одна неожиданная мысль, от которой даже сердце учащённо заколотилось...

Можно потерпеть какое-то время, выждать, чтоб началось заражение крови, решил он, тогда ногу отнимут, дадут инвалидность, группу, будет пенсия, будут деньги, доход какой-то в семье появится... На тракторе теперь ему всё равно уже не работать. Где они, эти трактора?.. Зачем ему нога?.. Принялся даже фантазировать, сколько могут отрезать. Решил, что согласен будет, пожалуй, до колена. Выше – нет! Он терзался: сказать не сказать об этом Любке. Как она воспримет его идею? Наконец решил поделиться. Люба выслушала, и по тому, как беспечно посветлело её лицо, он догадался, что замысел его пришёлся ей по душе...

С этого дня Валера терпел нарастающие мучительные боли, сильно поднялась температура, ломило всё тело, началась даже испарина. Он догадывался, что процесс идёт как надо, теперь требуется угадать только момент, когда можно будет заявить, что у него не совсем в порядке с ногой и тогда уж лечь в больницу. Любка следила за распухшей, нагноившейся и посиневшей до колена ногой и уговаривала его потерпеть ещё немного, чтоб понадежней было, а то вдруг ногу вылечат. Тогда и мучение будет напрасное, и всё дело

насмарку пойдёт... Муж соглашался, терпел муку дальше. Только просил спиртику принести. Она раздобыла...

Когда Валера начал неожиданно бредить и терять сознание, Любка перепугалась и побежала к Свете.

– Так ты же недавно мне говорила, что у него уже всё зажило почти? – удивилась медсестра.

– Ну, заживало, – смутилась Любка, – а теперь вот снова разболелось. Не рассчитали, может... – Она осеклась от испуга, что проговорила.

Но Света не обратила даже внимания на её последнюю фразу.

Придя к больному, Света была изумлена неряшливостью хозяйки в доме. Осмотрев Валеру, медсестра пришла в ужас:

– Ой, мамонька родная, у него же сепсис, Люба! – воскликнула она. И тут же пояснила: – Заражение крови! Поди, гангрена?.. Ой, чё мне теперь будет!.. О-ой!

Люба тоже перепугалась, сейчас ей невольно подумалось, что её могут посадить...

Светлана, не чуя ног, тут же побежала к Алексею Михайловичу, на единственный в Арсёновке телефон, вызывать «скорую». Но машину прислали только на следующее утро. На шестьдесят километров пути в два конца бензина не было, не смогли сразу найти, кризис: на дворе беспредельничал предпоследний год уходящего века. 10 апреля Валерку в бессознательном состоянии переправили из райбольницы сразу в областную. Заражение нарастало. Провели экстренную операцию, ногу ампутировали выше колена, почти до бедра...

Утром Валера пришёл в сознание, очнулся в необъяснимо лёгком и светлом настроении. Как ребёнок, порадовался солнышку. Ему сказали, что сегодня Пасха. А в Пасху, говорят, солнышко всегда играет, радуется Празднику...

Он узнал, что ногу ему отрезали, как задумывал, пусть и немного выше, чем хотелось... Но не было больше мучительной боли, как будто нога была на своём месте и здорова.

Невдомёк было Валере, что его начинили обезболивающими лекарствами, а гангрена продолжалась. Интоксикация усиливалась, кровоснабжение органов было нарушено уже до критического состояния. Сознание его было лишь короткой вспышкой. Ближе к полуночи он умер от септического шока.

ПОЭЗИЯ

Виктор ХАТЕНОВСКИЙ

Виктор Вячеславович Хатеновский – родился 5 апреля 1958 г. в Минске. В 1985 г. окончил Саратовское театральное училище им. Слонова по специальности: актёр драматического театра. В 2007 г. – после 18-летнего перерыва – возобновил занятые актёрской деятельностью.

Живёт в Москве.

«И с проклятиями, да с молитвами...»

День груб, нервозен, обездвижен.
Сдружились с пылью ордена.
Взрывная терпкость спелых вишен,
Как лоб, к руке пригвождена.
Вгрызаясь в чувственную мякоть
С восторгом бешеным, готов
Конквистадор смеяться, плакать,
Пешком отправиться в Ростов,
В Солнечногорск, в Саратов к тётке,
В прохладный сумрак, в синеву –
Чтоб где-то там без слёз, без водки
Из сердца выскоблить Москву.

Жизнь, как камни, раскидала
Нас. Взбудрив судьбу хлыстом,
Твёрдой поступью вандала
Входит память в старый дом.
Без фанфар, без песнопений,
Раздразнив промозглый тлен,
Входит, бродит... Чьи-то тени
Отделяются от стен.
Прорастает память телом:
Камнем высветлив версту,
Батя в платье чёрно-белом
Грудью тянется к кресту...

Прокричав веселью: «Трогай!»,
Ради нас – в расцвете лет
Свыклась мать с фортуной строгой;
Под Берлином – сгинул дед...
Скорбь неистовствует. Память
То безмолвствует, то вздрог...
Вздвогнув, пробует подправить
Сволочной оскал – дорог.
Жизнь вбивает ногу в стремя,
Грудь рубцует мошकारа...
Ах, как сладко пахло Время
В предвкушении добра!

Передёрнув затвор беспросветной печали,
К ремеслу пристегнув взвод соломенных вдов,
Как младенца, шесть дней в колыбели качали
Расторопные улицы злых городов
Неустроенный быт, заскорузлость... Саратов,
Красноярск, присмирив к верху поднятый кнут,
В обездоленность лиц, в заторможенность взглядов
Даже видимость жизни уже не вдохнут.

Октябрь. Слякоть. Листопад
Флиртует с ветром. День обвалом
Надежд отмечен... Двое спят,
Укрывшись плотным покрывалом.
Ночная мгла не так страшна
Содружеству... В застенках рая
Жена, как смерть, ему нужна;
Ей нужен муж, как боль зубная.
Так – было, есть. Так будет впредь.
Вновь умертвив в октавах звуки,
Она рискует – растолстеть,
А он – состариться от скуки.

Голос, взгляд, походка, жесты –
Слепок жизненный... В Белграде
Смерть, схватив костюм невесты,
Льнёт к кладбищенской ограде.

Под стеклом расправив спины,
Подвывая: «Все мы смертны»,
Розы, астры, георгины
Снова ждут сакральной жертвы.

Затхлый запах влажной тверди
Мозг взрывает криком: «Горько!»
Моцарт, Бах, Чайковский, Верди
Нагнетают страсти... Только

Оглашенным – страх неведом:
Растворившись на погосте,
Будешь – скомканным портретом
Приходить к Отчизне в гости.

Сентябрьским днём иль сентябрьской ночью
Не встретившись с дерзкой вакханкой воочью
В бесхозных, в разросшихся зарослях вишен,
Ты сломлен; ты, как террорист, обездвижен.
Ты – жертва, мишень для спецназовской пули...
А впрочем, в Москве, в Катманду, в Ливерпуле
Всем тем, кто безвременьем на кол посажен,
Восторженный скрежет бессонниц не страшен.

Мгла простёрлась над табло,
Подтверждая многократно –
Здесь, бесспорно, не тепло,
Здесь по-взрослому прохладно
В межсезонье. Здесь с утра,
В борозду вгрызаясь просом,
Смерть впускает медсестра
К пехотинцам и к матросам.

«Сегодня вновь, как тридцать лет назад...»
Мы будем петь дурными голосами
Про чёрствый хлеб и про вишнёвый сад,
Про заскорузлый быт в смердящем храме;
Про то, как сброд зажавшихся господ
Златым тельцом раздавлен и разрушен;
Про то, что русский коренной народ
Своей стране давно уже не нужен.

Благодарю Тя, Господи!
Господь, благодарю –
Её по Красной площади
Не вёл я к алтарю,
И радостью, обещанной
В начале всех начал,
Ты с этой дерзкой женщиной
Меня не обвенчал.
Благодарю Тя, Отче наш –
В стране грехов и грёз
Всё пройдено, всё кончено
Без крови и без слёз.
Доверившись сну вещему –
Слов попусту не трать...
Пролей на эту женщину
Любовь и благодать!

Маме, Нине Павловне

Сколько непритворных слёз,
Бедствий, стрессов нервных
Отпрыск ваш Вам преподнёс,
Будучи, во-первых –
Хворым, хрупким, щипцевым,
Вздорным... С колыбели –
Плакальщицы стадом злым
Над блаженным пели:
«Для тебя под Минском вы-
Выдолблена яма!»...
Где б я был, когда б не Вы,
Дорогая мама?!

С разнузданной страстью к погромам – не споря,
Жизнь растормошив, ты бросаешься в море
Подследственных чувств. Твои бёдра, твой взгляд
С бесстыдством – о ласках земных говорят.

Медведь, впавший в спячку, и тот был разбужен
Твоим восхитительным возгласом, – «Нужен
Мне ты!». В Дюссельдорфе, в Атепцево, в Минске
В честь – вздорной любви – расцветут обелиски.

ПОЭЗИЯ

Инна Авдеевна Яскевич – после окончания литейной кафедры МВТУ им. Н.Э. Баумана работала по специальности. В журнале «Литейное производство» прошла путь от научного до главного редактора. Сегодня возглавляет Издательский дом «Литейное производство», выпускающий журналы: «Литейное производство», «Металлургия машиностроения», «Библиотечка литейщика».

Живёт в Москве.

Инна ЯСКЕВИЧ

«Что значит счастье, не узнаете...»

Мои стихи – заметки на полях
Редактора, что жизнь с листа читает.
Её я поправляю впопыхах.
А правильно, иль нет, увы, не знаю.

Жить на белом мы можем только в детстве.
Потом во всём нам видятся ошибки.
Не нравятся то форма, то сюжеты.
Их исправляем строго, без улыбки.

А надо бы иронию призвать
И высмеять все глупости подряд.
Тогда б судьба взглянула благосклонно.
Глядишь, надела б праздничный наряд.

Влюбиться в тембр голоса по радио
И захотеть услышать ту же песню.
И этот день прожить, тихонько радуясь,
Бывает, разве, что-то интересней?

Потом включать одну и ту же станцию,
Ловить мелодии в надежде удивиться,
Что это было наяву – волшебный голос.
Его я слышала. Не мог же он присниться?

Про снег на подоконнике, про письма,
Что поздно посланы и даже не получены.
Пел баритон про то, что всем известно,
Про все ошибки – те, чем не научены.

Сюжет простой. Но главное – мелодия.
И голос – тот, что сердце растревожил.
И думаешь опять – не всё потеряно.
И веришь – для тебя ещё возможны

И удивленье, и восторги, и сочувствие –
Всё то, что делает существование жизнью.
И понимаешь всех фанатов и фанаток,
Чьим обожанием артист бывает признан.

Нужны нам маленькие радости.
И лучше, если каждый день.
Сердца нуждаются в подарках,
Пока их не закрыла тень

Ежеминутных ожиданий
Нас удручающих событий,
Пока тоска и раздражение
Не превратили бы нас в нытиков.

Ищите радость в каждой мелочи –
Улыбке, взгляде, шоколадке,
Весны цветенье, шуме моря.
И станут ожиданья сладки.

Без этих маленьких приятностей,
Без радостного удивленья
Что значит счастье, не узнаете.
Оно – не цель. Оно – мгновенье.

Василий ПОЛЯКОВ

Тост за врачей...

Рассказы
(Из студенческих тетрадей
прошлого века)

Недоезд

В перерыве после лекции кто-то крепко стиснул плечо Владимиру Казакову. От неожиданности студент остановился, замер и резко обернулся в полной готовности постоять за себя.

– Володя, привет! – тихо и многозначительно почти прошептал ему на ухо его однокурсник Ярослав Маруськин, которого всего месяц назад кооптировали в комитет комсомола института. – Серьёзно поговорить надо.

– Здравствуй, Слава, – дружелюбно улыбнулся в ответ Казаков. – Что-то серьёзное случилось? Помочь надо?

– Потом узнаешь, – так же тихо и многозначительно продолжал Маруськин. – Приходи к двум часам в комитет. Только не опаздывай. Там любят точность.

– Хорошо, приду. А в чём дело? По какому поводу?

– Всё потом, – несколько загадочно проговорил Маруськин, трижды погладил Казакова по спине и исчез.

В комитете Казакова таинственно провели к секретарю по оргвопросам, старшекурснику, который по своему облику и манерам напоминал скорее преподавателя или помощника декана.

Секретарь проникновенно, но строго сообщил Казакову, что его пригласили по очень ответственному и деликатному делу институтского масштаба и поручить его можно лишь ответственному человеку, которому комитет доверяет и который сообщит конфиденциальную информацию только ему.

Суть дела оказалась в следующем. После окончания медицинского института студентка,

Василий Евгеньевич Поляков – коренной москвич, родился 4 июля 1938 г., окончил 330-ю среднюю мужскую школу, затем 2-й Московский медицинский институт, клиническую ординатуру и клиническую аспирантуру в НИИ педиатрии АМН СССР. Врач-педиатр, гематолог, лимфолог, онколог и детский онколог, организатор здравоохранения. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Профессор, академик Международной Академии Информатизации ООН и Международной Славянской Академии наук, образования, искусств и культуры. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

круглая отличница в течение всех шести лет обучения, была распределена на работу на остров Сахалин. И вот к ноябрю месяца стало известно, что молодой врач не приехала, к работе не приступила, и где она находится сейчас и что делает – неизвестно. Такая ситуация определялась грозным словом «недоезд», и по этому поводу уже последовали запросы облздрави в министерство здравоохранения и в институт. Назревают неприятности, скандал. Но институт располагает подмосковным адресом бывшей студентки. Нужно съездить и всё выяснить на месте. Комитет даёт в руки Казакову официальный запрос и берёт на себя ответственность за день пропуска лекций и практических занятий.

Шел ноябрь – в ту пору по-настоящему зимний. Мороз с утра был градусов под тридцать. Москва была завалена сугробами, припорошенными искрящимся белым снегом. На асфальте снег поскрипывал и хрустел под ногами. Мороз крепко пощипывал нос, щёки и уши. У людей при ходьбе изо рта и носа клубился пар, как у лошадей из волшебных русских сказок. А как же красив был подмосковный лес – особенно будто принарядившиеся в вязаные орнбургские платки необхватные горделивые ели!

Казакову разрешили поехать с напарником. Так было солиднее и весомее для дела и для последующей более точной и объективной информации.

Из адреса, которым Казакова снабдили в комитете, следовало, что бывшая студентка института проживала до распределения на территории подмосковной психиатрической больницы в корпусе-общежитии для сотрудников.

Когда Владимир Казаков и его напарник Михаил Кондратьев на нужной станции сошли с электрички, уже совсем развиднелось, хотя небо было затянуто низкими тёмно-серыми тучами. Из печных труб сельских домов дым поднимался высоко стройными белыми столбами. Путь до больницы оказался недолгим, но студенты успели замёрзнуть, хотя пешком по дороге шли широким размашистым шагом. Охрана на проходной встретила их уважительно, а более молодой и крепкий любезно проводил в располагавшийся недалеко от ворот двухэтажный корпус, прямо в приёмную главного врача.

В приёмной было светло, уютно, просторно, чисто и, главное, тепло. Секретарь внимательно выслушала студентов, извинилась, что придётся подождать, показала вешалку для пальто и шапок и, по-матерински улыбнувшись, сочувственно спросила: «Замёрзли? Чайку хотите? Нет? Серьёзно нет? Тогда посидите, погрейтесь, а как у Петра Аркадьевича закончится совещание с заведующими, я доложу».

Студенты только-только согрелись, как со стола секретаря подал голос мелодичный звонок. Женщина почти автоматически поправила причёску, взглянула на себя в маленькое круглое зеркальце и деловито прошмыгнула за обитую дерматином дверь кабинета главного, оставив её слегка приоткрытой. И хотя секретарь и главный врач говорили, не повышая голоса, студентам всё было слышно. Узнав, в чём дело, главный врач быстро завершил совещание, поинтересовался, есть ли неотложные вопросы, и совсем спокойным тоном спросил заведующих: «Тогда расходимся по местам?»

Из кабинета один за другим стали выходить врачи. Их вышло человек шесть, и все были мужчинами. Каждый дружелюбно протянул руку Казакову и его напарнику, сказал одобряющие слова, пожелал доброго здоровья, успеха, пригласил посетить отделение.

Главврач ещё о чём-то тихо поговорил с секретарём и вместе с нею вышел к студентам. Он широким жестом гостеприимного хозяина пригласил их к себе в хорошо освещённый просторный кабинет.

Было что-то широкое, русское, доброжелательное и неспешное как во внешности этого человека, так и в уважительной манере выслушивать собеседника, не перебивая. Выслушав гостей, он вступил в беседу не сразу. Сначала подумал, постукивая лежащую на столе папку пальцами левой кисти, склонил голову влево, вправо, почмокал губами, несколько раз пригладил голову правой рукой, улыбнулся и начал так: «Понимаете, коллеги, я Наденьку Ковшову знаю много-много лет. Её родители работали в нашей больнице больше десяти лет. Отец – садовником, а мать – санитаркой. Своего жилья у них никогда не было. Жили трудно, нуждались. Это сейчас у нас построен тёплый кирпичный корпус для сотрудников, но всё равно это общежитие. А раньше они ютились то в холодном хозяйственном сараичике, то в продуваемом насквозь летнем домике садовника. Отец Нади – фронтовик. Сейчас он – инвалид первой группы. Мать – уже пенсионерка, инвалид второй группы. Наде досталась суровая школа. Она ещё совсем девчонкой-школьницей помогала и отцу, и матери, а потом, сколько помню, и училась, и работала. Была у нас санитаркой, медсестрой, поступила в институт и совмещала учёбу с дежурствами. Дисциплинированная девушка. И такой в ней негибачый стержень заложен со стремлением учиться и обязательно стать врачом! Вы же сами сказали: все шесть лет круглая отличница!

Знаете, разговор между нами, но, с моей точки зрения, комиссия погорячилась, распределив её на Сахалин. Родители с ней не поедут. Нет у них на это ни физических сил, ни денег, да и займы взять не у кого... Бросить отца и мать и усвистеть одной? Нет, Наденька не тот человек... А не подписать распределение – значит лишиться мечты, не получить диплом, не стать врачом. Представляю, как она мучилась, страдала, как её сердце разрывалось на части. У других выпускников перед работой отпуск был, многие отдыхали в Подмосковье, а некоторые и на юг махнули, к Чёрному морю – поплавать, позагорать, покататься в моторной лодке, попить винца, поесть шашлыков, пофлиртовать с молодыми мужчинами. А у неё, бедной, денег не было даже на новое платье. Она была обязана накормить, напоить, одеть, обуть своих родителей и себя. Какие уж тут каникулы!

Вот получила она свой диплом и на второй день ни жива, ни мертва пришла советоваться. Ко мне пришла.

Выслушал я её и говорю: «У тебя трудовая книжка на руках?»

– Нет, – говорит. – У вас, в отделе кадров больницы.

– Ты после распределения не увольнялась?

– Нет.

– Тебя заведующий отделением собирался уволить?

– За что?

– За халатность, за проступки какие-нибудь.

– Да что вы, Пётр Аркадьевич, – говорит. – Меня, если честно, ещё трое заведующих агитировали после диплома пойти работать к ним, но разве можно так нечестно, за глаза, бросить отделение Валентина Дмитриевича? А коллектив у нас какой доброжелательный! Сколько раз меня старшая сестра выручала с графиком работы! А Верочка и Люба в течение всего моего шестого курса приходили сменить меня после ночи на полтора часа раньше. Только бы в Москву к началу занятий в институте не опоздала. Ой, Пётр Аркадьевич, как же я таких людей брошу?

– А что думаешь сейчас делать? В отпуск пойдёшь?

– Пётр Аркадьевич, можно я денька три отосплюсь, а потом снова включусь в работу? Теперь я птица свободная, сама могу кого нужно подменить или выручить. А болтаться без дела я не умею. По-моему, это самое скучное занятие.

– Хорошо, Надя. Ой, прости. Ты у нас теперь дипломированный врач, а значит Ковшова Надежда Ивановна.

– Пётр Аркадьевич, не привыкла я как-то ещё...

– Привыкай. К уважению. К большей ответственности.

– Вот вы говорите об ответственности. А мне к сентябрю нужно уехать от вас. Меня на Сахалин распределили.

– Ну, распределили. А тебе, что же, ехать не хочется?

– Пётр Аркадьевич, я не знаю, как поступить. Не поехать я не могу. За это по головке не погладят. Сокурсницы говорили, что могут быть очень крупные неприятности. Могут и диплома лишиться, а могут – ой, даже подумать страшно! – привлечь к уголовной ответственности. Что и в том, и в другом случае будет с родителями, мне и представить страшно. Они этого не перенесут. Ведь и умереть могут!

– Надежда Ивановна, успокойся, не нервничай. Ты врачом в нашем коллективе выросла? В нашем. Я тебе выговоры выносил? Нет. Ты у нас сколько работаешь?

– Да почти девять лет.

– Я тебя увольнял?

– Нет.

– Мне никто прямого указания отчислить тебя из штата не давал? Нет. Ты ведь собираешься работать, а не гулять или без дела болтаться?

– Да.

– Так, прости, мне в такой огромной больнице самому хорошие работники нужны. Иди три дня отсыпайся, а потом за работу, теперь уже в новом качестве. И меньше светись. Ни в институт, ни в министерство ездить не надо, к юристам и к сокурсникам за консультацией не бегай. В стране столько хлопот с плохими людьми, что до хороших часто руки просто не доходят. Не ссорься с людьми, не ездь зайцем в электричке, не носи короткие юбки, не купайся в нашем пруду голой и не выставляй на пляже очень уж откровенно свои молодые женские прелести.

– Пётр Аркадьевич, вы смеётесь надо мной?

– Нет, отмечаю объективно, как врач и как нестарый мужчина...

– Пётр Аркадьевич, вы меня совсем в краску вогнали...

– Да, вогнал. Знаю. Но вам, уважаемая Надежда Ивановна, румянец к лицу и очень вас украшает.

– Пётр Аркадьевич, так вы не возражаете, если я продолжу работать в нашей, (ой, простите!) в вашей больнице?

– Нет, не возражаю, наоборот хочу этого и поддерживаю это твоё желание.

– А потом как?

– А это уже не твоя забота. Об этом теперь будет болеть голова у меня, у комиссии по распределению, у Московского и Сахалинского облздравов, у министерства здравоохранения, у юристов-консультантов всех этих учреждений. В твоих действиях злого умысла нанести ущерб государству и состава преступления нет. Знал и знаю, что людей отзывчивых, хороших и умных больше, чем плохих. Или в конце концов забудут про тебя, или разберутся по

справедливости. А мы трудолюбивых и дисциплинированных работников в обиду не дадим. Надо будет, и нашего депутата подключим.

– Спасибо вам, Пётр Аркадьевич, и от меня, и от папы с мамой.

– Передай им от меня поклон. Молодцы они: хорошую дочь и достойного врача вырастили.

«Вот так она в нашей больнице и осталась, и в должности врача-психиатра уже пятый месяц после получения диплома работает. Отец и мать живы, скрипят, требуют постоянного присмотра и помощи, но как же они радуются за судьбу дочери!»

После такой откровенной беседы и Казаков, и Кондратьев в том же кабинете главного врача быстро написали справку, которую им предстояло представить комитету комсомола института. Писали они её с полной уверенностью, что умные люди разберутся и поступят правильно. Когда официальная часть была закончена, главный врач дал команду своему секретарю. Две полные русские красавицы в белых кокошниках и таких же белых наглаженных и хрустящих фартуках внесли подносы с вкусно пахнущими свежесдобными пирожками и бутербродами с красной рыбой, колбасой, сыром, вазой с конфетами.

Главный врач не торопил гостей, умело вёл непринужденную беседу на самые разные темы, угощал и сам на равных вкусно и аппетитно завтракал. Общение за едой продолжалось не больше получаса. Потом все дружно мыли руки, вытирали их вафельными полотенцами, поданными каждому участнику застолья индивидуально. Справедливости ради следует заметить, что подобное мероприятие было проведено и до завтрака.

А потом главный врач соблазнил гостей показом всей больницы. Для студентов-второкурсников это было необычно и загадочно. Дело в том, что к больным в клинику студенты-медики приходят только с третьего курса, а до психиатрии добираются ещё позже – на курсе пятом-шестом. Конечно, ни Казаков, ни Кондратьев от такого предложения отказаться не могли. Огонёк интереса к познанию неизведанного и не совсем понятного засветился в их глазах, как у Шерлока Холмса и доктора Ватсона, взявшихся раскрыть новое загадочное дело.

Главный врач вызвал в кабинет своего заместителя по лечебной работе.

– Иван Сергеевич, вот у нас молодые гости, будущие врачи. Их прислали по поводу Ковшовой. Я им всё откровенно обрисовал. Справку они составили в моём присутствии. Получилось, по-моему, кратко, правдиво, убедительно. Мне сейчас в пятый корпус нужно отойти. С прорабом встреча назначена. По поводу пристройки и ремонта. Отложить это дело не могу. А вот молодым людям посмотреть больницу, познакомиться с психиатрией интересно. Да и никто лучше тебя о больнице, о пациентах, об особенностях нашей профессии не расскажет. Будь добр, отложи дела и удели коллегам время. Может быть, кто-нибудь из них вырастет в будущих Корсакова или Ганнушкина...

– Всё понял, Пётр Аркадьевич. Сделаю.

Иван Сергеевич оказался влюблённым в свою профессию тонким врачом и, конечно, очень талантливым педагогом. Он ничего не скрывал, показывал и самых курьёзных больных, но его демонстрация не выглядела грубым и пошлым анекдотом, в его объяснении постоянно звучало, что мы имеем дело с несчастным страдающим человеком, которого только болезнь и смогла загнать в положение смешного оратора, наукообразного шута, «смелой», «обворожительной» актрисы оперетты, цирка, балета, эротического кино. За

внешне нелепым, экстравагантным поведением как мужчин, так и женщин болезнь скрывала и прятала болеющую, страдающую, истерзанную душу пациента. Иван Сергеевич с уверенностью и убеждением подчёркивал, какими потрясающими возможностями лечения обладает современная психиатрия, способная вернуть несчастного больного к жизни, труду, семье и даже творчеству.

Время пролетело незаметно. Студенты возвращались домой, когда небо почернело и на железнодорожной станции включили яркие осветительные фонари.

Впечатления от посещения больницы были столь ярки и неординарны, что говорить о них, обсуждать откровенно не хотелось.

Когда электропоезд резко сбавил скорость у платформ московского вокзала, Казаков засунул руку в карман пиджака и с радостью убедился, что письмо главврача больницы в комитет комсомола института находится в надёжном месте и завтра оно будет доставлено по назначению.

Прошло много лет, и на одной из конференций, посвящённой проблемам, общим для терапии и психиатрии, в повестке дня Михаил Кондратьев углядел персональный доклад врача-психиатра Н.И. Ковшовой, представлявшей ту самую больницу, в которую так много лет назад по поручению комитета комсомола Кондратьев сопровождал Казакова. Надежда Ивановна сделала блестящий доклад. Ей рукоплескал весь зал. А одежда, причёска, макияж и скромные золотые украшения оратора заставили не отводить глаз от докладчицы почти всю мужскую половину участников конференции.

Кондратьев так обрадовался, увидев и узнав Надежду Ивановну, что долго и мучительно вспоминал имя и отчество главврача этой больницы.

А вот под аплодисменты коллег всё встало на свои места.

– Пётр Аркадьевич! Ну, конечно же, Пётр Аркадьевич! – радостно вспомнил, рассмеялся Кондратьев и начал громко аплодировать во всю ширину своих больших мужских ладоней.

Если целуют руки

Встреча выпускников уже подходила к концу. Была она очень радостной, приподнятой, светлой. Расставаться – ну никак не хотелось! Предложение заглянуть в квартиру к нашему сокурснику и ещё посидеть группой пришлось по душе всем.

Хозяин не суетился. Оказалось, что в его доме и еды, и напитков вдоволь, есть красивая скатерть, рюмки, бокалы, фужеры. Мы привели в порядок причёски, вымыли руки. Сервировка стола заняла совсем немного времени.

Дружно расселись, памятуя студенческие симпатии. И заговорили. Вспоминали любимых преподавателей, первые восхитительные записочки, инициаторами которых были, конечно же, девушки, первые романы и размолвки, трудности с зачётами, наиболее ценные шпаргалки на экзаменах и все те смешные ситуации, в которые каждый из нас обязательно попадал.

Потом пошли откровения о выборе узкой специальности, причём почти у каждого это была неповторимая, а иногда и довольно романтическая история. Хозяин никого не перебивал, подавал удачные весёлые реплики и тепло улыбался откровениям и шуткам других.

Были среди нас и участковые педиатры, и инфекционисты, детские хирурги, оториноларинголог и офтальмолог, педиатр-онкогематолог, биохимик. Были ассистенты, доценты и профессора. Работа всех так или иначе была связана с детьми, потому что мы все окончили педиатрический факультет Второго московского медицинского института. И только хозяин дома стал акушером-гинекологом, причём весьма известным и знаменитым.

– Володя, а что тебя побудило выбрать свою специальность? – Красивая Люся, к которой хозяин дома был равнодушен на первых курсах учёбы, задала вопрос в лоб, слегка прищурила свои красивые и озорные глаза и чуть покраснелась.

– Не знаю, – медленно произнёс Владимир и немножко задумался.

– Наверное, после пропедевтики? – не унималась Люся. – Помнишь, как Софья Михайловна учила нас пальпировать животы и аккуратно нащупывать увеличенную печень и селезёнку? Ты тогда лучше всех пальпировал живот одной старушке, а на разборе Софья Михайловна сказала, что у тебя рука мягкая и властная – такая, какая должна быть у акушера-гинеколога...

– Ты это помнишь? – спросил Владимир и благодарно улыбнулся.

Мы переглянулись. На третьем и четвёртом курсе Люся не могла не похвастаться подружкам, как наблюдательна и права оказалась Софья Михайловна. Потом над ней аккуратно подтрунивал весь курс.

– Вы знаете, друзья, – продолжал после некоторой паузы Владимир, – нас ведь очень хорошо готовили в институте. Вот сейчас выдают за откровение вроде бы новую профессию – врач общей практики, или семейный врач. А помните, как мы, студенты педиатрического факультета, обучались по полной программе лечебного факультета и плюс осваивали всю учебную программу педиатрического? Нас первоначально планировали распределять в типовые участковые больницы на 25 коек (10 – терапевтических, 10 – хирургических, 5 – акушерско-гинекологических, да ещё обычную стоматологическую помощь мы должны были оказывать). А педиатр автоматически становился районным педиатром и по вопросам педиатрии должен был консультировать всех врачей в районе.

– Да, точно, именно так и было. Это ещё профессор Гецов Герасим Борисович нас на это настраивал. Помните, как он увлечённо и шутливо говорил, когда нужно было подчеркнуть какую-нибудь важную мысль: «Ге Бе рекомендует...»

– С другой стороны, – продолжал Владимир, – мы уже три курса отучились, а в лекарствах разбирались плохо и даже инъекций делать не умели. Хорошо, что нашему курсу первому (подчеркиваю!) устроили сестринскую практику. Помните, как в 9-й больнице (теперь имени Г.Н. Сперанского) мы учились пеленать детей, делать первые внутримышечные инъекции и даже внутривенные вливания грудным детям в голову?

Но больше всего дала, конечно, врачебная практика после четвёртого курса.

– Это тогда, когда ты со мной рассорился и решил ехать на практику с ребятами из другой группы? – снова выступила Люся.

О, женщины! Вы всегда правы и редко бываете великодушными. Даже через столько лет Люсе было важно публично сообщить группе, кто был истинным виновником их разрыва.

Мы быстро переглянулись с Владимиром и поняли друг друга без слов. Я-то знал, что Люся закрутила феерический роман с другим, но Володя

никогда и никому об этом не рассказывал. Об этом знали только очень наблюдательные друзья.

– Я тогда оказался на практике с ещё тремя парнями, – продолжал Володя. – Одним из них был ты. – Он указал на меня пальцем.

– Да, помню, – подтвердил я.

– Приехали мы в город Щ. Он на другом берегу одной большой реки, где в неё впадает река поменьше, но тоже судоходная, что за двумя огромными мостами – железнодорожным и шоссевым. Там, по течению большой реки, километрах в шести от города, только-только отстроили новую больницу. Поселили нас в одноэтажном выбеленном кирпичном доме, где должны были располагаться морг и секционная. Разумеется, в то лето там мы были первыми жителями.

– Не страшно было? – спросила впечатлительная Света.

– Нам было некогда задумываться об этом, – продолжал Володя. – Работы с первых же дней оказалось очень много. Двух ребят с лечебного факультета сразу определили в хирургию, а нас вот (он показал глазами на меня) забрал к себе акушер-гинеколог. Как сейчас помню, фамилия его была Коржов, а звали его Фёдор Петрович. Мы должны были оформлять документацию на рожениц, принимать роды, выхаживать родильниц, работать в гинекологическом отделении, вести амбулаторный приём (иногда в день принимали до 60-70 женщин). Каждому из нас, кроме того, предстояло через сутки дежурить по стационару.

Акушерство мы на четвёртом курсе изучали и сдали весной экзамен, а вот гинекологию осваивали на приёме. Когда с чем-то встречались впервые, что-то не знали, – бежали в отведённое нам жильё и там лихорадочно листали и читали учебник, который за практику незаметно прочитали и по необходимости изучили от начала до конца.

Фёдор Петрович был среднего роста, коренастый, плечистый. Над его округлым лицом с усами вились зачёсанные назад иссиня-чёрные волосы с серебряными подпалинами на висках.

Он был доброжелательным, спокойным, интеллигентным человеком. Говорил коротко и по существу, но с первых же дней показал себя не только широким, общительным хозяином и специалистом в сфере женских проблем, но и весьма требовательным руководителем. В общей сложности он посвятил нам пять суток – учил, спрашивал, водил на обходы в родильный зал и на операции, на амбулаторный приём и приём женщин в стационар. Затем он взял отпуск и отбыл в Сочи. Мы остались одни.

В нашем отделении роды у женщин проходили торжественно. В находившейся по соседству военной части ровно в девять ноль-ноль начиналась форменная орудийная пальба. Там испытывали новую технику, и пилотов в кабине истребителей выстреливали километров на десять в высоту, а далее, уже с этой высоты, они забирались ещё выше, экономя таким образом горючее. Под такой салют наши руки принимали новорождённых мальчишек и девочек – красных, со сморщенной кожей, обмазанных родовой смазкой и материнской кровью. После того, как матери убеждались, какого пола оказывалась их выношенная кровиночка, они блаженно улыбались, успокаивались и даже радовались салюту.

В один из дней обхода мы убедились, что родившая несколько дней тому назад 23-летняя молодая женщина чувствует себя плохо. У неё поднялась высокая температура, она была очень бледной, губы приобрели фиолетово-синюю

окраску, глаза казались огромными, будто подведёнными тёмной краской, нос заострился. Струйки пота стекали по вискам, по крыльям носа и по шее. Обследовав женщину, мы убедились, что у неё развилось осложнение в виде послеродового эндометрита.

Помню, что мы рьяно взялись лечить её. До хрипоты спорили, что нужно вводить первым и что с чем сочетается и не сочетается. Применяли антибиотики, литическую смесь, капельницы с солевыми растворами и глюкозой, сердечные, дыхательные analeптики. В течение десяти дней мы боролись за здоровье этой женщины очень активно. К счастью, мы одолели болезнь и выписали из больницы и здоровую мать, и здорового ребёнка.

Пока Фёдор Петрович отсутствовал, от больных, санитарок, медсестёр и врачей других отделений мы постепенно узнали его судьбу. Оказалось, что наш доктор был на фронте, воевал, но и там работал в госпитале акушером-гинекологом. Случилось так, что внезапно началось немецкое наступление, был осуществлён неожиданный прорыв. Госпиталь оказался отрезанным от своих, угодил в окружение. Поскольку медперсонал не оставил ни раненых, ни больных, все оказались в плену.

Немцы разобрались, кто есть кто, и заставили Фёдора Петровича работать по своей специальности у них. Профиль пациенток был тот же. Только теперь это были не русские, а немецкие женщины.

Из плена Фёдора Петровича освободили наши войска. Коржовым сразу же заинтересовался «Смерш». В конце концов, за сотрудничество с немцами, Коржов был осуждён и репрессирован на десять лет. В сибирском лагере он тоже был акушером-гинекологом.

После отбытия срока Коржов оказался поражённым в правах. Он не мог жить в центральных и столичных городах, а к Москве не имел права поселиться ближе, чем на 101 километр. Вот так – один, без семьи, без скарба он несколько лет назад появился в городе Щ., где оказалась вакансия по его специальности. Поначалу его очень насторожённо приняли врачи и пациентки. У многих дам было полное неприятие врача-мужчины «по бабичьим делам». Но постепенно, шаг за шагом, ответственным и профессиональным отношением к делу Фёдор Петрович завоевал уважение, авторитет, даже любовь пациенток. За глаза они его называли «Федя-Петя, женский бог», вкладывая в это прозвище озорную доверительность доктору при весьма пикантных ситуациях и бесконечную благодарность его золотым рукам.

Наша практика подходила к концу. Мы уже поработали терапевтами и хирургами. Приближался день отъезда. И вот за несколько дней до него доктор Коржов вернулся из отпуска.

Наверное, нас похвалили за хорошую работу, потому что в один из дней Фёдор Петрович решил пригласить нас двоих к себе домой на прощальный вечер. Жил он один в отдельном доме из четырёх комнат, сплошь заставленных полками с книгами. Такой изумительной библиотеки по всем разделам медицины я больше не видел ни у кого.

В самый последний момент выяснилось, что доктор забыл купить хлеб. До закрытия магазина оставались считанные минуты. Мы ринулись восполнить пробел. Хотя дверь уже закрыли, магическая фраза, что мы пришли купить хлеб для Федя-Пети, позволила нам пройти внутрь.

В зале магазина стоял полумрак. В очереди к продавцу мы оказались четвертьными. Пока стоящие перед нами отоваривались, мы о чём-то заговорили, по-студенчески несколько шумно.

И вдруг, сделав покупки, одна из женщин обернулась, заулыбалась нам, как старым знакомым, подошла, наклонилась и стала молча целовать руки сначала тебе (Владимир указал глазами на меня), а потом мне. Только теперь я узнал эту женщину. Это была та самая наша пациентка, за жизнь которой мы боролись в отсутствие Фёдора Петровича. Я стоял, как вкопанный, боясь пошевелиться. Мне, в общем-то молодому парню, хотя и без пяти минут врачу, таким изумившим меня способом выражала благодарность женщина, молодая мать!

Когда мы вышли из магазина и пошли в дом к Фёдору Петровичу, из открытого окна соседнего дома летела горячая, страстная мелодия. Общая любимица почитателей её таланта в России, Лолита Торрес пела:

«Если руки мне целуя, ты шепнёшь одно лишь слово, жизнь отдам и не спрошу я, для чего тебе она...»

И хотя она исполняла эту песню на испанском языке, перевод был не нужен.

– Разве после всего того, что случилось, я мог выбрать другую специальность? – спросил Владимир. – Если руки мне целуют...

Через много лет я рассказал эту историю в незнакомой компании, где довелось встречать Новый год. История произвела впечатление, а дамы особенно дружно поддержали тост за врачей, которым целуют руки...

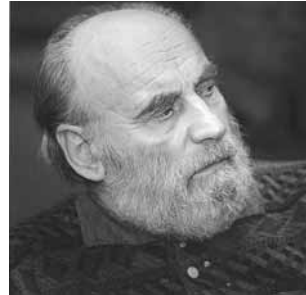

ПОЭЗИЯ

Юрий БОГДАНОВ

Юрий Николаевич Богданов – родился в г. Горьком, окончил музыкальное училище им. М.И. Глинки (1964 г.), Литературный институт им. А.М. Горького (1974 г.). Автор более двадцати книг стихотворений, в том числе «Галактика души» (сонеты), «Музыку небесную я слышу», трёхтомного собрания лирики («Солнцу хвала», «Всевышней любовью», «Лунное затмение»), «Капелью проклянуты чувства», «Поделись надеждой с врагом своим», а также поэм – «Ванька, встанька», «Пётр и Февронья», трагедий «Джунглетта», «Морок», «Из-под плинтуса», «Проскурова лажа», «Последний круг» и других. Ю.Н. Богданов секретарь Правления Московской городской организации Союза писателей России, Академик Петровской Академии наук и искусств.

Живёт в Москве.

Святой венец Руси (Из короны венков сонетов)

XI

Преподобный Серафим Саровский (1759-1833)

1

О, Земле Русская, славлю поныне
Ревнителей истинных веры святой.
Оставшегося без отца сиротой,
В Прохоре Бог распознал Серафима.

Упал с колокольни мальцом семи лет,
Все удивлялись, что он невредимый:
Присно Царицей Небесной хранимый
От бранных болезней, несчастий и бед.

Благословила мать медным крестом:
Оставил навеки родительский дом –
Из мира ушёл тропкой Божией.

На Богородицу матушка чаёт –
Христианин всегда привечает
Избранных Богом любимых детей.

2

Избранных Богом любимых детей
В обителях строгих молитвой встречали:
В сердцах молодых не томились печали –
Тлетворные радости гиблых страстей.

Святой Досифей нравно отрока принял –
Благословил идти в пустынь Сарову!
С благостью тот указанье воспринял
Как Вседержителя мудрое слово.

Шли без сомнения юноши в иноки, –
Пред Богом смиряли мирскую гордыню,
Чтоб не погибнуть в словесной пучине.

Прочь уходили от мира в пустынники,
Хотя ещё были едва лишь в почине, –
В души вдохнули им веры твердыню.

3

В души вдохнула им веры твердыню
Сама Богородица! В час тяжкой хвори
Сказала ему: «...о тебе помню, сыне,
Обитель с молитвой избавит от горя...».

Много трудился в столярке, просфорне,
Но тяготел духом к уединенью:
Сладил шалаш в лесу от искушений,
Где предавался во власть мыслям горним.

Жить жаждал в Боге во благо людей!
И снабдевал Словом Божиим душу,
Дабы надежду ни в ком не порушить.

Тем, кого Бог приглашает на пир,
Знать должно Новый Завет и Псалтирь, –
Чтоб не искали мы ложных путей.

4

Чтоб не искали мы ложных путей,
«Радость моя, – приходящим глаголил, –
Стяжи мирный дух, дай душе Божью волю,
В молитве утеха небесных сладостей».

Тех наставлений не знали негодники:
Адская алчность затмила им взор.
Дьявол наслал на святого разбойников –
...Отдал смиренно злодеям топор...

Пришла Богоматерь с Петром, Иоанном:
«Сей от нашего рода... Загноятся раны...»
Пылко молился Господу, Троице...

С жутким увечьем молитвенно справился:
Недомогал, помаленьку поправился
С верою в помощь Самой Богородицы.

5

С верою в помощь Самой Богородицы
Знался с медведем диким рисково:
Хозяина леса потчевал в рощице –
Шкурой зверь чуял душевное слово.

В силе со всяким тягался на равных –
Грабителям мог дать достойный отпор:
Но не имел по Евангелию права
Поднять на губителей смертный топор.

После расправы ходил он с клюкою,
Да никому не казался больным.
(Был я сучком у него под рукою).

Подвиг молчанья монашеский принял:
Уединился по оной причине, –
Пламенный дух укреплял Серафим.

6

Пламенный дух укреплял Серафим –
Вольность свою покорял воле Бога:
Мирянами, братией исто любим
За святость бытья в одиночестве строгом.

Без усталости тысячу суток молился
На камне гранитном денно и ночью:
Промысел Божий народу открылся –
Увидели тёмную будущность очи.

Рек здоровым, забывшим ко Богу мольбу:
«Сочетай мысли, дух! Бог внимает уму...
...По плоти живёшь, то погубишь и душу...»

Чертоги небес открывал Серафим
Зловредным, срамным, нежелающим слушать:
К люду простому был вельми терпим!

7

К люду простому был вельми терпим –
Даже на службе к припадкам кликуш.
«Стяжайте дух мирен, и тысячи душ
Спасутся вокруг вас» – говорил Серафим.

В затворе сподобился чистой души
И благодатных от Бога даров:
Загодя видеть того, кто грешил,
И понимать человека без слов.

Богоматерь явилась ему в тонком сне, –
Повелела оставить затвор на Земле, –
Изживать в людях междуусобицы.

Стал духовным врачом, дабы души лечить,
Наставлял люд больной, как Спасителя чтить, –
Знал, что о нём Приснодева заботится.

8

Знал, что о нём Приснодева заботится:
Явила схождение Сына с креста –
В Великий четверг видит в церкви Христа,
Шедшим по воздуху, – как бы возносится...

На литургии не раз лицезрел,
Как Ангелов сонмы ему сослужали.
О смертных грехах человеческих скорбел,
И устранял в слабых душах печали.

«Стяжание духа есть капитал...
Благодатный и вечный...» Руси с ним не сгинуть!
Любовь христианскую к людам питал –

Сродясь предрешеньями их не пугал:
Тяжёлые дни обязательно минут...
В пророчествах видел России судьбину.

9

В пророчествах видел России судьбину:
«Будет некогда царь, кой прославит меня...
Не пройдёт в стороне от народа кручина –
Со Спасителем всем доведётся стенать...

На Руси совершится великая смута:
Потечёт много крови, взбунтуется люд...»
Самодержец и власти неожиданно падут –
Неспроста наши предки февраль звали Лютым.

Вера пращуров поправа будет:
И отступят от Бога квёлые люди –
Сорвутся их души в безверья стремнину!

Церковь Спаситель вовек не оставит –
Через темень годов Серафим различает
Обитель Дивееву, века лавину.

10

Обитель Дивееву, века лавину
С душевной молитвой прозрел Серафим.
Покаяньем всемирным святой вразумим –
По воскресеньи Саров он покинет...

Да перейдёт неизбежно в Дивеево.
Там откроет народу он мощи святых –
При открытии безлетно сам ляжет меж них.
Час последний настанет Империи.

«Будет чудо так чудо, когда крестный ход
Из Дивеева шёл – Саров волил принять...
А потом из Сарова в Дивеев пойдёт:

Люда будет, что в поле колосьев».
Великую тайну его в сердце носим –
Слову его нам покорно внимать.

11

Слову его нам покорно внимать:
«...Нигде женской Лавры ещё не содеяно,
А у меня... будет Лавра в Дивеево...
Канавка не даст бесу в Лавру скакать!

Церковь никоим не имеет порока,
Не одолеть вратам ада её...
Благоугодно меня взять до срока...
Не довершил Бог земное жнивье...»

В келье с молитвой святой пребывает
Быть со Христом – «разрешиться» желает!
Господь в этот час к Серафиму пришёл...

Пожар от свечи подал инокам знак:
Святой достоин Всевышнего благ...
Подражателю Спаса жизнь поверяю.

12

Подражателю Спаса жизнь поверяю –
Подвижнику Церкви Руси Православной!
Божье провидчество в нём почитаю
И славлю песней моей величальной.

О, Серафим, прозорливец великий,
Ты предсказал удел горький России,
Набожным людям лета роковые:
Без покаянья – носить нам вериги.

Но Бог не попустит конца Земле Русской,
Где вера в лихие часы не потускла:
Очами святого я в завтра взираю.

Над всеми врагами Россия восстанет,
И православие в Лету не канет.
Исконную веру душой обретаю.

13

Исконную веру душой обретаю:
Грехопаденьям моим ужаснусь...
Святой и сердечной молитве учусь
И с нею в геенском огне не сгораю.

Сею всю данную Богом пшеницу
На благодатной земле и песке,
Сею на камне Божьей десницей –
Данный талант не скрываю в земле.

Торжникам дам, чтобы делали куплю:
Пусть не по совести – вольно и скупю –
Господь мой не станет талан отнимать.

Не обольстил окаянный искусами:
Чую душою, молитва Иисусова,
Я красоту твою и благодать.

14

Я красоту твою и благодать,
Преподобного детище – женскую Лавру,
В народе, обретшую велию славу,
Невмочь земным словом вовек воссоздать.

Претихий и кроткий угодниче Божий,
О нас вознеси ты молитву к Нему –
Она укрепить нам Державу поможет,
Рассеет наветы, неверия тьму.

Ты путь ко спасению россам открыл
И даром своим души люда целил –
Одних не оставь нас во смертной године!

Христос к себе многих призвал из мирских.
За нарождение сонма святых
Мир Землю Русскую славит поныне.

15

О, Земле Русская, славлю поныне
Избранных Богом любимых детей:
В души вдохнули нам веры твердыню,
Чтоб не искали мы ложных путей.

С верою в помощь Самой Богородицы
Пламенный дух укреплял Серафим:
К люду простому был вельми терпим, –
Знал, что о нём Приснодева заботится.

В пророчествах видел России судьбину:
Обитель Дивееву, века лавину –
Слову его нам покорно внимать!

Подражателю Спаса жизнь поверяю!
Исконная вера – душой обретаю
Я красоту твою и благодать.

XII

**Святитель Тихон (Белавин),
патриарх Московский и всея Руси
(1865-1925)**

1

Я красоту твою и благодать,
Городок вековой, возвеличить хочу:
Восемнадцать церквей песней позолочу...
В небе звон колоколен доселе слышать.

Здесь по воле небес в православном краю
Прослужил весь свой век патриарха отец –
Со младенчества сына означил Творец
И молитвой берёг от несчастий семью.

Мальчик рано стал в церковь на службы ходить.
Бог дал в книгах священных глубины открыть:
Учёба ему не казалась унылой –

Пустому себя отдавать недосуг!
Благословенным был воздух вокруг –
Вижу Торопец, где вырос Василий.

2

Вижу Торопец, где вырос Василий:
Жил без лукавства и скоморошества,
Богобоязненно, но вне святошества –
В духовном училище все полюбили.

Во Пскове к служенью готовился дале...
За дружество, кротость, успехи в учёбе
Семинаристы шутя называли
«Архиереем» – был духом не робок.

В Санкт-Петербурге учился блестяще:
Студенты прозвали его – «Патриарх»
(Истинно будет уже в настоящем...)!

Содеется в жизни немало мытарств,
Но предсказанья они не лишили:
Впитывал сердцем духовные силы.

3

Впитывал сердцем духовные силы:
Науки церковные знал наизусть.
Всевышнего выдержал строгий искус –
В семинарию Пскова распределили;

Богословие вёл и французский язык.
В покаянии думал о жизни премного:
К Вседержителю шёл неизменной дорогой,
Не утратив молитвы священный родник...

Вдруг замыслил от мира себя удалить:
Гермоген соизволил в монахи постричь –
В честь Задонского имя Василию дать.

Спаситель его ко служенью призвал,
Пред алтарём он Христу обещал
Тщиться во Боге сей мир постигать.

4

Тщился во Боге сей мир постигать:
Направили в Холмщину Архиереем,
Чтоб разнородных смогла примирять
Жизнью святой православная вера.

Когда же приспела нежданная весть,
Что будет служить на Аляске Владыка,
На проводы вышло посадских не счесть!
С молитвой душевно плакали тихо –

Людьми, как травую, покрыт велий Холм...
Прощаясь, уходит, покинув сей дом,
Небесной тропюю, в поклоне земному...

Всех не прещеньями объединял,
В сердца добрым словом надежду вселял:
Тихон сродни был народу мирскому.

5

Тихон сродни был народу мирскому,
Как в годы былые святой Иннокентий:
Привыкли в церквах алеутские дети
К сиянью свечей и дымку восковому.

Монашеский подвиг отметил Синод:
Назначено новое место служенья...
Встречал Ярославль его с благоговеньем –
Годы благие он здесь проведёт...

И вновь по Указу ему вменено
Владыкой Литовским и Виленским стать:
Иным православие укоренять!

Доподлинно знал, что ещё суждено...
За паству он сердце своё положил, –
Любили его, где бы он ни служил.

6

Любили его, где бы он ни служил,
Защитника пред неминуемым роком –
Война накатила нещадным потоком.
Он в душах народа надежды крепил.

Благословлял на победу солдат,
Молебны свершал, освящал лазареты...
Немало служилых им было отпето:
О них люди вечную память хранят.

А немцы под стенами Вильно стоят!
Вывозит, спасая, святыни в Москву,
Не дав чёрной силе разгул торжеству.

«На фронте рачитель за Русь всем собрат...»:
Всякому истину рек, что родному,
Стойкий вопречник злодейству людскому.

7

Стойкий вопречник злодейству людскому
Видел: для веры час скорбный грядёт,
Христос на путь крестный его призовет:
Сердце отдав, не пойдёт по-иному...

Народ знавал доблестные времена:
По слухам, с победою будем в Берлине,
Закончится вскорости с немцем война –
Россия не сгинет в кровавой пучине!

Сбылась православного люда мечта...
Святейший Синод твёрдо постановил,
Изъяв о нужности долгие споры –

Избрать Патриарха Руси на Соборе!
С благостью Тихоном весть принята:
За Русь православную Бога молил.

8

За Русь православную Бога молил
С юности ранней Московский Владыка.
К нему делегаты признаньем прониклись:
Тихона святость народ божий чтит.

Собор Председателем гласно избрал
Возмогшего в Богоспасаемом граде
В тяжкое время Господа ради
Встретить приехавших. Всех привечал.

Но из троих кандидатов вслепую
Жребий решит за всех волю святую:
Примут любого, кого б ни назвали!

Решение свыше непогрешимо...
«Тихон»! – назвал патриаршее имя
Старец, узрев на небесных скрижалях.

9

Старец узрел на небесных скрижалях...
Аксиос!.. Аксиос, – выдохнул храм, –
Во всеуслышание восславляли
Заступника веры назло врагам.

Свершилось... свершилось, мир будет залогом:
Распри исчезнут и кровь не прольётся!
Отныне Держава не распадётся –
Церковь Руси не оставлена Богом.

А в день избранья Владыка изрёк:
«Отчего возложил на меня это Бог?
Попеченье за церкви России вменил!

Предстоит умиранье за них во вся дни...»
А люди державы с восторгом узнали
Чьё имя ангелы там начертали...

10

Чьё имя ангелы там начертали –
Священномученик Божий пророк!
В слове его мало что различали:
Не осознал сразу русский народ.

Вызнал позднее: попы в тюрьмах, ссылках,
За веру зарыты в безвестных могилах,
Разрушено множественно алтарей,
Осквернено и бессчётно мощей.

Видел избранник: суждён путь мучений,
Но веру в Христа оградит от глумлений
В грозные годы мирских испытаний.

Ангелы знали: как ни было горько,
Владыка все трудности выдержит стойко,
Взойдя на Голгофу Христовых страданий.

11

Взойдя на Голгофу Христовых страданий,
Впервые на проповеди говорил,
Что нет за убийство царя оправданий –
И власти открыто в грехе обвинил:

«...Наша совесть примириться с этим не может...
Пусть заточат в тюрьму, пусть нас расстреливают.
Мы готовы всё претерпеть... К нам отнесены слова
Спасителя: Блаженны слышащие Слово Божие...».

Ненавистники строили чёрные козни:
Обвинённого ложно во всех злодеяньях,
Угрожали подвергнуть немедленной казни.

Нёс Владыка смиренно означенный крест,
Испытал унижавший домашний арест
Он за противные власти деянья.

12

Он за противные власти деянья,
Сладившей вере терновую драму,
За осужденье глумлений над храмом,
За проповедь истины, непокаянье

В Трибунал вызван был, как свидетель –
Противник изъятия ценностей Церкви.
Чтобы её в разграбленье не ввергли,
Пёкса об истинной вере радеть.

Церковь поможет голодному люду,
Но не уступит служебных сосудов,
Чтоб не навлечь от небес воздаянье.

Ради людей, за Христовую веру
Отдано много... Но Тихон не в меру
Претерпевал остракизм, шельмованье.

13

Претерпевал остракизм, шельмованье
За истые проповеди для народа,
Но полнились людом столичным приходы,
Где пели на службах ему величанье.

Недруги веры святой – обновленцы
Пытались внести в нашу Церковь раздор!
С паствой отверг, как болезнь, отщепенцев,
В стране учинивших бесправный собор.

Не покидало Владыку наитие –
Обозревал он небесные дали...
(Я – в его палице был тонкой нитью).

Казалось, здоровье и дух оставляли –
Власти хотели тюрьмою добить его,
Но вышние силы благословляли.

14

Вышние силы благословляли
В служении Господу, Церкви Его.
Не за себя он боялся – за ближнего:
Чтоб в душах Христа мы навек сохраняли.

Смело спасал он ни в чём не виновных –
Голос протеста доселе не смолк!
Встал на защиту канонов Церковных –
Не допустил миролюбьем раскол.

За веру Владыка сносил ложь и травлю,
Праведной жизнью возмог совладать –
Не дал опорочить он Церковь святую!

(Под омофором его существую...)
В веках, Православие, истинно славлю
Я красоту твою и благодать.

15

Я красоту твою и благодать
Вижу, Торопец, где вырос Василий, –
Впитывал сердцем духовные силы,
Тщился во Боге сей мир постигать.

Тихон сродни был народу мирскому:
Любили его, где бы он ни служил!
Стойкий вопречник злодейству людскому –
За Русь православную Бога молил.

Старец узрел на небесных скрижалях,
Чьё имя ангелы там начертали, –
Взошёл на Голгофу Христовых страданий!

Он за противные власти деянья
Претерпевал остракизм, шельмованье,
Но вышние силы благословляли.

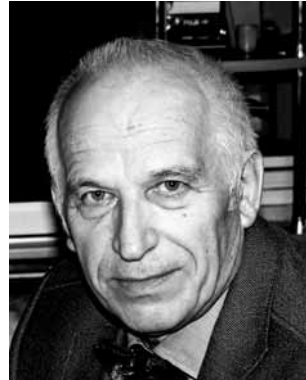

ПОЭЗИЯ

Виктор АСТАФЬЕВ

Виктор Никитович Астафьев – родился в 1948 г. Горный инженер-геофизик, кандидат геолого-минералогических наук. Работал начальником геофизической партии, заведующим лабораторией, начальником отдела во ВНИИ. Член РСП с 2014 г.

Живёт во Владимире.

«Под неба синим парусом...»

Ручей

Я не твой, и не свой, и, наверно, ничей,
как в тенистом лесу одинокий ручей,
торопливо теку, сам не знаю, куда,
неприметен мой путь, но хрустальна вода.
А её чистота из далёкой весны
и приправлена чуть ароматом лесным,
тихим шелестом трав, светом лунных ночей...
Я не твой и не свой, и, наверно, ничей...

Наинапраснейшее дело, –
надеждой праведной горя,
самоуверенно и смело
в туманном небе января
грядущей осени приметы
ловить сквозь призму прошлых дней
и ностальгировать при этом
о светлой юности своей.
Никчёмно силы тратит зритель!
Так мать, восторгами дыша,
судьбу пытается увидеть
в наивном взгляде малыша.

Июньский вечер, ветер стих, темнеют
ветвей узоры в тёмно-голубом
прозрачном небе, лишь закат алеет
и греет мир припрятанным теплом.
В объятьях сонных лип клубится сумрак,
туманных плёсов трепетны слои,
и, затаившись на кустов котурнах,
сердца ласкают песней соловьи.

В наших северных широтах
дефицит тепла и света,
но наивно и напрасно
мы даров июля ждём,
и мельчайшие осколки
неслучившегося лета
рассыпаются унылым
надоедливым дождём...

Вещали стылые дожди
над сумрачными весями:
«Тепла и в августе не жди!»
Всё тучи занавесили,
стреляют плазменным огнём,
грозами содрогаются,
навзрыд рыдает окоём,
а людям ждать да каяться.
Когда ж июль, закончив срок,
лёг на траве стеклярусом,
встал август, светел и высок,
под неба синим парусом.
Сияют кипы облаков,
восходом припорошены,
и зреют в зелени шелков
хрустальные горошины...

Прогулка

Иду, привычная дорога,
что мной истоптана давно,
в душе возвышенно и строго,
вокруг метельно и темно.
Позёмка косы распустила
повдоль заснеженных аллей,
и держат небо терпеливо
ряды понурых тополей.
Кора от белых струй намокла,
дрожат под ворохом обнов,
а вдалеке мерцают окна
в метели тонущих домов.

Воспоминание о Каблуково

Весёлый шум за праздничным столом,
где каждый гость спешит промолвить слово,
а я сижу и думаю о том,
как без меня тоскует Каблуково.

Сейчас там тает розовый закат,
проказник-ветер травы в пойме лижет,
и, в сизых пятнах облачных заплат,
под вечер небо нависает ниже.

От речки тянет влажным холодком,
туман ползёт, изменчивый и зыбкий,
а по-над лесом призрачным цветком
плывёт Луна в оранжевой накидке.

Осмотрелся – что в итоге?
Ни двора и ни кола,
только старость на пороге,
да златые купола
для души, неожиданно робкой,
осознавшей путь иной,
освещают к церкви тропку,
что исхожена не мной.
Здесь несли людские волны
и надежды, и грехи,
говорливы и безмолвны,
многолики и легки...

Татьяна Парсанова – родилась в хуторе Рябовском Волгоградской области в семье донского казака. В 10 лет, вдохновлённая мимолётным общением с проживающим в соседней станице знаменитым русским писателем Михаилом Шолоховым, вдруг начала рифмовать свои рассказы. Замужество, переезды, перестройка – заставили замолчать на долгое время, но в начале 90-х желание писать возникло с новой силой. Стихи публикуются в Интернет-Альманахе «45-я Параллель», МК-Сетература, «Топос», «День Литературы», «СО-ЗВУЧИЕ» (Белоруссия), «Зарубежные задворки» (Германия), «Новый Континент» (США).

Живёт в Наро-Фоминске.

«Мира осталось мало...»

Когда с тебя сдерут седьмую шкуру,
Когда в душе мятущейся ни зги;
Знай – там ты должен лечь на амбразуру,
А здесь – тебе прощают все долги.

И пусть октябрь смывает радуг блики,
И радость дня затеряна во тьме...
Ты знай, что там ты должен быть великим.
А здесь ты тот, кто просто нужен мне.

Дождь холодный, частоколом
Непролазным на пути.
Впрочем – будем о весёлом.
Ты, мой мальчик, не грусти...

Хочешь, снова, как когда-то,
Напишу тебе письмо...
Как расщедриваясь – злато
Сыплет солнышко в окно.

Как зовёт, неодолимо,
Ива в тень своих ветвей.
Как поёт своей любимой
Серенады соловей.

Напишу тебе, как в мае
Расцветают лохмачи.
Как луна в реке купает
Серебристые лучи.

Как ерошит, налетая,
Вишни ветер-хулиган...
Напишу, что я не знаю
Про Саланг... И про Афган...

Что не знаю, как солдата
Нарекут – «двухсотый груз».
Напишу, что верю свято
В обещанье – «Я вернусь»...

Дождь – руками неба вышит
Лёгкой рябью по плащу...
Улыбнись, мой мальчик, слышишь! –
Я сегодня не грущу...

Крушила Осень лета бастионы...
Кололи взгляд холодных звёзд лучи...
Стучал Октябрь в окошко веткой клёна,
Как путник, заблудившийся в ночи...

За облако, устав от неуютя,
Поёживаясь, пряталась Луна...
Метался Ветер в поисках приюта...
И выл, как пёс, у тёмного окна...

Жизнь пролистая страницы и лица
Буйному ветру под стать.
Время головушке долу клониться.
Время слезам закипать.

Смыло бесследно секундным цунами
Юности звонкой накал.
Память в ночи говорит голосами
Тех, кого ты предавал.

Старость – она как бездонная трещина.
Мачеха злая – не мать.
Где она – та, что судьбою обещана
В горе тебя согреть.

Чёрною меткою под ноги брошена
Тень от понурых плечей.
Смотришь с тоскою и завистью в прошлое –
Чей ты, соколик?
– Ничей...

Огни созвездий полночь погасила.
Застыл громадой мощной Аю-Даг.
Сердилось море. И бахвалясь силой
Пугало своим рыком южный мрак.

О берег билась вдрызг волна слепая,
Рвала о камни пенную фату...
Ей вторил ветер. И швырял играя
Пригоршни брызг солёных в темноту...

Полусветом, по звёздным наколкам,
Разливается млечный Гольфстрим...
В сарафане из лунного шёлка
Бродит Ночь под окошком моим...

Упакованный в знойную кальку
Город сонный послушно затих...
И мурлыча, баюкает гальку
Море в тёплых ладошках своих...

22 Июня 1941

Три пятьдесят...
Рассвета –
первый несмелый блик.
В тёплых объятьях лета
города сонный лик.
Рванный кусок тумана
тюлем свисает с крыш.
Заспанный дворник рьяно
гонит метлою тишь.

Achtung! Напрягся Каин,
силаь рукой взмахнуть.

Ищет, сквозь сон, губами
новорождённый – грудь.
Три пятьдесят...
Истома...
Людям ещё дано –
с зычным победным стоном
слиться, сплестись – в одно.

В небе, стальная стая –
смерть под крылом несёт.

В небытие впадая,
счастлив ещё народ.
Сонные – в одеяло
прячутся, как в гнездо.
Мира осталось мало –
Десять мгновений до...

P.S. Кляксою взрыв. Воронка
Улиц взъерошит гладь.
Рвётся не там, где тонко,
Там, где хотят порвать.

Темнота на полках антресоли
Спряталась, как кошка на сносках.
Предрассвет туманный – белой соли,
Раскидал охапки второпях.

Солнце улыбается спросонья,
Воздух, как парное молоко...
Сердце мрёт... И плачу я сегодня
Так, по-бабьи; сладко и легко...

Опять я не на шутку растерялась...
Хотя, пора б привыкнуть. Столько лет...
Ещё вчера нам Осень улыбалась,
А нынче красит небо в серый цвет.

По-волчьи ветер подвывает песни.
Холодный дождик зло стучит в окно.
Ну что, Душа, ты снова не на месте?
А, впрочем... Твоё место... Где ОНО?

Сегодня ночью море заштормило...
В дрожащем свете голубой луны
Ревело, и на берег выносило
Играючи большие валуны...
Откатываясь – галькою шуршало
И шло на приступ новою волной...
Ночная птица в рёв волны вплетала
Свой крик. Делясь тревогою со мной.

Эти простыни тобою не измяты...
Эти губы не целованы тобой...

Дышит вечер ароматом свежей мяты,
закопье крася в тёмно-голубой.

на бескрайности небесного разлива
месяц лучиком прощупывает путь.
Любопытные созвездья торопливо
просыпаются, чтоб в спальню заглянуть,

где клокочет страсть, вздымается прибоем,
где тела играют чувственности гимн...

(Эти простыни измяты не тобою...
Эти губы исцелованы другим...)

Когда завесят белым зеркала,
Когда стакан покроют коркой хлеба...
Ты не жалей, что я как хмель прошла.
Ты не жалей, что мне опорой не был.

Когда январь, листнув тринадцать дней,
Осиротелость разольёт по венам,
Всё оправдав в себе, не пожалей,
Что без меня ты стал обыкновенным.

Милый, Ангел, ау... Мне сейчас одиноко до дрожи.
Я боюсь тишины, поселившейся в левом боку.
Даже звёзды, смотри, на синичек озябших похожи.
Даже время, смотри, замирает на полном скаку.

За окошком январь. Значит снова прибудет тринадцать.
Значит к поезду снова прицепится новый вагон.
Ты когда-то меня темноты научил не бояться..
Только как мне познать, что таят предсказанья ворон.

А давай на каток?.. И чтоб шарфик у ветра в ладонях..
И чтоб льдинки смеясь, слово «вечность» сложили опять..
Я от грусти сбегу. Даже Месяц меня не догонит.
И пожалуйста, хватит! мне в кофе коньяк подливать.

Мать

Кто она, и как тогда всё было –
Старожилам вспомнится с трудом.
Вроде б говорили, что купила
На краю деревни старый дом.

Спряталась за каменным забором.
Равнодушна к мнению молвы,
К новостям соседским, сплетням, спорам..
Вечно в чёрном. С ног до головы.

За спиной о ней ходили слухи –
Ведьма то ль, то ль тронулась слегка.
Кто б подумал, что тогда старухе
Было лет чуть больше сорока.

Вёсны, зимы чередой ходили.
Календарь листал за годом год.
Про старуху все чуть-чуть забыли.
Ну, живёт и ладно. Пусть живёт.

В старый дом в морозный, тёмный вечер,
Гостьей долгожданной Смерть вошла.
Тридцать зим ждала старуха встречи.
Тридцать безнадёжных лет ждала.

Потеплел старухин взгляд колючий,
Разглядев безносую в дверях.
«Слава тебе, Господи. Отмучил», –
Губы шелестнули второпях.

Удивилась – так легко, аж странно
Память пролистнула на бегу
Страшный день, когда домой с Афгана,
Сын вернулся в цинковом гробу.

И дойдя уже до грани зыбкой,
Рассмотрев вдали зовущий свет –
Расцвела счастливою улыбкой,
Понимая – боли больше нет..

Проводить безумную старуху
Собралось, привычно, полсела.
Обсуждали равнодушно, сухо –
Кто, откуда, кем она была,

Всё, что память выдала навскидку..
И вовнутрь благоговейный страх
Спрятали. Счастливую улыбку
У старухи видя на губах..

Николай БЛОХИН

Илья Сургучёв: мифы и реальность

С 2006 года, когда в России и, в частности, в Ставрополе, литературная, журналистская, издательская, театральная, библиотечная и научная общественность довольно широко отметили 125-ю годовщину со дня рождения русского писателя Ильи Дмитриевича Сургучёва (1881-1956), опубликовано, не побоюсь этого слова, огромное количество исследовательских работ о его жизни и творчестве, читателям возвращена наиболее ценная часть его литературного наследия.

Юбилей писателя стал поводом к активной исследовательской работе университетов и институтов Санкт-Петербурга и Москвы, Ставрополя и Саранска, Харькова и Йошкар-Олы, Ульяновска и Волгограда, Майкопа и Елисту, Института мировой литературы им. А.М. Горького... Неоценимый вклад в возвращение творческого наследия русского писателя внесли и продолжают вносить библиотечное и архивное сообщества России. Популярными в научной и краеведческой среде России стали «Сургучёвские чтения», которые проводятся ежегодно в Ставрополе – на родине писателя. И всякий раз они несут читателям новые факты о жизни и творческой деятельности Сургучёва.

На сцены театров Москвы, Нижнего Новгорода, Курска, Луганска, Ставрополя, Иркутска были возвращены спектакли по пьесам «Осенние скрипки», «Игра», принёсшие драматургу мировую славу. В городе Александрове Владимирской области состоялась премьера спектакля по повести Сургучёва «Чёрная тетрадь». Зрители нового поколения увидели фильмы, поставленные известными режиссёрами мирового кино по произведениям писателя «Человек, который сорвал банк в Монте-Карло» (1935), «Женщина опасного возраста» (1946).

На протяжении 1992-1997 годов популярные российские журналы «Бежин луг», «Роман-газета», «Слово», «Московский журнал», «Наука и жизнь», «Воспитание школьника» печатали

Николай Фёдорович Блохин – родился в 1952 г. в Ставрополе, окончил отделение журналистики Ростовского на Дону государственного университета и редакторское отделение Высшей партийной школы при ЦК Компартии Украины. Работал в средствах массовой информации Ставрополя, Волгограда, Луганска, Киева корреспондентом, заведующим отделом, ответственным секретарём, был главным редактором газеты Алчевского металлургического комбината «За металл». Член Союза журналистов России. Автор книг «Река счастья» (1997), «Возвращение имени и чести» (1995), «Изгнание Параджанова» (2002) и др.

Живёт в Ставрополе.

повесть И. Сургучёва «Детство Императора Николая II». Полюбившаяся читателям повесть о мальчишеской судьбе Владимира Оллонгрена и о его матери Александре Петровне Оллонгрена – учительнице детей Александра III, – выходила в России не один раз и отдельным изданием, а в 2008 году в Санкт-Петербурге напечатана книга «Царская дружба», в которую вошли повесть И. Сургучёва «Детство Императора Николая II», исследование А.В. Дьяковой «Царская дружба» – о судьбах героев книги И.Д. Сургучёва «Детство Императора Николая II», очерк внучки писателя Т.Н. Ильинской «Что в имени тебе моём?»

Ранее, ещё в 1997 году, газета «Правда» напечатала фрагмент из пьесы Сургучёва «Вождь» под заголовком «За чахохбили». Произведения Сургучёва печатали «Независимая газета», «Гражданский мир».

К творческому наследию Сургучёва обращались и ставропольские издания. На страницах альманаха «Литературное Ставрополье» увидели свет повести «Чёрная тетрадь», «Мельница», «Ночь», известные ранее лишь зарубежному читателю. В альманахе напечатаны неизвестные широкому читателю рассказы Сургучёва. В сборниках «Сургучёвские чтения» опубликованы повести «Из дневника гимназиста», «Чёрная тетрадь», рассказы «Трёхшница», «Письмо», «Бред», «Северный Кавказ», «Письмо Периколазы», «Мессина», «Студенческие годы». В альманахе «Ставропольский хронограф» печатались рассказы «Китеж», «Дядя Митя». В 2007 году издан библиографический указатель «"Живописец души...": Русский писатель и драматург И.Д. Сургучёв», подготовленный к печати Ставропольским государственным университетом и Ставропольской краевой универсальной научной библиотекой имени М.Ю. Лермонтова. Ранее, в 1983 году, в Ставропольском книжном издательстве тиражом 30 тысяч экземпляров напечатана повесть Сургучёва «Губернатор». А в 1987 году издательство «Современник» издало книгу «Губернатор», в которую вошли известная повесть, прочитанная и одобренная М. Горьким, и несколько рассказов писателя. В 2003 году «Ставропольская правда» познакомила читателей с находкой писателя и краеведа В.Н. Кравченко, напечатав с его комментарием неизвестный рассказ Сургучёва «Прихожане прелестной Мариэтты». В 2006 году «Кавказская здравница» опубликовала интервью с внучкой писателя Т.Н. Ильинской «Вспоминал с любовью...»

Издательство Ставропольского государственного университета опубликовало две очень значимые для отечественного литературоведения книги учёного, литературоведа А.А. Фокина «Илья Дмитриевич Сургучёв. Проблемы творчества» (2006) и «И.Д. Сургучёв – драматург» (2008). В этих работах Александр Алексеевич рассказал о писателе Сургучёве не только как о значительной личности русской литературы XX века, признанной русской критикой, но и о драматурге, признанном всей Европой, мировую известность которому принесли его пьесы «Осенние скрипки», «Реки вавилонские», «Письма с заграничными марками», романы «Ротонда», «Ночь». В 2015 году театральная общественность России отметила 100-летие со дня премьеры спектакля по пьесе И. Сургучёва «Осенние скрипки» в Московском Художественном театре. В 2018 году Россия отметит 120-летие начала литературной деятельности писателя И. Сургучёва, 120-летие первой публикации первых произведений писателя – рассказов «Трёхшница», «Независимая жизнь», «Неудавшаяся жизнь», «Пятнадцать клеветов» и повести «Из дневника гимназиста».

И последняя новость: в январе 2017 года в Москве напечатаны первые четыре тома из собрания сочинений И. Сургучёва (составитель доктор

филологических наук А.А. Фокин). Имя Сургучёва известно в России давно, с 1898 года, а не два-три года, как пишут некоторые авторы.

Российские читатели по достоинству оценивают проделанную работу по возвращению в литературный, литературоведческий, исторический и научный оборот имени русского писателя, первоклассного мастера языка и стиля Ильи Дмитриевича Сургучёва, его творческого наследия.

Но, к сожалению, у Сургучёва есть сегодня и противники, которые призывают «сбросить Сургучёва с парохода современности», как когда-то в революционные годы футуристы и их сторонники говорили об Александре Сергеевиче Пушкине: «И мы со спокойным сердцем бросаем в революционный огонь его полное собрание сочинений, уповая на то, что если там есть крупинки золота, то они не сгорят в общем костре с хламом, а останутся».

Миф первый

За что же так не любят Сургучёва некоторые авторы? За то, что не принял революцию 1917 года и эмигрировал из России? Так её не приняли многие: по данным Лиги Наций в 1918-1921 годах из России выехали за рубеж 1,4 миллиона человек. Уехали от власти большевиков, от Гражданской войны и её последствий – от голода и разрухи.

Сургучёва не любят за то, что в 1919 году издал книгу-памфлет «Большевики в Ставрополе», рассказывающую о совершённых ими преступлениях с 1 января по 8 июля 1918 года в городе?

«Я никогда и никак не мог понять, как седовласые, длиннородые, солидные русские люди, которые прежде не резали, семь раз не отмерив, – теперь шли за мальчуганами, большей частью – выгнанными семинаристами, – шли, не рассуждая, слепо веря, – шли, грабили, убивали своих же братьев по крови, по вере, мучили их и издевались», – это отрывок из книги Сургучёва «Большевики в Ставрополе».

А вот это мнение доктора филологических наук А.А. Фокина: «Неприятие насилия в любой форме, неважно, с какой целью, как раз и стало причиной того, что по своей внутренней сути духовный, православный писатель, часто цитирующий Библию, не принял разрушительную революцию 1917 года и вынужден был покинуть страну».

Обращаю внимание на то, что никто и не опроверг Сургучёва: его книгу просто положили в спецхран на долгие годы. А документы Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков, совершённых ими в 1918 году в Ставрополе, Пятигорске, станице Елизаветинской, опубликованы в книге «Красный террор в годы гражданской войны» (книга издана в Москве, в издательстве «Книговек» в 2013 году под ред. докторов исторических наук Ю.Г. Фельштинского и Г.И. Чернявского) и доступны исследователям, читателям.

Но была и другая книга о злодеяниях большевиков, только совершённых ими в Крыму. Речь идёт о романе В.В. Вересаева «В тупике», который в Главлите рассматривали как контрреволюционный.

«Я кончил свой роман “В тупике”, – вспоминал В. Вересаев. – Он должен был печататься в альманахе “Недра”. Возможность прохождения романа сквозь цензуру вызывала большие опасения. Редактор издательства “Недра” Н.С. Ангарский имел какие-то служебные отношения к тогдашнему

заместителю председателя Совнаркома Л.Б. Каменеву. В декабре 1922 года Ангарский обратился к Каменеву с просьбой, нельзя ли было устроить у него чтение моего романа».

Каменев согласился. Чтение романа состоялось в Кремле 1 января 1923 года. На чтении присутствовали Каменев, Дзержинский, Сталин, Куйбышев, Сокольников, Курский. Присутствовал почти весь тогдашний Совнарком, без Ленина, Троцкого, Луначарского. На чтении были также Воронский, Д. Бедный, П.С. Коган, окулист профессор Авербах, музыканты Шор, Эрлих, Крейн, жена В. Вересаева М.Г. Смидович.

Обсуждение было довольно жёстким. Каменев говорил: «Удивительное дело, как современные беллетристы любят изображать действия ЧК. Почему они не изображают подвигов на фронте гражданской войны, строительства, а предпочитают лживые измышления о якобы зверствах ЧК».

После выступлений Д. Бедного, профессора П.С. Когана, И. Сталина своё слово сказал Ф.Э. Дзержинский, председатель ВЧК при Совете Народных Комиссаров РСФСР, председатель ГПУ (ОГПУ) при Совете Народных Комиссаров СССР. В своей речи он защитил Вересаева и его роман: «Вересаев – признанный бытописатель русской интеллигенции. И в этом новом своём романе он очень точно, правдиво и объективно рисует как ту интеллигенцию, которая пошла с нами, так и ту, которая пошла против нас. Что касается упрека в том, что он будто бы клеветает на ЧК, то, товарищи, между нами – то ли ещё бывало!»

После обсуждения романа в Кремле за ужином Вересаев оказался за столом рядом с Дзержинским. В разговоре с Дзержинским Вересаев напомнил, как вскоре после Перекопа красные, овладев Крымом, объявили, «что пролетариат великодушен, что теперь, когда борьба кончена, предоставляется белым выбор: кто хочет, может уехать из РСФСР, кто хочет, может остаться работать с Советской властью».

И «молодое белое офицерство, состоявшее преимущественно из студенчества, отнюдь не черносотенное, логикой вещей загнанное в борьбу с большевиками», пришло на регистрацию, увидев в этом «выход к честной работе в родной стране». А потом, вспоминал Вересаев, «началась бессмысленная кровавая бойня: всех являвшихся арестовывали, по ночам выводили за город и там расстреливали из пулемётов».

В тот вечер, в Кремле, Вересаев спросил Дзержинского, для чего всё это было сделано, почему были уничтожены тысячи людей. Дзержинский ответил писателю: «Видите ли, тут была сделана очень крупная ошибка. Крым был основным гнездом белогвардейщины. И чтобы разорить это гнездо, мы послали туда товарищей с совершенно исключительными полномочиями. Но мы никак не могли думать, что они так используют эти полномочия».

Во главе этой расправы, писал Вересаев, стояла так называемая «пятакская тройка»: Пятаков, Землячка и Бела Кун. Когда Вересаев спросил Дзержинского: «Вы имеете в виду Пятакова?», тот ответил: «Нет, не Пятакова». Из этих неясных ответов председателя ГПУ (ОГПУ) Вересаев пришёл к заключению, что тот имел в виду Бела Куна.

Уже, в наше время, именно этот факт стал основой сценария фильма Никиты Михалкова «Солнечный удар». После регистрации белым офицерам разрешили подняться на палубу парохода. Он вышел в море. И когда крымский берег исчез за горизонтом, пароход взорвали и потопили вместе с людьми.

Жестокости войны, прежде всего, а не разногласия с большевиками, побуждали Сургучёва искать более прочное прибежище, нежели российское. Писатель покинул Россию, а не бежал с Врангелем, как пишут некоторые исследователи. Это был его личный выбор: возврат на родину в Ставрополь стоил бы ему и его семье жизни.

Миф второй

В течение десятилетий исследователи приписывают Сургучёву деяния, которых он никогда не совершал. Вслед за ними и современные авторы утверждают, что «Сургучёв И.Д. – эсер-боевик, комиссар Временного правительства 7-ой армии Юго-Западного фронта, делегат Всероссийского учредительного собрания». Утверждают, например, что сохранилось «Донесение комиссара 7-й армии Юго-Западного фронта Сургучёва» от 15 октября 1917 года, найденное в РГВИА, в фонде Кабинета военного министра. В нём данный Сургучёв (без имени и отчества, даже без инициалов) сообщает о положении в армии: «...безотрадная картина общего падения духа и дисциплины. Необходимы особые меры поднять армию, оградить от безответственных сил. Положение армии в настоящий момент чрезвычайно серьёзно. Нужны теперь смелые и сильные решения, за которыми должны последовать столь же решительные действия».

Здесь несколько ошибок, которые из года в год повторяют исследователи и таким образом вводят читателей в заблуждение. Автором этого донесения действительно значится Сургучёв (без указания имени-отчества). И он действительно комиссар Временного правительства 7-й армии Юго-Западного фронта.

Эта «ошибка» идёт от книги «История гражданской войны» (М., 1935. Т. I. С. 413). Авторы книги М. Горький, К. Ворошилов, В. Молотов. В именном указателе к 1-ому тому напечатано: «СУРГУЧЁВ И. Д. – эсер, комиссар Временного правительства в 7-й армии Юго-западного фронта – 413».

Но подлинным автором этого донесения является Дмитрий Павлович Сургучёв. Вот что известно о нём: «Сургучёв Дмитрий Павлович (1879, с. Мордово Камышинского у. Саратовской губ. – 27.12.1918, Уфа). Юго-Западный фронт. № 1 – эсер и Совет КД. Из мещан, сын почтового чиновника. Окончил Аткарскую гимназию. Служил письмоводителем. Поднадзорный с 1899, эсер-боевик. Арестован в 1906, был на каторге, затем ссыльнопоселенец в Верхоленском уезде. В 1914 бежал с места ссылки, перешёл на нелегальное положение. В 1917 комиссар 7-й армии. Член военной комиссии ЦК. Участник заседания УС 5 января. Делегат VIII Совета ПСР в мае 1918. Убит офицерами-колчаковцами (по версии М.В. Вишняка, расстрелян большевиками)».

Сведения о Д.П. Сургучёве приводятся по книге: Л.Г. Протасов. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., РОСПЭН, 2008.

А эта информация о Д.П. Сургучёве взята из Википедии: «Дмитрий Сургучёв появился на свет в 1879 году в селе Мордово Камышинского уезда (Саратовская губерния) в мещанской семье почтового чиновника Павла Сургучёва. Окончив Аткарскую гимназию, Дмитрий начал служить чиновником, занимающимся ведением канцелярских дел и делопроизводством (письмоводителем). Сургучёв оказался под полицейским надзором “царской охранки” в 1899 году. Он был членом Партии социалистов-революционеров (ПСР), в которой

входил в Боевую организацию (эсер-боевик). Дмитрий Сургучёв был арестован в 1906 году и осуждён на каторжные работы. Затем он стал ссыльнопоселенцем в Верхоленском уезде. В 1914 году он бежал с места ссылки и перешёл на нелегальное положение. В 1917 году, после Февральской революции, Дмитрий Сургучёв стал комиссаром 7-ой армии (“Одесская армия”). Одновременно он был членом военной комиссии ЦК ПСР. В том же году Дмитрий Сургучёв был избран членом Всероссийского учредительного собрания от Юго-Западного фронта по списку № 1 – эсеры и Совет крестьянских депутатов. Дмитрий Павлович стал участником первого и последнего официального заседания Учредительного собрания 5 января 1918 года, на котором его делегаты были разогнаны большевиками. В мае 1918 года Сургучёв избрался делегатом VIII-го Совета ПСР. Он был убит в Уфе офицерами-колчаковцами или расстрелян большевиками (по версии М.В. Вишняка)».

Знал ли о существовании комиссара 7-й армии Юго-Западного фронта Д.П. Сургучёва драматург И.Д. Сургучёв? Оказывается, знал. Летом 1917 года, когда появился «двойник», выступавший от имени писателя в поддержку Февральской революции, И.Д. Сургучёв находился в Кисловодске.

«Летом 1917 года, сидя в Кисловодске, – вспоминал Илья Дмитриевич, – я неоднократно читал в телеграммах “Русского Слова”, что на фронте, тогда уже разваливавшимся, подвизается социалист-революционер, писатель И.Д. Сургучёв, выставивший, между прочим, свою кандидатуру в Учредительное собрание. Ясно было, что какой-то “деятель”, присвоил себе моё имя и оперирует им».

Как поступил в данной ситуации писатель И.Д. Сургучёв? Вместе с Ильёй Дмитриевичем в Кисловодске в те летние дни 1917 года находился известный на Ставрополье присяжный поверенный С.И. Манжос-Белый. А дальше послушаем рассказ Ильи Дмитриевича: «Во избежание всяких дальнейших осложнений я тогда же вместе со своим другом, пр<исяжным> по<веренным> С.И. Манжос-Белым, засвидетельствовал своё проживание в Кисловодске в тот именно период, который был обозначен в “Русском Слове” относительно моей работы на фронте».

Но, как писал автор очерка «Илья Сургучёв» Д.Д. Николаев из Института мировой литературы им. А.М. Горького, «слухи об эсеровских симпатиях Сургучёва оказались столь устойчивыми, что ему пришлось вновь опровергать их почти через двадцать лет, в феврале 1935 г.». Через восемнадцать лет после публикаций в «Русском Слове» Сургучёв писал: «На днях до меня дошли слухи, что и в эмиграции есть люди, которые, конечно, по неведению, смешивают меня с самозванцем. Пользуюсь случаем, чтобы ещё раз подтвердить, что никогда социалистом-революционером я не был, своей кандидатуры в Учредительное Собрание никогда не выставлял, и уехал с фронта в конце 1916 г.» «Письмо в редакцию» И.Д. Сургучёва опубликовано в газете «Возрождение» 12 февраля 1935 года, но, похоже, о нём знает узкий круг литературоведов.

Миф третий

Некоторыми авторами упорно распространяется ещё один миф о том, что в декабре 1942 года И.Д. Сургучёв, покинув оккупированный Париж, приехал в оккупированный Ворошиловск (Ставрополь). Илья Дмитриевич не мог приехать в Ворошиловск по нескольким причинам: в военное время на такую

поездку требовалось особое разрешение немецких властей и документы. Сургучёв не был гражданином ни Российской Империи, ни Советского Союза, ни Французской Республики.

Вспомните «Нобелевские дни» И.А. Бунина. Писателя в те дни занимала мысль о том, какой флаг в честь него, лауреата Нобелевской премии по литературе, вывесит Шведская академия наук. Описывая зал «Музыкального Дома», в котором проходило торжество, Иван Алексеевич писал: «Надо всем этим торжественно-неподвижно свисают со стен полотнища шведского национального флага: обычно украшают эстраду флаги всех тех стран, к которым принадлежат лауреаты; но какой флаг имею лично я, эмигрант? Невозможность вывесить для меня флаг советский заставила устроителей торжества ограничиться ради меня одним – шведским. Благородная мысль!»

У Сургучёва, как и у Бунина, был лишь один документ, удостоверяющий его личность: нансеновский паспорт, по которому в те годы дальше оккупированного Парижа не уедешь. Во-вторых: на такую далёкую поездку нужны были большие деньги. А их у Сургучёва в то время уже не было. Спектакли по его пьесам на сценах европейских театров в годы войны не шли, книги не выходили, статьи не печатали и гонораров не было. Заработать физическим трудом, как Н.Я. Рошин землекопом, автор ещё одного «Парижского дневника», Сургучёв не мог. В 1942 году Сургучёву шел 62-й год, Рошину – 46-й. Немецкие власти не брали Сургучёва на работу ввиду его возраста. И у него оставался один способ заработать: продавать на парижском рынке «редкости» из своей книжной коллекции.

«Подсчитал свои капиталы и спел из Варлаама: “Плохо, сыне, плохо, христиане скупы стали, деньгу любят, деньгу прячут”. Банки закрыты, почты из Америки нет, хозяин “Возрождения” сбежал, никому не заплативши. Что же делать? Придётся продавать вещи, придётся заколоть несколько книг, но как-их? Легко сказать, “продай книги”. Но как с ними расстаться и с чего начать? Легче уж, кажется, в гроб лечь. Или кота продать какой-нибудь ревматической старухе», – с улыбкой писал Сургучёв 15 июня 1940 года.

Тем не менее, некоторые авторы не исключают, что Сургучёв вполне мог побывать в оккупированном Ворошиловске (Ставрополе) в конце 1942 года с некоей немецкой делегацией во главе с немецким офицером и писателем Эрнстом Юнгером. Ссылаются на его дневник, приводят цитату из него, но не полностью, а так, вскользь, лишь два слова, и закавычивают: «прощупать настроения». На первый взгляд, похоже на правду. А вот о том, кто намеревался «прощупать настроения» и где, тоже ни слова. Но подводка сделана под русского писателя Сургучёва. И у читателей складывается впечатление, что пребывание Сургучёва в составе такой делегации было «и технически, и идеологически вполне возможным и даже вполне логичным». Расчёт верный: ушат грязи на Сургучёва вылит, а дневник Эрнста Юнгера никто не читал. О том, что он издан в России и доступен широкому кругу читателей, об этом авторы не говорят ни слова. Открываю дневник «Излучения» (издание 2002 г.; литературоведы считают его первым «Парижским дневником» военных лет), читаю записи, сделанные Эрнстом Юнгером за период с 24 октября по 31 декабря 1942 года. Как видно из дневника Эрнста Юнгера, с 24 октября по 10 ноября он находился в Кирххорсте, с 12 по 15 ноября – в Берлине, с 17 по 20 ноября – в Лётцене, 21 ноября – в Киеве, 22 ноября – в Сталино, а через час – в Ростове, 23 ноября – в Ростове, с 24 ноября по 8 декабря – в Ворошиловске. В дневнике нет ни слова о том, что Эрнст Юнгер возглавляет делегацию.

Напротив, он подчеркивает, что приехал в Ворошиловск один. В дневнике в основном бытовые детали: «...удалось раздобыть тарелку супа», «...до отхода поезда на Ворошиловск я спал на стойке буфета в зале ожидания», «...жил в здании ГПУ, выделяющемся колоссальными размерами, как всё, что имеет отношение к ведомству полиции и тюрем». В Ставрополе Эрнст Юнгер поднимался на колокольню, рассматривал цепь Кавказских гор, наблюдал Эльбрус, за обедом встречался с генерал-полковником фон Клейстом, сделал прививку от сыпного тифа, осмотрел зоологическую коллекцию в городском музее, видел русских пленных за работой, присутствовал при допросе русского военнопленного, наблюдал похороны, побывал на рынке, в Институте чумы узнал, что немецкая служба безопасности уничтожила восемьсот душевнобольных... В дневнике за 2 декабря 1942 года есть запись об этом преступлении: «Дыхание этого мира палачей столь ощутимо, что умирает всякое желание работать, писать и размышлять...»

Эрнст Юнгер называет в дневнике имена тех, с кем ему довелось встретиться в Ворошиловске (Ставрополе). Среди них немецкие офицеры, советские граждане, врач противочумного института, но нигде ни разу Эрнст Юнгер не вспомнил о том, что в поездке его сопровождал русский писатель-эмигрант, уроженец Ставрополя Илья Сургучёв.

А Илья Сургучёв находился в это время в оккупированном Париже: сохранились его дневниковые записи за 29 ноября и 19 декабря. Ни в дневнике Юнгера, ни в дневнике Сургучёва нет и таких слов: «прощупать настроения».

А когда читаешь измышления о том, что в дом по улице Ясеновской в декабре 1942 года приходил «молодой барин... Илья Дмитриевич, сынок Дмитрия Васильевича, старого барина. В меховой шубе и такой же шапке, с узорной палкой в руке...», то оторопь берет. Ни одной фотографии Сургучёва в таком наряде не попадает. Да и немолод был Илья Дмитриевич: ему в ту пору было почти 62 года (Сургучёв родился 28 февраля 1881 г. – Н.Б.).

Вскоре после нападения Германии на Советский Союз Илья Дмитриевич записал в дневнике 1 июля 1941 года: «Я поеду в Россию? Да никогда. Что я там буду делать? Все, кого любил, давно умерли или казнены. С отцовской могилы снята мраморная плита. Кругом – племя молодое, незнакомое и диковатое... Кто мне нужен и кому я, смешной человек, привидение старого мира, нужен? Нет, уж я как-нибудь в Парижске, в двенадцатом квартале, на кладбище со смешным названием “Тиэ” (похоже на толстовское “тае”), неподалёку от Бориса Лазаревского: вместе грешили, вместе и лежать будем...» (Русский писатель Борис Александрович Лазаревский оставил после себя семитомное собрание сочинений, девять книг рассказов и шестьдесят дневниковых тетрадей, которые напоминают нам о неизвестных фактах биографии Бунина, Куприна, Сургучёва. Умер Лазаревский в Париже в 1936 году. – Н.Б.).

Переписка Сургучёва с родными оборвалась ещё в 1937-м. Из последних писем он знал, что дочь Клавдия вышла замуж за инженера Н.А. Ильинского, и что живёт она с мужем в Ростове-на-Дону. Вторая дочь Вера живёт в семье Ильинских. В Ставрополе никого из родных писателя не осталось.

И ни о каком сотрудничестве Сургучёва «с фашистской Германией... на более высоком уровне» речи быть не может ещё и потому, что Илья Дмитриевич не был вхож в столь высокие кабинеты руководителей рейха. Его, драматурга, постановщика спектаклей по своим, авторским, пьесам, в те дни занимала одна мысль: как помочь попавшим в беду коллегам по театральному цеху, как не умереть с голоду самому.

«Пришлось “объединяться”, – писал Сургучёв в дневнике 11 июля 1943 года. – В объединении сила. Так или иначе, худо или бедно, создалось объединение русских журналистов. Потом включили в него артистов. Устроили в зале Плейель великолепный концерт оперного хора по дешёвым ценам: пришли только родственники хористов. Десять тысяч убытка. Эмигрантская элита, работавшая у немцев на великолепных окладах, покупала билеты, выторговывая скидку. Прогорели».

Через газету «Новое слово», выходившую на русском языке в 1943 году в Берлине, Сургучёв, как он пишет, «крикнул SOS на всю эмиграцию, и тут случилось чудо: в шапку отзывчивые русаки живо набросали свыше 30000 франков. Спаслись. Не подошли с голоду. Даже подлечились».

Парижская эмиграция, подчёркивал Сургучёв, не дала ни гроша. Деньги присылали из Германии, Италии, Балканских стран, Финляндии.

Миф четвёртый

И ещё об одном порочащем Сургучёва мифе, муссируемым как в эмигрантской литературе, так и в российской: об аресте писателя. 3 августа 1945 года газета «Русские Новости» (выходила в Париже взамен газеты Милюкова «Последние новости». – Н.Б.) сообщала: «Ярый поклонник гитлеровской идеологии, человек, лично близкий к Жеребкову, Сургучёв был одним из столпов его газеты с первых же её номеров. (Юрий Жеребков при немецкой оккупации Парижа возглавлял Управление делами русской эмиграции во Франции и под вывеской этого ведомства издавал профашистскую газету “Парижский вестник”). В июле и августе 1942 года он опубликовал на страницах “Парижского вестника” ряд прогитлеровских и антирусских фельетонов под общим названием “Парижский дневник”. Позднее, сделавшись, очевидно, более осмотрительным, Сургучёв от писания подобных статей воздерживался, но продолжал деятельно работать в газете почти до самого её закрытия. Арестован Сургучёв именно за эти фельетоны, восхвалявшие немецких оккупантов и глубоко враждебные Франции. Его “досье” передано судебным властям, и процесс Сургучёва состоится в недалёком будущем. В ожидании его заключённый находится в тюрьме “Френ”».

Но повесить всех собак на Сургучёва, как и громкого процесса, которого так ждали противники писателя, не получилось. Из тюрьмы, точнее из следственного изолятора тюрьмы «Френ», узника вскоре тихо отпустили.

Чтение и литературоведческий анализ военной публицистики Сургучёва показывает, что современный читатель не найдёт в ней ни одного слова, где бы писатель поклонялся Гитлеру и его идеологии, восхвалял немецко-фашистский режим.

Почитаем, читатель, «Парижский дневник» вместе. Дневниковая запись за 17 июня 1940 года, сразу после падения Парижа:

«Цел ли ты, мой милый, единственный и неповторимый город Ставрополь-Кавказский? И при одном этом имени вырисовывается колокольня на горе, работы архитектора Воскресенского (пожалуй, поинтереснее даже работ самого Растрелли), старая гимназия и дом Извозщикова (его же) – и весь родной город, вся симфония детства и отрочества воскресают с ясностью волшебной и с волнительностью райской. Комбинация работ Воскресенского с бульваром, с фонтаном на Думской площади и свой собственный, обжитой,

обкуренный, как пенковая трубка, уголок по Первой Ясеновской начинают сладко петь:

– Как я от дома далеко!..

И эта любовь к дому, неистребимая, несмотря ни на какие Парижи, ни на какие Елисейские поля, прорывается в какой-то милой, но только мной, только моим сердцем рождённой мелодии, и я знаю: так начинается музыка. В сердце всякого человека стоит музыкальный ящичек. Всякий может вспомнить свой Ставрополь и, вспомнив, запоёт и, может быть, лучших слов для нас сейчас нет: “Как я от дома далеко!..” И каждый вспоминает, что даже свиньи в доме отца его ели лучше, чем он ест здесь, на Елисейских Полях».

В те дни, когда на глазах писателя произошло падение Парижа, он мечтал об одном: «...много дал бы, чтобы пройтись сейчас по Первой Ясеновской, чтобы прикоснуться губами к медной ручке отцовского дома, украдкой заглянуть в окно своей комнаты, сорвать листок с липы, которую когда-то лечил от царапин на коре... Как чеховскому актёру хотелось в Вязьму, так мне хочется в Ставрополь, на свою печку».

А эту запись Сургучёв сделал 5 августа 1942 года:

«Ворошиловск взят... В переводе на наш язык это значит: “Ставрополь взят...” И как неистребима, как упорна эта “Любовь к родному пепелищу, Любовь к отеческим гробам”!..

И как ни корми нас всякими изысканными Парижами, Виарридами и Трувиллями, мы всё равно до скончания веков наших, всегда, ныне и присно будем посматривать, как волки в лес, туда, где кривыми закоулками расположены наши Ясеновские, Хопёрские, Армянские, Станичные, Подгорненские улицы и переулки, Нижние Базары, Ярмарочные площади, Полковничьи Яры и всё то, что так близко к родному пепелищу и к холмикам отеческих гробов.

– На улицах, дом за домом, шли бои...

Это легко читать, а вот думать:

– А что же дома Розеньковых, Сургучёвых, Демьяновых, Афанасьевых, Первушиных, Пышненковых, Рубрилиных?.. Целы ли? Батюшка! Спаси и сохрани, дай перед концом взглянуть...

Ставрополь-Кавказский, 700 футов над уровнем моря, царь пшеницы, король винограда, великий герцог бесконечных тучных стад... Богач, лаццарони, творец песен и дерзких пословиц, кум всем королям, озарённый покровом Владычицы Казанской, которая, как святая Женева Парижская, день и ночь бодрствовала над распластавшимся у Ея подножья городом... И гнала от него трус, потоп, огонь, меч и междоусобную брань...»

И за такие гимны родному городу под арест? Вот что писал Сургучёв о своём аресте. Читаем дневниковую запись Ильи Дмитриевича за 16 мая 1945 года: «Наконец меня вызвали, и я поднялся с отчётливым чувством школьника, вызванного к экзаменационному столу. Привели к какому-то господину, сидевшему за столом. Господин коротко и неодобрительно взглянул на меня и пригласил сесть. Перед ним лежало досье».

«Господин» спросил Сургучёва, работал ли он «в такой-то газете». Речь, видимо, шла о «Парижском вестнике». И, получив утвердительный ответ, спросил, писал ли он «вот эту фразу»: «...и господин прочитал какую-то французскую фразу, в которой, несмотря на корявый перевод, я узнал себя». «А вот это вы писали?» – «Писал». – «А это?» – «И это писал».

«И господин как-то внутренне просветлел: он, очевидно, рассчитывал на отрицания, на отпирательство, а тут всё потекло, как по маслу.

Я почувствовал, что человек проникается ко мне симпатией. И вдруг он улыбнулся и совсем иначе посмотрел на меня, и мы, кажется, впервые увидели друг друга. Вокруг кипела странно напряжённая жизнь – иногда появлялись городские в пелеринах и в кепках, и было какое-то неслияние масла и воды. Мы долго разговаривали, курили и вдруг его вызвали к телефону. Когда он ушёл, я приподнял кусочек бумаги и увидел, что она подписана известным русским врачом, который часто печатает в газетах объявления о своей лаборатории», – написал Сургучёв 16 мая 1945 года. И краска стыда залила ему лицо: «...это был донос невероятный, неожиданный, необъяснимый, дико провинциальный, болезненный».

Сургучёв, в отличие от Георгия Иванова, Нины Берберовой и других писателей-эмигрантов, не стал оправдываться. Однако участи отверженного, обречённого на нищету в послевоенные годы, ему миновать не удалось. Насколько справедлива была кара? И насколько тяжка вина?

«Вся заграничная публицистика Сургучёва военной поры, – считает профессор, доктор филологических наук Александр Алексеевич Фокин, – пропитана идеей гуманизма: Европа в огне, под бомбами гибнут культурные ценности, без которых нет ни нравственности, ни морали, ни преемственности поколений. И в этом себе Илья Дмитриевич не изменил».

От себя добавлю: вся так называемая современная публицистика противников Сургучёва, признаться, похожа на донос, на тот самый, который был написан на него в мае 1945 года. Их авторы требуют доказательств, что Илья Дмитриевич Сургучёв был и остался патриотом своего родного города Ставрополя-Кавказского, был и остался патриотом России. А доказывать ничего не надо: надо просто читать очерки, рассказы, повести и романы Сургучёва, смотреть спектакли, поставленные по его пьесам, приходить на Сургучёвские чтения, посещать книжные и фотографические выставки, посвящённые ему и его творчеству. И, я уверен, вы полюбите Илью Дмитриевича Сургучёва, замечательного русского писателя, о котором М. Горький писал: «Берегите Сургучёва второго, которому столь трудно жить и без людей, и с ними». Берегите Сургучёва!

ПОЭЗИЯ

Нина ГОЛОВАНОВА

Нина Федотовна Голованова – физик-теоретик и поэт, родилась в семье советских инженеров. Окончила московскую школу с золотой медалью, а затем физический факультет МГУ им. Ломоносова. Научная деятельность связана с изучением микромира. Имеет научные труды. Член МГО СП России. Автор трёх поэтических сборников: «Эти строчки», «Избранное», «Ясным утром». Последняя книга, изданная МГТУ им. А.Н. Косыгина, в 2011 г. была отмечена дипломом литературного конкурса МГО СП России «Лучшая книга». Награждена также литературными премиями МГО СП России имени Грибоедова и Лермонтова. Роман Н.Ф. Головановой в стихах «Люк и Фек. Мир и война» в 2014 г. был удостоен литературной премии МГО СП России «Серебряный крест» с вручением наградного знака «Серебряный крест».

Живёт в Москве.

«Нам время каждому возраст...»

Дом в Кривоколенном

Смеркалось.
Крупный снег летел.
По тротуару двигались немые силуэты.
Казалось, у идущих не было ни тел,
Ни ног, лишь щёлкали
Шаги, как кастаньеты.
Морозило.
Обычно в январе.
И переулочек был Кривоколенный.
Случайный ветер в проходном дворе
Вдруг заметался и утих как пленный.
Красивый дом.
Светящийся подъезд.
В дверях раскрытых сказочным виденьем
Известнейших поэтов русских съезд
А с ними музы, невесомые подружки бдений.
Обрывки фраз.
Читал «Бориса» Пушкин!
В России русская великая трагедия живёт!
И русский люд не просто человеческие тушки –
Творец истории и воин, не щадящий свой живот.
Закрылись двери.
Экипажи увезли
Поэтов с музами в далёкое столетье.
Из подворотни тёмной грязи выливалась слизь,
Под тусклым фонарём играя многоцветьем.

Другой поэт.
 Столетие спустя
 Выходит из дверей с тоскливой местечковой музой,
 Считающей приличный гонорар, который можно получить шутя,
 Как дань за ложь и, не терзаясь совестью – обузой.
 Кино. Театр.
 Известность и Париж.
 Тут можно оболгать чужбину – родину и выбросить как палку.
 И дом где дух поэтов русских не знавал границ и крыш
 Обгадить жалкой сварой коммуналки.

Кто лучший

Стою ещё в большом строю
 И не качаюсь,
 Как будто тяжести трудов
 Не замечаю.
 Нам время каждому воздаст
 По нашей лени.
 Кто дерзок и настойчив был,
 Не тронет тленьем.
 Рассыплет прочих имена
 На буквы в кучи,
 А там уже не разберёшь,
 Кто лучший.

Распродажа на Привозе

Берите же Машу,
 Теперь она ваша!
 Конечно, бы лучше
 В комплекте с папашей,
 Но папы уж нет,
 Так берите хоть Машу!

В придачу и Ксюшу,
 Муляжную грушу.
 У Ксении мама крутой депутат,
 Научит, как делать
 И деньги, и мат.

А вот и Андрюша –
 Гуляющий кот,
 Покажет к дефолту
 прямой поворот.
 Заглохнет мотор,
 А потом вдруг взревёт,
 На Запад в мечтаемый рай отвезёт.

Девицу Земфиру –
 Причуду эфира,
 Дочь этого мощного
 Бизнеса-шоу
 Берите по ставке совсем уж дешёвой.
 Носить будет флаг ваш блакитово-жовтый
 Как украшение платья иль кофты.
 А как же Борис?
 Ну нельзя же без барда
 Заменит вам рис,
 Комбикормы и барду.
 Довольными будут скотина и вы,
 Берите, не думая, без суеты.

«Шо, шо говорите?» –
 «Ах, денежек мало,
 Тогда покупайте чесночное сало!»

Праведник

Небесные врата открылись, и Семён Яковлевич Чугункин вышел наружу.

– Смотри, Сёма, у тебя ровно сутки на посещение Санкт-Петербурга и ни секунды больше. Будь паинькой, – ласково предупредил его апостол Пётр.

– Да, да, будь паинькой, – прощально улыбнулся апостол Павел, смахивая слезу, – и возвращайся скорей, мы без тебя скучать будем. Вот тебе командировочные триста рублей, это средне-суточные современного пенсионера. Погуляй по полной и нам сувенирчики принести не забудь.

Семён Яковлевич благодарно улыбнулся доброй застенчивой улыбкой любящим апостолам и с душевным трепетом ступил на грешную землю. Накануне небесная канцелярия выписала Семёну Яковлевичу однодневный отпуск за хорошее поведение, и он решил провести его в своём родном городе. Ранним июньским утром две тысячи седьмого года левая нога Чугункина, обутая в модный американский кроссовок, осторожно коснулась дворцовой площади Санкт-Петербурга. Так же осторожно ступила на брусчатку и вторая нога бывшего революционного матроса с крейсера «Аврора». Чуть покачиваясь, – то ли от слабости, то ли от волнения, то ли в силу морской привычки, – Семён Яковлевич медленно двинулся к Зимнему дворцу. Нахлынули воспоминания, а за ними и слёзы. Всё осталось по-прежнему, как в старые добрые времена, ничего не изменилось. Вот только перед дворцом стояла огромная металлическая конструкция, отдалённо напоминающая скромную революционную трибуну времён жизни Семёна Яковлевича. «Всё правильно, всё верно. Для больших вождей – большие трибуны», – подумал Чугункин и мечтательно вздохнул, представив себя на высоком постаменте. Постояв минут пять у конструкции, Семён Яковлевич повернулся и зашагал к Дворцовому мосту. Ах, как было всё чудесно, как здорово начинался отпуск! Навстречу Семёну Яковлевичу шли люди в удивительных

Дмитрий Павлович Воронин – родился в г. Клайпеда Литовской ССР в 1961 г. Работает учителем истории и географии в сельской школе. Член Союза писателей России с 2003 г., член Конгресса литераторов Украины. Автор трёх сборников рассказов. Лауреат международного конкурса «Согласование времён» (Германия) – 2009 и 2011 гг., судья международного конкурса «Согласование времён» – 2010 г., лауреат международного фестиваля «Славянские традиции» 2010 г. (Украина), лауреат литературной премии им. Юрия Каплана (Украина), лауреат национального конкурса «Золотое перо Руси» – 2011 г., Гран-При международного конкурса «Гогольфэнтези» – 2011 г. (Украина), лауреат «Гогольфэнтези» – 2012 г. (Украина), дипломант международного конкурса «Русский Stil» – 2012 г. (Германия).

Живёт в п. Тишино Калининградской обл.

одеждах, мимо пронеслись диковинные авто, утреннее солнце играло золотом на Адмиралтейском шпиле, и воздух вокруг заполнялся запахом счастья. «Господи, как хорошо, как замечательно идти свободным шагом по городу победившего коммунизма! – млел от восторга Семён Яковлевич, подходя к Биржевой площади. – Какая красота, какое великолепие!» – вытирал слёзы радости Чугункин, охватывая взглядом панораму Питера. Отличное настроение не покидало Семёна Яковлевича вплоть до Петропавловской крепости, и только у Петропавловского собора по лицу революционного матроса пробежала первая тень. Пожилая супружеская пара, двигаясь почти рядом с Чугункиным, переговаривалась между собой.

– И всё-таки, Гриша, зря ты розы купил Николаю Александровичу, нужно было хризантемы, – выговаривала седовласая дама своему спутнику.

– Да ты что, Катюша, как можно хризантемы? – укоризненно покачал головой высокий сутуловатый старик. – Император Николай принял вместе с семьёй смерть жуткую, кровавую. Как раз розы пурпурные на могилу государеву только и подходят. А то хризантемы, будто бабе какой!

Семён Яковлевич аж приостановился и рот открыл от изумления, услышав, что пара несёт цветы на могилу царя.

– Товарищи, вы про какого такого Николая Александровича тут только что говорили? – вытаращился он на супругов.

– Как про какого? Про Николая Второго, конечно же, – ответил сутулый старик.

– Второго? Кровавого?

– Какого кровавого? – возмутилась седовласая дама. – Святого, принявшего смерть лютую от большевиков.

– Как, как? – у Чугункина отвисла челюсть. – Кто святой? Николай святой? С каких таких пор? За какие такие заслуги?

– Да вы что, батенька, из лесу только вышли, телевизор не смотрите, газет не читаете? – отступил на пару шагов от странного прохожего старик, заподозрив в нём что-то неладное. – Николай Александрович с семьёй уже несколько лет как к лику святых причислены, с тех пор как в соборе Петропавловском их прах упокоился.

– Прах упокоился? Здесь в Петропавловке? – ещё больше изумился Чугункин, потемнев лицом. – Вы шутите?

– Какие шутки, какие шутки! – разволновался старик. – Я вам не мальчишка какой, чтобы шутки шутить. Пойдите да сами посмотрите.

– Этого не может быть, – бормотал себе под нос Чугункин, выходя на ослабевших ногах из собора через двадцать минут. – Не может быть этого! Всё бред и полная протрация, и я не в Ленинграде, и не на этом свете.

Люди оборачивались вслед странному человеку, бредущему по Троицкому мосту и громко разговаривающему с самим собой. Перейдя через мост, Семён Яковлевич нетвёрдой походкой двинулся по набережной к Летнему саду. Его взгляд беспорядочно блуждал по сторонам, не фиксируя практически ничего. Только один раз глаза Чугункина на мгновение осмысленно задержались на крейсере «Аврора» и тут же вновь потускнели. Чуть не попав под колёса автомобиля, Семён Яковлевич перешёл через набережную и еле добрёл до ближайшей свободной скамейки Летнего сада. Из оцепенения его вывел низкий старушечий голос, прозвучавший совсем рядом.

– Оля, ты крепись, Оля, слышишь, крепись. Что уж теперь. Андрея не воротишь, а тебе ещё жить.

– Да как жить-то, Маша, как жить-то? – еле слышно раздалось в ответ. – Ведь немисливо одной-то, невозможно. Мы с Андрюшей еле концы с концами сводили, а ведь у него пенсия не чета моей была, ветеранская. А я как на свою учительскую? Страшно.

– Оля, может, всё ещё обойдётся, – неуверенно дрогнул низкий голос. – Обещали ведь и в следующем году прибавку сделать к пенсии.

– Маша, о чём ты говоришь, какая прибавка? – перешёл на шёпот печальный голос. – Эта прибавка – как мёртвому припарка. Это как к ноллю прибавить ноль, результат один и тот же.

Семён Яковлевич, выйдя из полусознательного состояния, с интересом скосил глаза вправо. В полуметре от него, сгорбившись, сидели две старушки. Одна, полноватая, в коричневом платье и коричневых туфлях-лодочках, нежно гладила ладонь другой, маленькой и худенькой, в чёрной юбке и коричневой блузке.

– Ну что ты, Оля, ну что ты, – продолжала гладить руку подруге полноватая старушка. – Жить-то надо, бывали ведь времена и хуже, и ничего – выживали. В войну вон какие ужасы творились.

– Когда хуже-то, когда, Маша? – заплакала собеседница. – Мне на эти деньги не выжить. Не смогу я и за комнату платить, и за лекарства, и за питание, а от чего ни откажись – всё едино, смерть.

– Ну что ты, Олечка, ну что ты. Люди же кругом, помогут.

– Ты как с Луны, Маша. Кто сейчас поможет, кому мы, старые, нужны? Слова, слова. А когда Андрюше срочная операция потребовалась, мне так прямо и сказали: готовь, мол, мать, тысяч семьдесят в валюте, тогда вылечим, а бесплатно сегодня и палец о палец никто не ударит. А Андрей ведь фронтовик, орденосец, всю жизнь на Кировском в токарях отходил, с грамотами и благодарностями. Какая у нас валюта, у нас и в рублях-то отродясь такой суммы не было!

– Извините, – постучал пальцем по плечу старушки Чугункин. – Я не разобрал, в какой такой валюте?

– В долларах, в какой же ещё, – повернула та голову.

– В долларах? За операцию? – по лицу Семёна Яковлевича пробежала тень.

– Ну да, а чего вы так удивляетесь? – недоуменно пожала плечами старушка. – Наши-то деньги давно не в ходу, берут или в долларах, или в еврах.

– Но у нас же бесплатная медицина! – неожиданно прокричал ошарашенный Чугункин.

– Фу ты, – отшатнулась в сторону старушка. – Маша, ты посмотри на этого молодого человека. Если ты с Луны упала, то он явно с Юпитера шандарахнулся. Юноша, в какие времена это было?

– Как в какие? В наши, в наши времена, советские! – продолжал выкрикивать Семён Яковлевич, привлекая к себе внимание гуляющих. – Мы за это кровь проливали, жизни отдавали, революцию делали!

– Маша, да он сумасшедший, Маша! – испуганно вскочила на ноги пенсионерка и, уходя, бросила: – Какие советские времена, молодой человек, да они уже двадцать лет как антисоветские!

– Какая валюта, какие доллары? – доносилось вслед уходящим подругам из глубины Летнего сада. – Это же незаконно! За это же расстрел! Что за бред? У нас же свой твёрдый червонец имеется, твёрже некуда! Где я? Что со мной?

– Пить меньше надо, – рассмеялись рядом.

Чугункин тяжело поднялся со скамейки и потерянно поплёлся по центральной аллее в сторону Михайловского замка. Выйдя на Садовую, Семён Яковлевич вскоре очутился на Невском проспекте. В его глазах уже не было утреннего энтузиазма и восторга, в них появились подозрительность, испуг и недоверие. Он вдруг, к ужасу своему, заметил нищих, сидящих у подземного перехода. Нищие были и в самом переходе. Грязные, оборванные, в худой обуви, они резко контрастировали с праздной толпой, гуляющей по обе стороны Невского проспекта. Семён Яковлевич, занятый своими мыслями, сразу даже и не понял, как очутился внутри Гостиного двора, а когда всё-таки понял, где находится, то рот раскрыл от изумления. Изобилие вещей настолько поразило его, что он на какое-то время забыл о недавних горьких думах и полностью растворился в магазинной суете. Чугункин ходил по бутикам, как по музеям, восхищённо рассматривая диковинные товары, выставленные на продажу. Эта экскурсия продолжалась около часа, пока взгляд командированного случайно не упёрся в крупный ценник, висевший на очередной красивой безделице. Когда до Чугункина дошло, сколько стоит эта безделушка, у него от удивления отвисла челюсть.

– Мужик, варежку-то прикрой, а то потеряешь, – хлопнул Семёна Яковлевича по плечу подошедший сзади охранник. – Чего раззявился, будто обкурился, или купить хочешь?

– Это что? – кивнул на вещицу Чугункин.

– Шкатулка.

– А она из чего?

– Да не из чего, из дерева.

– А это что? – указал пальцем на ценник Семён Яковлевич.

– Цена, – снисходительно усмехнулся охранник.

– В рублях? – округлил глаза Семён Яковлевич.

– А то в чём же.

Чугункин, закашлявшись, достал из кармана триста рублей, выданные ему в раю на мелкие расходы.

– И это все твои деньги?

– Ага, – кивнул Семён Яковлевич.

– Ну, мужик, с такими «бабками» тебе не сюда надо, а куда-нибудь поближе к Кировскому заводу, где собачьи сосиски и водка палёная по полтора рубля. Ну, или край на Багамы.

– Куда-куда? – встряхнул головой Чугункин, в которой вдруг отчётливо прозвучало: «Ешь ананасы, рябчиков жуй, день твой последний приходит, буржуй!»

– На Багамы, к олигархам поближе, там как раз твоих «бабок» достаточно – года на два-три, а то и больше будет.

Чугункин вновь затряс головой.

– Да ты случаем не припадочный? – заволновался охранник и крепко взял Семёна Яковлевича за локоток. – А ну-ка пойдём до выхода на воздух.

Выпроводив странного посетителя за порог бутика, охранник вернулся на своё место. Чугункин же, не переставая трясти головой, вышел из Гостиного двора и, пошатываясь, побрёл в направлении Литейного проспекта.

– Эй, придурок, сигареты есть? – толкнул в бок Чугункина низкорослый пацанёнок с грязным опухшим лицом в мятой несвежей одежде.

– Ты что, беспризорник? – профессионально сощурил глаз Семён Яковлевич.

– Мужик, у тебя сигареты есть? – повторил вопрос маленький бомжик.

– Нет, не курю.

– Придунок не курит, – тут же утратив к Чугункину всяческий интерес, пацанёнок отошёл к стоящим в стороне таким же бомжатам.

– Как же так? Как же так? – забубнил себе под нос Семён Яковлевич, глядя вслед удалявшейся стайки ребятишек. – Мы же их всех, всех переловили, всех в люди определили. Они у нас все при деле оказались! Как же так? Как же так?

Свернув на Литейный, Чугункин медленно поплёлся к Неве, внимательно осматриваясь по сторонам. Люди уже не казались Семёну Яковлевичу такими беззаботными и счастливыми, как утром. Лица многих прохожих были мрачными, усталыми и озабоченными. Время от времени навстречу попадались стайки неопрятно одетых детишек, спешащих куда-то по своим делам. И каждый раз, когда эти стайки приближались к Чугункину, начинал громко звучать отборный мат, какого Семён Яковлевич не слышал даже во времена совершеннейшей разрухи конца гражданской войны. Тут и там молча сидели нищие, обречённо ожидая подаяния. Часто встречались мужики и бабы с пропитыми рожками и кучей разных пакетов в руках. Да и здания вдоль проспекта уже не выглядели столь опрятно и празднично, как казалось Семёну Яковлевичу на первый взгляд. Отвалившаяся штукатурка, облупившаяся краска, полусгнившие рамы, обшарпанные парадные – буквально всё резало глаза.

Выйдя к берегу Невы, Чугункин минут пятнадцать задумчиво смотрел на крейсер «Аврора», а потом резко повернулся и уверенно зашагал по Шпалерной улице в сторону Смольного. К Смольному Чугункина не пустили даже близко.

– Куда? – загородил ему путь здоровенный амбал, охранявший ворота.

– К секретарю обкома партии, – попытался обойти преграду Семён Яковлевич.

– К какому такому секретарю апкома? – на плечо бывшего матроса опустилась тяжёлая рука.

– К первому, к Сергею Мироновичу, – Чугункин попытался сбросить руку амбала.

– А пропуск у тебя есть? – давление на плечо только усилилось.

– Мандат, что ли?

– Ты чё выражаешься, козёл! – голос охранника наполнился угрозой, и рука ещё больше сдавила плечо. – Ты кого посылаешь, доходяга? Документ покажи!

– Нет у меня никакого документа, – взвизгнул от боли Семён Яковлевич. – Я член партии с шестнадцатого года, матрос с «Авроры», лично знаком с Сергеем Мироновичем Кировым. Мне не нужен документ, меня тут все знают, я сам в органах с гражданки!

– Да хоть с самим Путиным, – амбал резко развернул Семёна Яковлевича от себя и нанёс ему увесистый пинок под зад. – Пшёл отсюда, козёл, пока живой! Делать тут нечего, как только бомжей принимать.

Семён Яковлевич, потеряв равновесие, растянулся на асфальте. От обиды и злости на глазах у него выступили слёзы.

– Ах ты, мурло эапмановское! Ах ты, контра недобитая! – вскочив на ноги, бросился на амбала с кулаками Чугункин. – Да тебя за это обращение под трибунал и к стенке!

Не ожидавший такой ответной прыти, охранник на мгновение растерялся и отступил в сторону, но почти тут же спохватился и вновь развернул нападавшего к себе спиной. Повторный пинок был настолько мощным, что Семён Яковлевич просеменил мелкими шажками метров десять и растянулся во весь рост на проезжей части, чуть не угодив под колёса навороченного автомобиля с мигалками на крыше.

– Ещё раз сунешься, козлина, – останешься инвалидом до конца дней своих! Понял? – угрожающе прозвучало из-за ограды в сторону Семёна Яковлевича.

– Как же это? Что же это? – всхлипывал Чугункин, хромая по Синодской набережной. – Неужели троцкисты, неужели враги?

Джинсы на его правой ноге порвались ниже колена и клёшем болтались в разные стороны. На белой майке с надписью «Россия» отчётливо выделялось грязное серое пятно, оставшееся после падения на мостовую. Волосы Семёна Яковлевича взъерошились, щёки нервно подёргивались, а глаза налились кровью. Вечерний вид Чугункина нисколько не напоминал того благодушного туриста, каким Семён Яковлевич спустился утром на землю. Сейчас это был самый натуральный бомж, опустившийся забулдыга, которого с опаской обходили стороной редкие прохожие.

Сам того не заметив, Семён Яковлевич оказался на территории Александрово-Невской лавры, и только у Троицкого собора он остановился, но не стал подниматься внутрь, а, тяжело вздохнув, медленно двинулся вглубь заросшего монастырского погоста. С полчаса побродив среди заброшенных могил, Семён Яковлевич остановился у одной из них и обессиленный уселся прямо на холмик, почти сравнявшийся с землёй. На завалившемся набок небольшом надгробном памятнике с погнутой пятиконечной звездой ещё можно было разобрать полустёртую от времени надпись: «Чугун...ин Се...ён Яко...евич. 1893 – 1932. Герою – ...атросу, ...ольшеву, ...орцу за светлое б...дущее».

Сидя на собственной могиле, обхватив голову руками, Чугункин и не заметил, как подкрались сумерки и кладбище накрыл полумрак летней ночи. Думы путались и скакали в разгорячённом мозгу Чугункина. Ему казалось, что он попал в ад, что Пётр и Павел специально решили посмеяться над ним и нарочно отправили его в преисподнюю. Вот и собственная разорённая могила в десяти метрах от главного монастырского храма свидетельствовала об этом. Ведь когда только попал удивлённый Семён Яковлевич на облака, апостол Пётр так и сказал ему: «Святой, видать, ты человек, раз у входа в храм похоронен, ближе даже, чем великие князья, архиереи и многочисленная монастырская братия. Отсюда твоя душа без всякого там мандата и протекции напрямую к нам поступает. Здесь мы ни капельки не сомневаемся в том, что безгрешен ты, Сёма, и все деяния твои праведные. А потому милости просим к нам на вечные времена. Уход за тобой, Сёма, и на земле почитаемый останется, и у нас заботливый будет».

«А тут что ж, – с горечью думал Чугункин, – разор сплошной, и никакого почёта!..»

И не только могила Семёна Яковлевича в таком положении оказалась, но и дружков его, соратников: Кукина Андрюхи, Ваньки Топоркова, Игната Лепёхина. Других же могилок – Лицитиса, Гельмана, Мюллера, Егенбеева – так и вовсе не стало.

«А как всех хоронили! При толпе народу, с речами пламенными, с залпами погромче колокольного звона, и вот те на – нет ничего, – с досадой ударил

кулаком оземь Чугункин. – У кого ж руки поднялись над святыми могилами дружков надругаться? Эх, времена б сейчас славной чекистской молодости вернуть! Быстро б архиерея со всеми монахами в заложники, и ультиматум: в сутки выдать зачинщиков, иначе – расстрел. И выдали б, куда делись бы! А уж Семён Яковлевич постарался б, отбил бы пулями всю охоту над пролетарской памятью глумиться».

Долго бы ещё просидел Семён Яковлевич, если бы не чьё-то осторожное прикосновение сзади.

– А? Что? – резко повернул голову назад Чугункин.

– Не положено тут, – наклонился над ним пожилой священник. – Поздно уже, домой пора.

– А я и так дома, – горько усмехнулся Семён Яковлевич, – идти мне больше некуда.

– Кладбище живому не дом, – укоризненно покачал головой священник. – И спешить сюда самому не стоит – грешно. Бог укажет, когда срок.

– Так я уже и не живой давно. Мёртвый я окончательно и бесповоротно. И тело мёртвое, а с сегодняшнего дня, пожалуй, и душа.

– Нет, нет, грех так говорить, – помог ему подняться с могилы священник. – Надо бы вам, молодой человек, на исповедь сходить, душу облегчить, груз с себя скинуть.

– Поздновато, пожалуй, батюшка, – вновь усмехнулся Семён Яковлевич и, не попрощавшись, захромал к выходу из Лавры.

Выйдя за ворота, он зашагал вдоль речки Монастырки на еле заметный невдалеке костерок. У костра расположилась группка из четырёх примонастырских нищих.

– Примите в компанию? – подошёл к бомжам Семён Яковлевич.

– А «бабки» на постой имеются? – подозрительно окинул его взглядом один из бомжей. – Нынче бесплатно ничего не даётся. Если «бабок» нет, шагай мимо, если есть, милости просим, местечко найдётся, не жалко.

Чугункин полез в карман и достал свои райские командировочные. Отсчитав от трёхсот рублей двести, он протянул их нищему.

– Хватит? Больше всё равно нет.

– Раз больше нет, значит, хватит, – философски ответил бомж и повернулся к зашевелившемуся у костра малолетке. – Давай, Макарона, сгоняй к Жабке, принеси пойла баклаху.

Небольшого роста грязный худой пацан зажал в кулаке деньги и молча исчез в полумраке парковых деревьев. За время его отсутствия бомжи не проронили ни слова. Семёну Яковлевичу тоже не хотелось разговаривать, и он всецело погрузился в свои мысли. Очнулся Чугункин от грубого толчка в плечо.

– На, пей, – протянул ему пластиковый стакан с какой-то вонючей жидкостью новый знакомый.

– Не, не хочу, – помотал головой Семён Яковлевич.

– Брезгуешь? – нахмурился нищий.

– Нет. Просто не хочу.

– Ну, хозяин – барин, – отвернулся от Чугункина бомж и сунул стакан малолетке. – На, Макарона, глотай.

Тот не заставил себя упрашивать, схватил стакан и судорожными глотками выпил содержимое. За ним выпили и остальные. Пройдя круг по третьему разу, бомжи стали ругаться между собой.

– Ты, Макарона, дерьмо, второй день на хвосте у нас сидишь, ничего в долю не вкладываешь. Завтра не заработаешь «бабок» – морду начистим!

– Так я ж болею, Степаныч, – захныкал малолетка. – Ты же знаешь, я отработаю.

– А на кой мы тебя должны поить, больного! Больные нам не нужны, проще тебя утопить в Монастырке, и дело с концом. От таких, как ты, только проблемы. Развелось вас тут, как тараканов.

– Да отработаю я, Степаныч, – всхлипнул малолетка и опасливо отодвинулся в сторону от костра. – Вот те крест, отработаю, завтра же!

– А на кой мне завтра, сегодня надо было! – распалялся Степаныч, делая шаг в сторону пацана. – А то валяй к своим тараканам в теплотрассу, пусть тебя уж до конца подрежут, а не как в прошлый раз только наполовину.

– Не надо, Степаныч, – заплакал малолетка. – Я отработаю, клянусь, отработаю!

– Что, обделался, не хочешь к своим малолеткам? Тогда терпи, – и, скривив рот в садистской ухмылке, Степаныч с силой ударил его в лицо.

– А-а-а, – заголосил Макарона, укрыв голову руками.

И только Семён Яковлевич хотел вмешаться в начавшуюся расправу, как прозвучал резкий голос одного из бомжей:

– Атае, менты!

Через мгновение у костра остался один Чугункин, а ещё через полминуты на его голову обрушился мощный удар.

Пришёл в себя Семён Яковлевич в каком-то помещении за железной решёткой. Голова нестерпимо раскалывалась. Он осторожно дотронулся до макушки и вскрикнул от боли.

– Очухался, бомжара? Счас выясним, кто ты таков будешь. А ну, выходи! – решётчатая дверь со скрипом отворилась.

Чугункин тяжело поднялся с цементного пола и вышел из камеры.

– Пшёл, – грубо толкнул его в спину бугай в полицейской форме.

В кабинете, куда привели Семёна Яковлевича, находились ещё два полицейских.

– Документы есть? – приторно произнёс один из стражей порядка.

– Нет.

– А зовут как?

– Семён Яковлевич Чугункин.

– Еврей, судя по имени отчеству, – мило улыбнулся милиционер.

– Я ж говорил: урюк, – встрял в допрос другой. – Они, чернозадые, все на одно лицо, задолбали уже в конец. Скоро нам места тут совсем не останется, развелось их столько.

– Не-е, Васёк, – продолжал улыбаться допрашивающий. – Еврей – не урюк, еврей-то покруче будет.

– В смысле? – с интересом посмотрел на Чугункина Васёк.

– Это как Ходорковский или Абрамович.

– Ух, ты! При «бабле», значит, – маленькие глазки Васёка тут же сощурились, и он резко подался в сторону Семёна Яковлевича. – Урюк, «бабло» есть?

– Нет.

– Давай выворачивай карманы, олигарх дерьмовый! – скривился Васёк.

– Не имеете права! – прозвучало в ответ.

– Чего? – опешил Васёк. – Колян, он чего сказал?

– Он сказал, что ты права не имеешь, – хмыкнул Колян.

– Ах ты, урюк, ах ты, падло, про какие ты тут нам права вякаешь! – бросился на Семёна Яковлевича с кулаками Васёк.

Когда Чугункин пришёл в сознание в следующий раз, Васёк в кабинете уже не было. За столом сидел Колян и что-то писал. Семён Яковлевич попытался встать, но голова закружилась, и он обессилено прислонился спиной к стене. Грудь нестерпимо ныла, голова была как чугунная, руки и ноги подрагивали от слабости.

– Сатрапы, – тихо произнёс Чугункин, – жандармы!

– А? – поднял лысую голову Колян. – Ожил, ну и хорошо. Счас протокольчик подмахнёшь – и спать в камеру.

– Какой протокольчик? – профессионально насторожился Чугункин, вспомнив свою работу в ЧК после гражданской войны.

– Ну, по поводу твоих грабежей запоздалых прохожих.

– Слушай, начальник, отпусти ты меня, – униженно захныкал Семён Яковлевич, подражая тем контрикам, которых сам когда-то допрашивал в начале двадцатых. – Ну, какой я грабитель? Сам видишь, пальцем ткни – и свалюсь. Ни обобрать, ни убежать не смогу.

– И то правда – доходяга, – задумался Колян.

– Вот видишь, – ощутив перемену в голосе полицейского, затараторил Чугункин. – А я в долгу не останусь. Отпусти, а? Я завтра и сумму тебе принесу, вот, ей-ей, принесу.

– Да чего ты принесёшь, бомжара! У тебя всего-то в кармане сотня целковых было, – брезгливо сморщился Колян и вдруг остановил свой взгляд на кроссовках Чугункина.

– Что, нравятся? – заискивающе улыбнулся Семён Яковлевич.

– Снимай.

Полицейский повертел обувь перед глазами и удовлетворённо вздохнул.

– С паршивой овцы хоть шерсти клок. Счас, подожди, дам тебе замену.

Колян вышел из кабинета и через десять минут вернулся назад, неся кончиками пальцев два истоптанных башмака.

– Вот, обувайся и вали отсюда, – бросил он к ногам Чугункина поношенную обувь. – Да смотри у меня, чтоб я больше тебя никогда в своём районе не видел, а то в следующий раз...

– Понял, понял, начальник, – угодливо улыбаясь, кланялся полицейскому Семён Яковлевич.

На улице утреннее солнце начинало потихоньку нагревать воздух и разгонять облака.

– Куда это он направился? – взволнованно обратился к апостолу Петру апостол Павел, наблюдая с одного из облаков, как весь избитый, грязный и помятый Семён Яковлевич семенит в чужих ботинках вдоль Невы к центру города. – Ему же в другую сторону, ему же к нам в рай пора. Опоздает ведь.

– К «Авроре» он спешит, – задумчиво ответил Пётр, глядя вслед удаляющейся фигуре Чугункина.

– Зачем?

– Революцию совершать.

– Пролетарскую? – в ужасе шарахнулся в сторону апостол Павел и чуть не упал с облака.

– Народную, – успокоил его апостол Пётр. – Он же праведник.

ПРОЗА

Рубен САРКИСОВ

Рубен Семёнович Саркисов – родился 24 декабря 1960 г. Отец – инженер по авиационным двигателям, мать –acroйдщица. С 1978 по 1984 гг. обучался в Московском Авиационном Институте на факультете «Двигательные установки летательных аппаратов». По окончании института работал на предприятиях авиационной промышленности. С 1986 по 1988 гг. проходил службу в рядах вооружённых сил СССР.

Живёт в Москве.

«Не ушла из мира до сих пор Любовь...»

Я с любовью светлой не хочу расстаться
Ставшею отрадой для души моей
Для души, что может плакать и смеяться
Обитая в мире рыночных людей

В годы прагматизма, фальши и разврата
Не ушла из мира до сих пор Любовь
Та Любовь, великая, что чиста и свята
Та, что заставляет сердце биться вновь

Я иду по жизни, осветив любовью
Рыночных реалий, пасмурные дни
Я не преклонился пред лукавой новью
Не погасли в сердце яркие огни

Я ещё надеюсь добрыми словами
Мы разгоним серость современных дней
Чтоб не стали мерить звонкими деньгами
Чувства вековые в душах у людей

Стойкая Россия

Ярко светит солнце над страной былинной
Что стоит скалою под напором силы
Силы озверевшей от вражды старинной
Бьётся с ней Россия, надрывая жилы

Всадники с востока с яростью степною
 Воины заката с их холодной злобой
 Лживые витии с полной мощною
 Пятая колонна с жадною утробой

Дважды поразили Русь враги мечами
 Да ещё толкнули, чтоб она упала
 Чтоб она подняться не могла веками
 Чтобы даже память о Руси пропала

Только устояла Русь и в этой битве
 Спину распрямила, став сама собою
 К Богу обратилась в пламенной молитве
 И в борьбу вступила с лютою судьбою

Друзьям детства

И вновь я здесь, где мы росли, друзья
 Где годы детские весёлые бежали,
 Пока мы бегали и весело играли
 Вновь аромат лесов вдыхаю я

Разлита в воздухе здесь благодать
 Её не передать словами мне
 Она встречается в Российской стороне
 Лишь научись природу понимать

Росли мы в этой дивной благодати
 И телом крепили, набираясь сил
 Всегда даль будет светлой, я решил
 И душу распахнул совсем некстати

Мы выросли, по свету разбрелись
 Кто пал на дно, а кто поднялся ввысь
 Иные очень даже вознеслись
 А помните, какие споры здесь велись

О том, как жить, каков же будет мир
 И кое-кто лукавил, продав душу тьме
 Не мог я знать, кто что держал в уме
 И грянул сатанинский чёрный пир

Ну, как, друзья, вы счастливы сейчас?
 В салонах иномарок дорогих
 С мощною полной денежек больших
 Довольными я редко вижу вас

ПРОЗА

Марат ВАЛЕЕВ

Рассказы

Великое чудо

По радио сказали: «В Москве умер Самуил Маршак...». И меня, двенадцатилетнего пацана, это известие оглушило. Я уже был не настолько наивен, чтобы не понимать: что ОНИ, писатели, тоже умирают, как и все люди. Как вот наш сосед, конторский бухгалтер дядя Миша Конев, или баба Фёкла Саворовская. Всех, конечно, жалко, пусть бы себе жили да жили. «Но особенно пусть бы жил Самуил Маршак, – горестно думал я тогда. – Неужели он теперь никогда не напишет таких чудных стихов, как “Вот какой рассеянный” или про “Багаж”, “Детки в клетке”? Эти лёгкие и ритмичные, очень озорные строчки, от которых рот невольно растягивался до ушей, хотелось читать и читать. И вот поэта не стало...»

Был знойный июльский день, отец приехал с работы на обед на дребезжащей телеге и не стал заезжать во двор, а привязал лошадь к штакетнику палисада, в котором на ветвях клёна беззаботно чирикали воробьи, мама хлопотала во дворе. А меня, несмотря на эту пасторальную идиллию, душили слёзы. И я, чтобы никто не видел, как плачу, забрался на пыльный чердак и там, под суслившимся берёзовыми вениками, дал волю своим чувствам.

Это был первый умерший человек в моей жизни, по ком я лил слёзы, настолько мне было его жалко, и так я не хотел смириться с его утратой. Но уже на следующий день я пошёл в нашу сельскую библиотеку и снова взял почитать сборник стихов Маршака. И он опять был со мной, и я, забыв, как буквально вчера давился слезами на пыльном чердаке после известия о смерти любимого писателя, снова от души хохотал над забавными приключениями героев его стихов. Именно тогда я понял, что такие писатели, как Самуил Маршак, хоть и умирают, когда и им приходит срок, всё равно остаются с нами в своих книгах,

Марат Хасанович Валеев – родился в 1951 г. Рос и учился в целинном Казахстане. Окончил факультет журналистики КазГУ им. Аль-Фараби (г. Алма-Ата). Написал и опубликовал несколько сотен иронических, юмористических рассказов и миниатюр, фельетонов. Автор и соавтор свыше десятка сборников юмористических рассказов и фельетонов, прозы и публицистики. Автор публикаций во многих российских журналах и газетах. Лауреат и дипломант ряда литературных конкурсов, в том числе «Золотое перо Руси»-2008 (номинация юмор), Общества любителей русского слова (номинация проза, 2011) «Рождественская звезда-2011», (номинация проза), имени Виталия Бианки (2017). Член Союза российских писателей.

Живёт в Красноярске.

своих мыслях, словах, подобранных и составленных на бумаге таким удивительным образом, что задевают невидимые струны в душах своих читателей, заставляют их сопереживать, смеяться или плакать, грустить или ликовать.

Маршак, конечно, не был моим единственным любимым писателем в детстве. Пристрастившись к чтению с самых ранних лет, я глотал книги одну за другой, как мамины вкусющие пирожки, и раз за разом открывал для себя новых мастеров художественного слова. Это были и Виталий Бианки, и Николай Носов, Корней Чуковский и Джанни Родари, Агния Барто и Сергей Михалков.

А скоро наша бессменная библиотекаря тётя Поля разрешила мне брать книги «взрослых» писателей, и я зачитывался произведениями уже Михаила Шолохова и Константина Паустовского, Антона Чехова и Ивана Тургенева, Эрскина Колдуэлла и Джека Лондона и многих других авторов, обессмертивших свои имена замечательными произведениями. И не было такой среди их книг, которые не затуманивали бы мои глаза романтической дымкой, не заставляли бы капать слезами на их страницы или улыбаться – так велика была сила слова, произведённого гениальным разумом этих обычных с виду (если судить по портретам) людей.

К произведениям таких авторов, которых принято называть классиками, хочется всегда возвращаться, заново перечитывать их и наслаждаться великолепным литературным слогом, упиваться музыкой их слов и проникаться глубинным смыслом их рассказов, новелл, повестей, романов, заставляющих по-иному смотреть на известные вроде бы понятия и явления. Ушедшие в своё время в физическое небытие, эти писатели продолжают незримо присутствовать среди нас и властвовать над нашими умами в своих бессмертных произведениях...

Сегодня на моей книжной полке, кроме томиков Маршака и других мастеров литературы, стоят даже книги тех авторов, кого я лично знал и которых уже никогда не увижу, не поговорю с ними. Но со мной говорят их произведения. И это великое чудо! Такое же чудо происходит с оставленными нам в наследство их творцами музыкальными произведениями, архитектурными ансамблями, скульптурами, картинами, фильмами. Это чудо называется искусство, предназначение которого – делать людей лучше, умнее, благороднее. За что низкий поклон служителям всех искусств, наделённым Божьей искрой таланта, в том числе – моему навек любимому писателю Самуилу Маршаку!

Простите меня, дядя Вася...

На днях, выйдя на прогулку, увидел у соседнего подъезда карету скорой помощи. Здесь, я знал, живёт единственный в нашем доме участник войны дядя Вася. Он часто выходил на прогулку и быстрым шагом, бодро постукивая по асфальту тростью, делал несколько кругов по периметру двора и усаживался отдыхать на скамью у своего подъезда.

Прошлой осенью мы разговорились, вот тогда я и узнал, что Василий Иванович (он разрешил мне называть его дядей Васей) был фронтовым шофёром, подвозил на грузовике снаряды, вывозил раненых, попадал под артобстрелы, бомбёжки, несколько раз был ранен, сильно контужен. Из-за этой контузии его, после лечения в госпитале, и списали вчистую за год до Победы.

Он вернулся в свой Иланский район, откуда уходил на фронт в 1941, с боевыми наградами, и продолжил шоферить – до самой пенсии и ещё лет десять после выхода на неё. Женился, детей с женой нарожал, по-моему, троих. Когда пережил любимую супругу, старшая дочь забрала его к себе в город, вот в этот наш дом.

– Она у меня врач, и это благодаря ей я ещё жив, – рассказывал дядя Вася. – У меня уже два инфаркта было, и доча оба раза вытаскивала, считай, с того света, спасибо ей...

– Дядя Вася, а давайте я про вас напишу, – предложил я. – Только нам с вами надо будет немного подготовиться. Вы свой наградной пиджачок с орденами и медалями наденете, я диктофон и фотоаппарат приготовлю, и мы более подробно поговорим о вашей жизни.

И он вроде согласился. Но когда я, в назначенный день и час, вышел во двор и подошёл к лавочке, на которой (минута в минуту!) дожидался Василий Иванович, он огорошил меня неожиданным отказом.

– Дочь запретила, – конфузюсь, сообщил мне фронтовик. – Сказала, что мне ни в коем случае нельзя волноваться, а то сердце опять может... того...

Я, конечно, немного расстроился. Но понимал, что дочери-врачу, все последние годы «ведущей» своего немолодого (под 90 лет уже) больного, израченного отца, виднее, что ему можно, а чего нельзя. Вон у него и так уже пальцы на рукояти трости стали мелко дрожать. И я не стал тогда ни диктофон вынимать, ни фотоаппарат расчехлять. Но затею свою расспросить его более подробно не оставил.

Решил, что, когда Василий Иванович подзабудет это несостоявшееся интервью, опять к нему подсяду с включённым в кармане диктофоном и исподволь выведаю недостающую для полноценного очерка информацию и всё равно напишу о нём. Но Василий Иванович всё не появлялся во дворе.

Вот уже и Новый год прошёл, и непривычно тёплый февраль – самое время для прогулок! – перевалил за первую декаду, а знакомой, слегка согбенной фигуры я так больше и не увидел. И вот вчера, при виде этой скорой, подумал: не к Василию ли Ивановичу она приехала? И спросил об этом на выходе со двора у охранника, вышедшего покурить из своей будки.

– Это который фронтовик, что ли? – позёвывая, переспросил охранник. – Так он помер, перед Новым годом. Вот так же скорая приезжала, да только зря – инфаркт у деда был, не откачали...

Не скажу, что я был потрясён – мало ли пережил смертей за свои годы, а эта была вполне ожидаема, – но очень опечалился. Вот ещё одним участником великой войны стало меньше. И я, к своему сожалению, не успел написать о Василии Ивановиче при его жизни – о том, как он крутил баранку на фронтовых дорогах, под свист пуль и грохот разрывов снарядов и бомб. Как рвали его тело осколки вражеского металла, но он, оправившись от ран, снова садился за руль. Как в мирной жизни остался верен фронтовой профессии и наматывал на колёса машины тысячи километров, развозя нужные для восстановления народного хозяйства грузы. Как болели его раны и раскальвалась от ужасного гула и звона контуженая голова, когда менялась погода или когда расстраивался. Но он не мог валяться долго на койке – его гнали за баранку профессиональный долг и обязанность перед государством и семьёй, которую надо было кормить.

И хотя не было моей вины в том, что я обо всём этом не написал в очерке про Василия Ивановича – так уж сложились обстоятельства, – всё равно я

чувствую себя перед ним виноватым. Простите меня, дядя Вася! И пусть хоть эти скупые строки послужат памятью о вас, славном воине и неутомимом труженике фронтовых и мирных дорог...

Кровные узы

Был декабрь 1997 года. Я лежал в отделении сосудистой хирургии с обострением. В палате со мной также мучились болями, терзающими их ноги из-за недостатка кислорода, плохо поступающим в ткани с кровью по суженным или вообще «забитым» артериям, ещё двое мужиков.

Артур Иванович лежал, как и я, под капельницей. А Витя Брюханов, мужик лет сорока из канской глубинки, беспокойно хромал по палате. Подошла его очередь на «штаны» – операцию по орто-бедренному шунтированию. Это когда делают разрезы на животе и бёдрах в форме штанов, чтобы добраться до артерий.

Во время этой длительной операции больному постепенно вливают до двух литров теряемой крови. А в 90-е её катастрофически не хватало – доноров лишили всех льгот, и они перестали сдавать кровь. Так что больным зачастую надо было самим раздобывать для себя доноров, или покупать кровезаменитель – плазму. Даже бинты надо было иметь свои!

Хорошо было тем, у кого в городе имелись родственники или друзья, они-то и становились донорами. У Вити в Красноярске никого не было.

В его деревне, откуда ему на медсестринский пост изредка звонила мать, доноров нормальных просто не осталось, да и кто бы их сюда привёз и увёз? Денег на плазму у Вити тоже не было. И помочь ему было некому, он жил со старенькой матерью один, жену же у него отбил и увёз несколько лет назад в неизвестном направлении его же лучший друг, о чём Витя как-то поведал нам в порыве откровенности.

Мы бы с Иванычем с радостью отдали ему свою кровь, но у нас её не брали. Денег и у нас тоже не было – тогда, если помните, везде было плохо с наличкой, зарплаты вырывались с боем. Вите оставалось лишь уповать на чудо. До операции оставалось два дня, а у него ни крови, ни плазмы. Операцию же откладывать было крайне нежелательно – могла начаться гангрена...

И на завтра свершилось чудо. Пришёл заведующий отделением и сказал, что Витю будут готовить к операции.

– Дак, а кровь-то?.. – испуганно спросил Витя. Оказалось, кто-то сдал для Вити свою кровь.

– Но кто... – растерянно сказал Витя. Однако заведующим уже ушёл.

Витю на операцию забрали следующим утром. Его не было двое суток. Прикатили Витю в палату из реанимации бледного, с сизыми небритыми щеками, но уже с живым огоньком в глазах.

Перебинтованный с бедёр и почти по грудь, он слабым, но счастливым голосом рассказывал, как его усыпляли перед операцией, а он никак не мог заснуть, как тоскливо и больно ему потом было в реанимации.

– К вам посетитель!

В дверях палаты улыбалась медсестра Танечка. Мы обернулись все трое: к кому? Оказалось, Танечка улыбается Вите! Она впустила в палату мужчину примерно наших лет, с накинутым на плечи белым халатом.

– Серёга!?! – изумлённо спросил Витя и даже попытался приподняться с постели, но сморщился от боли и снова упал на подушку. – Откуда? Как ты меня нашёл?

– Да уж нашёл, – сказал посетитель, усаживаясь на стул рядом с кроватью Вити. – Живу я в Красноярске. А в деревню звоню иногда, вот и узнал. Ну, как ты?

– Да нормально, – почему-то помрачнев, сказал Витя. – Операцию вот сделали, ногу мне спасли...

– Знаю, – проявил свою осведомлённость гость и улыбнулся.

Витя взгляделся в эту улыбку, и на лице его вдруг проявилось явное замешательство.

– погоди, – хрипло сказал он. – А это... Кровь-то не ты ли для меня сдавал, а?

Теперь пришла очередь замолчать Сергею. Наконец, он с неохотой сказал:

– Ну, я. Мне за отделением всё рассказал, когда я узнавал насчёт тебя... Да это... ты не думай... Стал бы я тебе один целых два литра своей крови сдавать, как же! Я взял ещё мужичков из своей бригады.

– Значит, это ты... – продолжал упрямо твердить Витя. – Ну, спасибо, раз так. Только я тебя всё равно не прощу за Ольгу, понял? И этими своими... кровными узами... ты меня не свяжешь, понял?

Сергей неожиданно опять широко улыбнулся.

– Ну, раз сердисься, значит, будешь жить. А больше мне ничего не надо! Бывай, друг! И вы, мужики, бывайте!

И Сергей, пожав неподвижно лежавшую на груди Вити его руку, попятился к выходу.

Уже в дверях его нагнал негромкий Витин оклик:

– Слышь, Серёга! Ольге тоже от меня привет. Живите, хрен с вами!..

И по просветлевшему лицу Сергея стало понятно, что эти слова для него были лучшей благодарностью бывшего друга. А может, и не бывшего.

Он молча кивнул и вышел из палаты...

Червячок Петя

А недавно впервые внука своего на рыбалку вывез. Ну, приехали мы на озерко моё любимое. Я пока машину в тенёчек ставил, внучок тем временем на берегу играл, что-то там выкапывал, закапывал.

Ну, вот, все приготовления вроде закончил, удочки размотал, говорю внуку:

– Игорёша, неси-ка мне ту банку, с червячками которая.

– Шас, деда! – говорит. И бегом ко мне.

Я заглянул в банку – а там червей штук с пяток всего осталось.

– А где остальные? – спрашиваю.

– Ушли погулять, – отвечает.

Вот чертёнок! Это же он с наживкой моей игрался!

«Ай, ладно! – думаю. – Можно и на пяток червей неплохо поймать».

– Ну-ка, – говорю, – дай мне одного из них.

Игорёшка выудил из банки самого жирного червя.

– Вот, – говорит, – деда, познакомься, это Петя.

Я удочку уронил.
 – Какой ещё, – говорю, – Петя?
 – Да вот же, – суёт мне руку с извивающимся червяком внучек. – Скажи ему: здравствуй, Петя!
 – Здорово, Петя! – машинально поприветствовал я червяка.
 Взял его. И уже не знаю, что с ним делать. Был бы просто червяк – всё понятно. А тут – Петя...
 – И что ты с ним будешь делать? – спрашивает внучек.
 – Ну, на крючок его насажу, и в воду закину.
 – Петю? На крючок?! – вытаращил на меня глаза Игорёшка. – Но ему же больно будет.
 – Будет, – вынужден был я признаться. – Но немножко.
 И тут внучек выхватил у меня из руки червя.
 – Нет, деда! – сказал он очень решительно. – Не дам я тебе Петю колоть крючком.
 И неумело замахнувшись, кинул червяка Петю подальше в траву. Петя, не будь дураком, немедленно уполз.
 – Ну, дай же мне кого-нибудь другого, – взмолился я. – Того, с кем ещё не успел познакомиться.
 Но внучек уже вытряхивал из банки и оставшихся червяков.
 – Деда, – сказал он. – Я их тоже знаю. Их зовут Гриша, Коля, Паша и... И Маша.
 Так и пропала наша рыбалка. Но я почему-то не расстроился...

Надежда Николаевна Охрименко – член Союза писателей России и Союза журналистов России, член Международного Союза славянских журналистов, член Академии российской литературы. Окончила МВТУ им. Н.Э. Баумана и народный университет рабочих корреспондентов им. М.И. Ульяновой. Автор пяти поэтических сборников: «Парус сердца», «Радуга надежд», «Живая душа», «Синие сны», «Сполохи рассвета». Награждена диплом 1-ой степени и медалью «России верные сыны», памятным знаком «300 лет российской журналистике», памятными литературными медалями: «А.С. Грибоедов», «А.П. Чехов», «М.Ю. Лермонтов», орденом «В.В. Маяковский «Светить всегда» и др. общественными наградами. Шестикратный дипломант конкурса МПО «Галерея избранного стихотворения».

Живёт в Москве.

«Запоют, как и прежде, над Россией дрозды!»

Снег над Россией

Снег идёт над Россией.
 С нарастающей силой
 Заметает дороги
 и поля, и дома.
 Он идёт днём и ночью,
 и не белый, а – синий,
 И от этого снега –
 не сойти бы с ума...
 Русь святая застыла,
 уповая на Бога,
 Только слышен в ненастье
 звон печальный церквей,
 Да у каждого дома
 вырастают сугробы,
 Где нечистая сила
 ждёт добычи своей.
 И уходят в молчанье,
 в неподвластном бессилье
 В этот снег сатанинский
 люди светлой мечты.
 И растут по бескрайней
 занесённой России,
 Как укор материнский,
 на погостах кресты...

Вдруг, как быть или небыль,
 вижу, конница мчится.
 Лихо конница мчится
 по просторам полей,
 И взлетают из снега
 безобразные птицы,
 сатанинские птицы –
 под копыта коней.

Холодны и суровы
 этих всадников лица.
 Слышу клич командира:
 – Шашки все наголо!
 И я вижу, как гибнут
 сатанинские птицы,
 Как последней, огромной, –
 отрубили крыло.

Тишина наступила.
 Это быть или небыль:
 Там, где были сугробы,
 вырастают цветы,
 И берёзы России
 вновь потянутся к небу,
 Запоют, как и прежде,
 над Россией дрозды!

Две рябинки

Две рябинки у крыльца –
 краснощёкие девицы –
 Мне толкуют без конца,
 что беда пришла в станицу:

Не выходит дед Иван
 на завалинку погреться,
 И растёт кругом бурьян –
 ни уму трава, ни сердцу.

– Да и крыша, погляди,
 уж давным-давно прогнила,
 И стучат по ней дожди,
 словно вражеская сила.

Говорят рябинки мне,
 что в станице стало скучно,
 Все живут, как в страшном сне,
 не поётся благозвучно.

Уж давно не сеют рожь,
 не растёт в полях пшеница,
 Жизнь у всех, как серый дождь,
 от которого не скрыться.

Две рябинки под окном
 долго плакали о бедах.
 ...Я со скудным узелком
 увезла в столицу деда.

На бульваре

Туманно утро.
 Новый день
 Быть обещает тёплым, светлым.

Повсюду находить не лень
 Прогноза доброго приметы.
 Ни облачка на небе нет,
 И ветерок не дует вовсе,
 А с неба льётся тёплый свет, –
 Как будто лето, а не осень.

Студенты шумною гурьбой
 Пройдут, не замечая старших.
 Толкнёт меня один такой –

Незряче будущее наше.
 А старички придут сюда
 Погрязнуть вновь в воспоминаньях.
 Их память занесёт туда,
 Где были годы созиданья.
 Где были: равенство и труд,
 Страна кипела в бурных стройках...

И нищие сюда придут,
 Чтоб отыскать еду в помойках.
 ...Бомж с худосочною сумой
 И спутница с подбитым глазом
 Пройдут, оставив за собой,
 Для нас – незримую заразу.
 Хозяин западного пса
 С сигарой встанет величаво,
 И с горькой грустью небеса
 Посмотрят на мою державу.

Отражение

Маргарита ненавидела своё отражение в зеркале: весь лоб испещрён глубокими мимическими морщинами, вокруг глаз словно паучок сплёл паутину, и черепашня шея. Несмотря на довольно-таки стройную для её лет фигуру, именно шея выдавала возраст женщины, хотя и пользовалась Марго очень качественными антивозрастными кремами.

И всё бы ничего, если бы не профессия.

Представительницы таких профессий, как врачи и учителя, инженеры и бухгалтеры спокойно воспринимают период увядания красоты. Но только не актрисы. Особенно те, которые всю жизнь играли яркие роли. Появление морщин или обвисание кожи воспринимается ими как трагедия, ведь с ранней молодости они привыкли вызывать восхищение поклонников и на сцене, и в жизни. Ни для кого не секрет, что многие актрисы жертвуют семейной жизнью, ибо рождение ребёнка может сказаться на фигуре, и тогда – прощайте, главные роли!

Маргарите было тридцать восемь, когда она узнала, что беременна. Аборт сделать духа не хватило. На её счастье, о беременности никто не догадался. Когда она была уже на седьмом месяце, часть их театра уехала из Москвы на гастроли, а остальных отпустили на каникулы. Не будучи задействованной в гастрольных спектаклях, Марго отправилась в город детства, где в местной больнице благополучно разрешилась от бремени. Она знала, что её родители, воспитанные в старых традициях, внебрачного ребёнка не примут, потому новорожденная стала отказником. В сентябре начался новый театральный сезон, и Марго, как и прежде, блистала на сцене, репетируя новые роли.

Шли годы. Каждый сезон в театр приходили молодые и талантливые выпускницы театральных училищ, и Марго всё тяжелее было удерживать корону примы. Сменился и режиссёр. Спектакли, в которых она была занята в главных ролях, шли всё реже и реже, а некоторые и вовсе

Юлия Геннадиевна Александрова – родилась в 1965 г. в Москве в семье служащих. В 1987 г. окончила МГПИ им. В.И. Ленина по специальности «учитель английского и немецкого языков». В 2000 г. ей было присвоено звание учителя высшей категории. С 2001 г. Юлия Александрова работает старшим преподавателем кафедры английского языка на факультете экономистов-международников Всероссийской академии внешней торговли. С 2011 г. имеет звание доцента. Автор пяти сборников лирических стихотворений – «Имя моё ...» (2006), «Сретенье» (2007), «Воздушный шар» (2009), «Жизньрека» (2010) и «Крылатая мечта» (2012), а также двух сборников прозы – «Букет ландышей» (2009) и «Окно в сад» (2011). Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Юлия Александрова. Март. Московский бульвар

убрали из репертуара. К счастью, в училище при театре появилась вакансия, и ей предложили вести курс актёрского мастерства. Сначала Марго восприняла это, как оскорбление: ей учить каких-то студентов?! А потом поняла, что это спасение.

Первокурсники оказались дружными и восприимчивыми к новым знаниям. Среди способных студенток Марго сразу выделила Катю, девочку с огромными зелёными глазами и красиво уложенной на голове косой. Маргариту как будто током ударило – так она была похожа на её мать в юности. Захотелось поближе познакомиться.

Узнав, что девушка живёт в общежитии, Марго предложила переехать к ней. У неё была роскошная трёхкомнатная квартира на Юго-Западе, в которой она пролила немало слёз о своей загубленной жизни. Катя согласилась, не раздумывая, ведь она многому могла научиться у великой Марго, и в тот же вечер перебралась к своему кумиру со всеми своими пожитками, уместившись в маленький чемодан.

Работа над ролями, чаепития и разговоры по душам сблизили женщин. Катя рассказала, что родная мать отказалась от неё, и поэтому всё детство провела она сначала в доме малютки, а потом в детдоме. Жилплощадь, полученная от государства, оказалась неудобной для жилья, и поступление в театральное училище с общежитием показалось ей сказочной удачей.

Она призналась Марго, что готова пожертвовать всем ради театра. Какими знакомыми показались Маргарите эти мысли! Как эта девушка напомнила ей себя в юном возрасте... А когда Марго узнала дату и место рождения Кати, то сомнений не осталось – перед ней сидела её дочь – тот младенец, от

которого она отказалась шестнадцать лет назад, тем самым лишив себя счастья материнства ради театральной карьеры.

Однако гены – вещь упрямая. Хотя Марго и не участвовала в воспитании дочери, в формировании её вкусов, из всех занятий Катя выбрала его величество Театр и захотела стать лучшей. Да, да, именно лучшей, а не среднестатистической актриской. Она жадно впитывала всё то, чему её учила Марго. Казалось, знания, полученные в театральном училище, становились выпуклыми, обретали форму, звук, цвет и даже запах. Марго оказалась блестящим педагогом, хотя никогда не помышляла о педагогической деятельности. Теперь они обе ждали понедельника, ведь в понедельник начиналась новая учебная неделя, которая дарилась радость: одной – от преподавания, другой – от учёбы.

Наступил последний понедельник марта. Обе женщины безнадежно проспали, засидевшись накануне допоздна за разговором. На скорую руку выпив кофе, они выскочили из дома. Утро было мрачным, облака заволокли всё небо и не пускали солнечные лучи на землю. Людской поток в сторону автобусной остановки напоминал волны на море. Когда подъезжал автобус, волна нарастала. А через несколько остановок эта же волна из различных шапочек, платков и беретов выливалась из автобуса и вливалась в метро. Вот таким потоком Марго и Катю внесло в один вагон, но к разным дверям.

Поезд подъехал к станции Парк Культуры. Когда открылись двери, Марго машинально посмотрела на часы. Те показывали 8:44. Боясь опоздать, она запаниковала: «Боже мой, занятия начинаются в 9.00, а они ещё на Парке». Через минуту Марго почувствовала сильный толчок и потеряла сознание.

Очнувшись она в незнакомом помещении с белыми стенами. В голове стоял гул. Марго пошевелила руками, ногами. Вроде всё цело. Но лицо было чем-то стянуто. Марго осторожно дотронулась до лица. Бинты. Она поняла, что в больнице. Память начала медленно возвращаться: «Утро. Дорога на работу. Метро. Катя. Где Катя? Что с ней?»

Накинув больничный халат, висевший на спинке стула, и надев какие-то тапки, стоявшие у кровати, она медленно, держась за стенки, выползла в коридор. На медицинском посту горел свет. В общем холле тихо работал телевизор. Передавали новости. Диктор с экрана рассказывала подробности о страшных терактах в Московской подземке на станциях Парк Культуры и Лубянка 29 марта. Затем показали списки и фото погибших. Среди них была Катя. Ноги у Марго подкосились, и женщина сползла вниз, где её обнаружила вернувшаяся на пост медсестра. Она помогла Марго добраться до палаты и лечь.

Марго лежала и молча смотрела в потолок. Её душили слёзы: какая несправедливость! Обрести дочь и потерять её. Теперь уже навсегда. Вся в слезах, она уснула.

Каждый следующий день в больнице был похож на предыдущий: перевязки, капельницы, уколы. Через несколько дней швы сняли, и Марго в первый раз увидела себя в зеркале без бинтов. На неё смотрело изуродованное осколками лицо: воспалённые шрамы, словно барханы, тянулись по гладким щекам бывшей примы. Будучи человеком здравомыслящим, Маргарита поняла, что впереди её ждали годы забвения. Она больше никогда не выйдет на сцену. В голове мелькнула страшная мысль: «Лучше бы в том поезде метро вместо Кати погибла я...»

ПОЭЗИЯ

Татьяна ЛЕТНЕВА

Татьяна Александровна Летнева – поэт, член Московской городской организации Союза писателей России, Московского Литературного Фонда, член Клуба писателей ЦДЛ, постоянный автор сетевой литературы, участник литобъединений и проектов, литературных студий. Автор множества публикаций в российских и зарубежных литературных изданиях. Лауреат литературных конкурсов. Произведения были отмечены дипломами О. Мандельштама, М. Цветаевой, Ф. Тютчева, памятной медалью «А.С. Грибоедова 1795-1829». Автор книг «Прикосновение к сказке», «Такое трудное понятие Любовь...», «Я птица, песня, звезда и вечность...», «Куликовы были», «Многоточием любви...», «Метаморфозы нежности», «Перекресток тел и души». Работает в жанре переплетений рифмованной и нерифмованной поэзии, стихотворений в прозе.

Живёт в Москве.

«Поэт строкой не забыт...»

(Из цикла «Признание без капли лжи...
Поэт – поэту»)

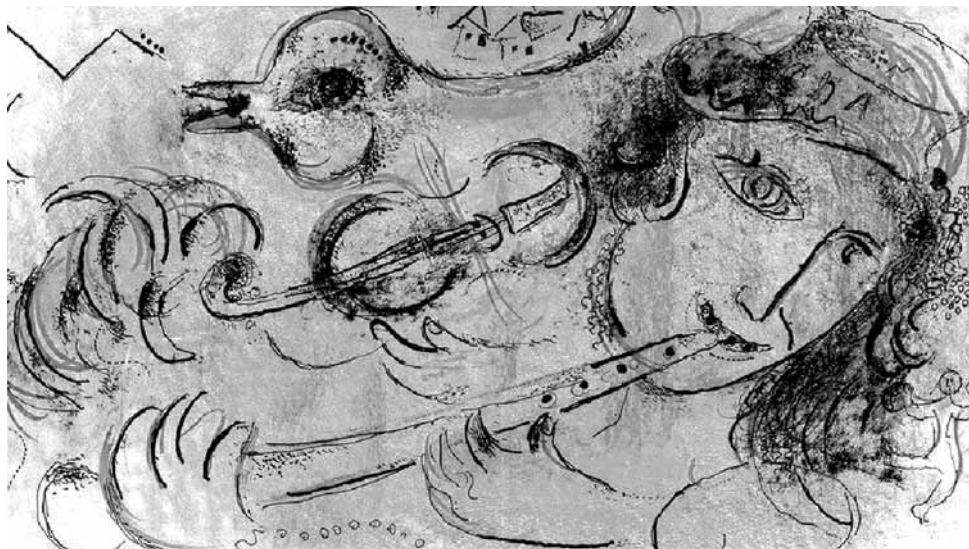
Летал над Витебском Шагал

Летал над Витебском Шагал,
Влюблённых души собирал,
Переносил затем на полотно,
Кого коснулось Ангела крыло.

Крыло любви, полётности крыло,
Где Синий Ангел сыпал серебро,
А синим воздухом – тепло,
Чтоб различать добро и зло.

И краски собирал Вселенной,
И отражал, что истинно, что тленно,
Мир украшал душой ребёнка,
И танцевал палитрой звонкой.

Мечта, как многослойности пирог.
Страстью – исток, порог, урок и срок.
И ожерелье серебристых строк,
И Вечной скрипки плачущий смычок.

Летать над повседневностью вдвоём
С душой Шагала – вот подъём,
Наивностью и нежностью, огнём.
Цветами бытия. Текучий водоём.

Как различить, где жизнь, где сон?
Ведь Дух Любви так невесом.
И прячется гармонии закон,
Фантазией, сливаясь в унисон.

В январе северянится напропалую...

*Посвящается «Королю поэзии» –
Игорю Северянину*

В январе северянится напропалую...
Зазимневился за ночь и город, и лес.
Заснегопадил метелью, грустью, тоскою,
Жаждет сердце зимних, новогодних чудес.

Заодеялились улицы, крыши и небо...
Кто в России с Северяниным не был?
Вьюжит, метелит январская стужа,
Сердца жар в зимний холод так нужен.

Края крыш указками сосуллек прозрачат,
Хороводит пурга, ветрами судачит.
Стучится льдинками, обтекая углы, в дома.
Руками – снегами одевает Зима.

В январе северянится напропалую...
Рифмами зимними всласть зацелую...
Утопаю в искристых сугробах, не скрою,
Спешу в Зиму обнажённой душою.

«Адриатически» горячит Северянин,
Залетает в сердце жаростихами,
«Гармонией контрастов» согревает в ночи:
«Северянь серебром, северянь... не молчи...»

В январе северянится напропалую...
Рифмами зимними всласть зацелую...

Елабуга

Памяти Марины Цветаевой...

Всего лишь десять дней...
В веках – петля – Елабуга.
Земля рыдает перед ней,
А в Небе Ангел – радуга.

На кухне дремлет рыжий кот
И запах рыбы жареной.
Скорее к двери – Мур идёт!
Окно открыто... Каина.

И пепел крепких сигарет,
В горшке цветков гераневый,
Дрожь занавески колыхнёт
Последний вдох отчаянный.

Всего лишь десять дней...
В веках – петля – Елабуга.
И за спиной рекой беда
Стихами и бумагами.

Прохожий, опусти глаза,
Всё тлен и бессердечие.
Поэта гений чередой,
Трагедией помечены.

Вошёл запутанный клубок
Террором и секретами,
Но дата жизни, смерти – срок
Внесла печать запретами.

Вберёт Земля слух ветра вмиг,
Закона и бесправия.
Молитвой и мольбой казнит,
Началом и концом заглавия.

Всего лишь десять дней...
В веках – петля – Елабуга.
Доносит истину сильней,
Где боль – тоска припрятана.

Искрится вечно серебро,
Но стынет Век Серебряный...
Кто скажет, было ли давно?
Вчера, сегодня? Преданы...

Кустом рябины на ветру,
Жаром костров цветаевских,
Горит бессмертие вокруг
И в голосе читающих.

Марина здесь. Её душа.
«Рокочет» стих «крылатый»...
Строк памятью Любовь жива.
Ответом необъятным.

У счастья подписи нет...

Памяти Риммы Казаковой

*«Дрожит от дыханья листок,
Бессмертной души волосок!»*

В стране, где всё наизнанку,
Я чувствую себя чужестранкой.
Улыбки полёт ни при чём,
Когда за плечами разлом,
Событий бездушных объём,
Болотный итог – водоём.

У счастья подписи нет,
Оно мгновенья сюжет.
Спросить ли время? когда?
Чья радость случится, беда?
В чьи судьбы Небесный исток
Вольёт восторженный ток?

За миг вершины в любви
Всею жизнью надежду твори!
Автограф? Его не найдёшь...
Тоской ожидание крадёшь,
Когда испиты сполна
Душевных исканий года.

У счастья подписи нет,
Его обретение – ответ...
Рулетки, Всевышнего знак,
Секрета ли дар? иль пятак?
Обрёл – поиграл в чудеса,
Поверил, взлетел в Небеса...

Как неустойчив тот свет,
С Небес принимая привет,
И слух, и слова – ерунда,
Лететь за пределы листа...
Кто предсказал этот факт?
Чернилами, судьбы крутя.

У счастья подписи нет,
Оно надежды секрет,
И если руки вразлёт,
Душа соблазн не берёт.
И неужели искренность – враг?
И марш – неисчерпанный такт?

У счастья подписи нет...
Но понимаешь, спустя,
В себе от себя, колеся,
Что счастья желать –
Закрытости шаг,
Бесценной удачи зигзаг.

Поэт строкой не забыт.
И личный почерк открыт,
В нём дух Любви не убит.
Срок инока, к счастью, истёк.
Дрожит от дыханья листок,
Бессмертной души волосок!

Оберег

1.

Он бежал. Бежал, задыхаясь и обливаясь потом. Жар, даже не жар, а огненно-жгучая волна сжигала кожу и сбивала дыхание! Мозг отказывался анализировать и просчитывать происходящее. Господи! – воздуха бы, воздуха свежего, ледяного, хоть глоточек! Что же это?! А?! Что же это?!

Корзину с грибами он давно бросил. Ещё у болота, в первые же секунды, когда всё это началось. Пока бежал, скинул с себя и куртку, затем рубашку, а майку – майку просто клочьями сорвал с тела. Но жар не отступал. На бегу сбросил сапоги, затем, путаясь в гачах и спотыкаясь, любимые свои энцефалитные штаны. А потом сил не осталось. Он рухнул на колени, на четвереньках дополз, доковылял до комля огромной ели, прижался к нему и обернулся. Вздохнул, словно всхлипнул, откинулся спиной на ствол и... умер...

Так его через несколько дней и нашли. Голого. Притулившегося спиной к могучей ели, с гримасой ужаса на лице. И что удивительно, совершенно не тронутого зверьми...

Вещи его вдоль болота собирали долго. От брошенной корзины с грибами до тела было более трёх километров.

Смерть всегда страшна. А непонятная смерть страшна вдвойне, втройне. Но здесь для местных страшно было и другое – такая смерть здесь была уже не первой. Знать сызнова богомерзкая тварь объявилась...

2.

Поплавок, до этого стоящий неподвижным столбиком, слегка притопился, затем высоко поднялся вверх и лёг набок. Резким коротким движением руки Лёха сделал подсечку. Лёгкое стекловолоконное удилице выгнулось дугой. Зазвенела, запела леска. Есть! Лёха попытался работать

Андрей Васильевич Растворцев – родился в 1958 г. в Амурской области, учился в Ленинграде. Работает начальником топографо-геодезической партии Средневожского аэрогеодезического предприятия. Автор ряда поэтических сборников и книг для детей. Часто печатается в общероссийской литературной периодике.

Живёт в Чебоксарах.

катушкой, но рыба упёрлась и упорно не желала подниматься со дна. На какое-то мгновение показалось, что не сможет он стронуть рыбу с места. Или не выдержит леска. Хотя и новая, германская. Но тут же почувствовал, что сопротивление рыбы слегка ослабло. Не давая слабину леске, Лёха стал катушкой выбирать её. Рыба, сделав ещё несколько резких, из стороны в сторону, движений, взрезала верхним плавником гладь воды. Лещ.

Лёха ещё быстрее заработал катушкой, выводя леща на поверхность. Пусть хватанёт воздуха, тогда успокоится. И, правда, вынырнув раз-другой из воды, лещ, наглотавшись воздуха, успокоился. Лёг набок, и уже без всякого сопротивления позволил довести себя до берега. А там уж Лёха ловко подвёл под него подсачик и поднял леща над водой.

Лещ был хорош. Желтовато-золотистого цвета. С чёрной спиной. Килограмма на два. Ух-х, красавец! Лёха подплясывал от радости. И всё оглядывался – кому бы хвастануть?

Радость она хороша, когда ею делишься. Но берег был пуст.

Солнце постепенно прогревало утреннюю свежесть. Лес за рекой наполнился гомоном и пересвистом птиц. Проснулся лёгкий ветерок, обозначая себя тонкой рябью над зеркальной гладью реки. Господи! Хорошо-то как!

Налюбовавшись вдоволь первым трофеем, Лёха сделал новый заброс. Клюнуло почти сразу. Некрупная густёра. С её вываживанием проблем не было. Затем, подряд, попались ещё пяток таких же. И всё. Клёв, как обрезало. Поплавок уныло покачивался на лёгкой волне без всяких подёргиваний. Потом его облюбовали для отдыха две стрекозы. Посидев на нём, одна уступала место другой. Поплавок под их небольшим весом качался, но тонуть и не собирался. Лёха сначала на поплавок смотрел неотрывно, потом стал перекуривать, а дальше и вовсе задремал...

– Не клюёт?

Лёха встрепенулся. Чуть выше его, запуская в небо белые колечки сигаретного дыма, сидел мужик. В камуфляжной куртке, в болотных сапогах. Рядом лежали рыболовные снасти. Рыбак.

– Не клюёт, – Лёха не расположен был разговаривать.

– И у меня не клюёт, – мужик вздохнул: – День-то, какой! А рыба словно вымерла. За всё утро четыре мелких густёрочки.

– Может, вечером пойдёт... – Лёха достал из кармана пачку сигарет. Долго стучал ею по колену, пытаясь выбить, чтобы не касаться фильтра грязными пальцами, сигарету. Наконец получилось. Перехватил за фильтр сигарету губами – прикурил. Хорошо. Солнце уже распалось всюю. Не тень бы от раскидистой ветлы – поджарился.

В садке ворохнулся лещ.

– Ничего себе! Кого ж это ты зацепил? – мужик удивлённо смотрел на расходящиеся по воде круги.

– Леща. Кило на два потянет, – Лёха не утерпел, похвастался.

– Да ну?! На что?

– На червя.

– Круто. Утром?

– Да. По свежаку. А потом так, пять-шесть густёрок, как у тебя. И тишина.

– Повезло, – мужик пригасил о корягу сигарету. – Закину?

– Закидывай. Всё одно не клюёт.

Мужик расположился метрах в трёх от Лёхи. Основательно расположился. Накидал-настрелял прикормки из большой рогатки. Снайпер, ити его

в коромысло. Вот ведь принесла нелёгкая. Обустроил под обрывом большой многозвеньевой садок. Собрал подсачик. Закинул две удочки, укрепив их на металлических рогульках. И уселся на брезентовый стульчик.

Лёха смотрел на всё это с лёгким сарказмом. Богатый, видно, Буратино. Ишь, как у него всё – по науке. Не чета нам, Ивашкам сермяжным. Ну-ну, поглядим, чего этот Буратино выловит...

Поплавок Лёхиной удочки резко и полностью ушёл под воду. Натянулась леска, дёрнув удилице. Тонкий конец удилица коснулся воды, толстый подпрыгнул вверх. Лёха от неожиданности только в последний момент успел перехватить удилице рукой. Да так и застыл в полусогнутом состоянии. Ни катушкой, ни руками он не мог подтянуть леску. Что-то под водой держало её намертво. Леска звенела и гудела и тянула Лёху за собою в воду. Лёха отпустил тормоз катушки. Леска, свистя, понеслась под воду.

Со своего брезентового стульчика за Лёхиными страданиями, оторопело, округлившимися глазами глядел богатый Буратино.

Дзынь! Леска лопнула, как гнилая нитка. Только небольшой кусок её болтался на конце удилица.

– Ничего себе! Что это было?

– А я знаю?! – у Лёхи тряслись руки: – Полжизни здесь рыбащу, но такого...

У дальнего берега раздался звонкий шлепок, и пошли большие круги по воде. Потом что-то тёмное взметнулось у камышей и ещё раз ударило по воде.

– Сом. Его шуточка. Ишь, психует. Хвостом бьёт. Вот гад, чуть заикой не сделал. Какого чёрта ему мой червяк понадобился, жрать больше нечего? Такие снасти оборвал!

– И что, много здесь сомов?

– Я что – считал их?!

– Извини. Не подумавши. Ловят их тут?

– Ловят. Только не я. Снасти другие нужны. И лучше с лодки. На квок. Да и не любитель я сомятины. Жирная.

Лёху трясло. Жалко было и снасти. И упущенную рыбу. И вообще, чего этот Буратино припёрся сюда?! Много здесь сомов, не много? Какая разница! Вон нашёлся один придурочный и нервы, и снасти в клочья порвал!

Лёха был расстроен. Сильно расстроен. А? Какой день! И такой облом! У-у-у, сомяра!

Отпускало потихоньку. Нервно покуривая, Лёха приходил в себя. Чего случилось-то? Классный день. Леща какого выволок. Мелочи на жарёху. Сом на руке почувствовал. Впечатлений полон короб – чего психовать-то? Да и мужик тут ни при чём. Даже лучше, что свидетель. А так будешь рассказывать – и не поверят. Треплом назовут. А здесь – свидетель есть. Сослаться можно. Как его, мужика-то, зовут-то?

– Слышь, сосед, познакомимся, может? Меня Лёхой зовут. Можно Леонидом. Нет, так Леонидом Петровичем. Или по фамилии – Сарнов. По-всякому можно.

– Валерий. Можно Валера. На рыбалке-охоте без отчества как-то проще.

– Ну, проще, так проще. С города?

– С него.

– Просто порыбалить, или на лето к кому?

– И порыбалить, и на лето. В Селеванкино, у Фадеича живу. Уж второй год приезжаю.

– У Фадеича? Мартынова? Интересно получается. Фадеич ведь дядька мой троюродный. Видимся часто. А про приезжих ни слова, ни полслова. Интересно. Вот конспиратор старый!

– Я уж у него вторую неделю. Да и здесь, на рыбалке не первый раз.

Помолчали. Пели птицы. Где-то рядом гудел шмель да трещали кузнечики. Поплавки стояли не шелохнувшись.

– Да-а, Лёнь, не клюёт. Ты – как?

– Что – как?

– Да есть у меня маленько с собой. Ты как, Лёха, не против?

– Я-то? Да я после этого сома – сколько угодно не против. Хоть маленько, хоть не маленько.

Валерий сноровисто распотрошил свой рюкзак. Там к «маленьку» всё нашлось. И лучок, и колбаска, и хлебушек с сыром. Да и «маленько» оказалось пузатой поллитровочкой с какими-то ярлыками и наклейками.

– Богато живёшь, Валера.

– Да уж, не бедствуем. Ну, давай, за знакомство.

После второй Лёху отпустило. Жизнь снова наполнилась яркими красками. И Лёха уже со смехом показывал, какие глаза были у Валерия, когда Лёха с сомом в перетяг игрался.

3.

– **В**ремя ныне поганое. Люди по кругу всё более неадекватные – сами не живут, но объясняют, как нужно жить. С утра до ночи талдычат дуракам нам, что жили мы не так, любили – не тех, не за того кого нужно воевали и страну не ту построили. А все вокруг дружно прозревают и кивают в лад объясняльщикам – правильно, правильно, так нам и надо, уродам... Только я вот староват для прозрения, катаракта у меня. Да и мазохизмом не любитель я заниматься, с детства не обучен, без таланта я к этому делу. Вот и обходят меня все господа-товарищи из органов переписи истории стороной, видать чуют, суки, по морде моего лица, что есть у меня в запасе аргумент не перебиваемый – кулак мой пудовый. Не зря я всю жизнь в кузне отработал...

Фадеич, Николай Фадеевич Мартынов, дядька Лёхин, разливая гостям уху по тарелкам, выказывал своё недовольство последними новостями, коих наслушался за день из телевизора:

– Жизнь по частям не отвечивают. Дают один раз и цельным куском. А тут уж, какой кому достанется – кому большой и наваристый, а кому маленький и тухлый. К бабке не ходи – этим переписчикам тухлый кусок достался. Как и полагается всякому шакалу. Ещё пророк Мухаммед говорил: «Каждый предатель мечен. И по этой метке он будет узан в Судный день». Так вот, на этих открывателях наших глаз уже и отметин ставить некуда. Проклято их племя.

Валерий при упоминании Мухаммеда удивлённо перебил Фадеича:

– Николай Фадеич, вы что же, правоверный мусульманин?!

Мартынов поперхнулся:

– С какого такого ляду? Христианин я. Нашей православной веры. Крещён ещё во младенчестве. И веры своей не менял и менять не собираюсь. А если ты про слова пророка, так умные слова не только христиане говорят. И иных вер люди не глупые. Мудрость, она от веры не зависит. Так я думаю... Ну, вы это, слушать-то меня слушайте, а про уху не забывайте. Давайте, чего

самогон-то в рюмках киснет. С хорошей рыбалкой вас, мужики, а тебя Лёха и со свиданьцем, значит.

Уху Фадеич сварганил богатую. Юшка плавилась желтоватым жирком, выбранная из неё рыба лежала на отдельной глубокой тарелке и, остывая, дымила. Запах по избе плыл умопомрачительный. Приняв, мужики усиленно заработали ложками.

А после третьей рюмки, да второй добавки Фадеич душой подобрел, помягчал – о превратностях любви заговорил:

– Часто слышать можно, что от людей в разговоре, что в книгах-газетах, да что говорить – песни об этом поют! – мол, у лебедей всё как у людей – и пару они создают раз и на всю жизнь, и верные они в любви до смерти самой. Не могу сказать, что не верю, только вот смущает, что всё как у людей. А ведь у людей, как только не бывает: и раздоры, и разводы, и измены, и многожёнство, да чего только нет...

Ну да Бог с ними, с людьми-то, о лебедях хочу рассказать. Сочинять не буду, потому как случаю этому сам свидетель.

Пару-тройку лет назад под самые майские праздники я с двумя друзьями на рыбалку наладился. К островам. Место там, у островов, рыбное, давно нами прикормленное. Приехали, снасти снарядили – пошло дело. Рыба брала и на червя, и на чёрный хлеб, но особенно хорошо на разваренную перловку. Если червя объедала и на крючок не садилась, то на перловку пустых забросов не было – садилась намертво, часто и на оба крючка сразу.

Солнце вошло в полную силу, стало припекать. Вот в это-то время стали за дальними островами звуки странные раздаваться – словно кто бельё мокрое встряхивал: «Вух-х-х, вух-х-х, вух-х-х...». Звуки необычные, откуда они и кто их издаёт – непонятно. А всё, что непонятно – страх вызывает, ну, может оно, и не страх, но настороженность точно.

Разрешилось всё в одно мгновение: из-за самой кромки дальних островов вылетели белые лебеди – трое. Летели низко, над самой водой. Это их сильные крылья с таким странным звуком на взмахе вспарывали воздух: «Вух-х-х, вух-х-х, вух-х-х...».

Когда этих птиц видишь в кино или в зоопарке – это одно, в природе – другое. Неимоверная красота и сила, и в то же время какая-то чистота и беззащитность. Первый лебедь что-то прокричал, и все трое, как по команде опустились на воду, долго тормозя выставленными вперёд лапами. Собрались они в кучку и стали извивать свои длинные шеи, и ими словно обнимать друг друга, при этом переговариваясь клёкотом.

Ни до, ни после я такой картины не видел, да и насколько я знаю, мои товарищи тоже. И тут в воздухе опять: «Вух-х-х, вух-х-х, вух-х-х». Четвёртый лебедь. Приводнился и поплыл к первым трём лебедям. И тут произошло совсем уж неожиданное – вся троица возмущённо заклекотала и, вытянув свои длинные шеи, стала отгонять четвёртого прочь. Он тоже клекотал, но его клёкот казался жалким лепетом, а троица всё наседала и наседала на него. Потом все трое разом отвернулись от него и, разбежавшись по воде, тяжело поднялись в воздух. Оставленный что-то кричал им вслед. Взлетел он только тогда, когда над ним пролетела, также шумно взрезая воздух, стая из полудесяти лебедей.

Клёв затих да, честно говоря, после всего увиденного, и рыбачить что-то расхотелось. Вышли мы с островка на коренной берег, соорудили костерок, закусь немудрёную, да под рюмочку-другую по-мужицки и рассудили – видать

бросила любимая лебеда да к другому и ушла. У того, другого, гарем получается – а как по-иному скажешь? Вот профура! Точно – как у людей всё. И измены, и многожёнство...

Конечно, может, и не так у них там всё было, но чую, верно мы рассудили...

Валерий, задумчиво крутя меж пальцев пустую пузатую рюмку, вроде как сам для себя сказал:

– Грустная история. Как всегда, счастья на всех не хватило...

– Счастье – вещь редкая, как цветок сирени о пяти лепестках. Только не всем попадает такой цветок в руки, хотя всяк счастья хочет.

Во дворе залаяла собака, скрипнула калитка. Кто-то нетерпеливо постучал в оконное стекло.

Фадеич подошёл к окну и толкнул створку. В оконном проёме показалось взволнованное потное лицо соседки Зинаиды Кобылкиной.

– Ты, чего, Зин такая заполошенная? Гнались, что ль, за тобой? И чего под окном? – заходи в избу-то.

– Здоров, Николай. Там, это, Мишку Соловьёва нашли!

– И чего? Он что, терялся где?

– Ты, Фадеич, что – на Луне живёшь? Мишку-то, почитай, четыре дня искали!

– Ну, и нашли, и что?

– Как что?! Так мёртвый он!

– Мишка-а?!

– Ну!

– Так, а чего с ним случилось-то? Ты б Зинаида зашла, да по-людски всё и обсказала. Я ить и в правду – ни сном, ни духом о Мишке-то. Гости у меня. Лёха племян в кои веки заглянул, да постоялец с городу. Заходи, заходи в избу-то, здесь всё и обскажешь.

– Да я тебе и отсель обскажу – за болотом Мишку нашли. Голого. К дереву притулился, так и сидит. А одёжка по всему лесу раскидана.

– Голого, говоришь? Опять значит, тварь объявилась?!

– Вот! И я об том же! Опять всё лето взаперти сидеть! Да за что ж нам проклятье-то такое?! – Зинаида зашмыгала носом и выгнала слезу на щёку.

– Так, а чего он за болотом-то делал?

– Так грибы ж пошли, вот он за ними и подался, да и покос посмотреть хотел.

– Вот и посмотрел.

– Так чего делать-то, Фадеич?!

– Чего, чего – не знаешь что ль чего? – петуха покупай! Вон, у Михеевых двое горластых. Чай, продадут по такому делу.

– Ой! – Зинаида взмахнула руками: – И вправду ведь! Эх, я курица безмозглая! Спасибо, Фадеич, надоумил. Ну, я побегла...

Фадеич притворил окно. Медленно и понуро-задумчиво вернулся к столу. С минуту посидел, не поднимая головы:

– Вот значит, и уха, вот такие значит, грибочки... Была уха, получились поминки... Ты это, Лёха, расплескай чего там есть, Мишку помянем. Хороший был мужик. Рукастый.

Не чокаясь выпили.

– Николай Фадеевич, – Валерку разбирало пьяное любопытство: – Что произошло-то? Кто помер-то? О какой твари речь?..

– Мишка Соловьёв помер. Тракторист наш. Да считай, не помер – убили Мишку. Мишка и работник – золотые руки, и рыбак, и грибник. А уж как на гармонии играл! Куда там Заволокиным! Ну, а кто? – змейка тут в наших краях водится. Мелкая, но пакостная. Прямо аспид. Ту змейку василиском кличут. Не часто встречается, а то б нам тут совсем житья не было. Яду в ней – страшное дело! – и дыхание огненное. Тем огнём любую живность убивает. Камни трескаются! Бывает, и люди от её жара пропадают. Откуда эта пакость берётся? Так известное дело – из яйца, снесённого петухом и жабой высиженным. Оттого у той змеи и гребень петушиный. По нему её и распознают. А сама она не крупная – в локоть будет. И не ползает она – прыгает. И летит, как белка-летяга. В лесу-то с ней сладу никакого, разве что только ласки боится – не берут эту зверушку яд василиска да жар его огненный. Ласке, что гадюка, что василиск – всё едино – вмиг им бошки откусывает. Ну, ещё крика петушиного василиск, как и всякая нечисть, боится. Так не станешь же петуха с собой по лесам да болотам таскать. Ещё примут за кого ни того, отмывайся потом. А вот во дворе у себя петух должен быть: случись близко тварь эта – петух поможет. Хотя кое-кто из наших, как тварь эта объявляется, таскает по лесу в рюкзаке с собой петуха. Тут уж не до смеху. Жить все хотят. Но в лесу против василиска зеркало с собой лучше иметь. Там, где слухи о василиске шелестят, лучшего оберега и нет. Василиск только от своего же взгляда и гибнет. Главное, успеть зеркало ему в харю сунуть. А, нет – считай – аминь...

4.

Всё проходит. Отголосила Соловьёвская родня, провожая Мишку в последний путь. Не найдя ни малейшего криминала в Мишкиной смерти, разъехались районные следаки. Отсудачили сплетнями да версиями произошедшего местные знатоки. Мелькнул, да и испарился приезжий сумасшедший уфолог. Деревня снова впала в летнюю дрему...

– Ты бы это, Валерий, в лес-то не ходил бы. Два дня уж осталось до отъезда – не бередил бы ты мою душу. Я ведь вроде как ответственный за тебя. Случись что – с меня и спрос. Да и не в спросе дело, сам себя ведь, ежели что, казнить буду – не уберёт, – Фадеич, обматывая синей изоляцией рассыпанную ручку корзины, вопрошающе заглядывал в глаза Валерки-отпускника. – Ну их, грибы эти – у себя там, за городом соберёшь. Наши-то в этом году никому и в рот не полезут.

– Николай Фадеевич, что вы так волнуетесь – сказки всё это про василиска, нет такой змеи на свете. Глупости это и предрассудки. Ведь чётко сказано в заключении о Мишкиной смерти – инфаркт. Как врач-то сказал – бывает что при приступе нечем людям дышать, задыхаются они, вот и срывают с себя одежду...

– Ага, до трусов...

– Ну, понятное дело, не до трусов, хотя ведь всякое может быть. Никого ж рядом не было.

– Во-о-от, и я говорю – всякое может быть. А раз может, побережись бы нужно. Зачем на рожон лезть? Ведь не первая смерть-то такая у нас. Не каждый год, но через год – то один, то другой в лесу пропадает. Находят потом голого. И у всех инфаркт. А люди до этого на сердце-то не жаловались. Значит кто-то их до него, до инфаркта-то довёл?! Вот тебе и сказки.

– Фадеич, да я так, по-над болотцем в осинничке пробежусь, только на жарёху грибов гляну. А то от рыбы у меня уже изжога.

– Ну, смотри, дело хозяйское. Я предупредил. Только вот оберег возьми на крайняк, мало ли...

Валерка засмеялся:

– Петуха!? Ты что, Фадеич?!

Мартынов покачал головой:

– Дурашлёп! Как есть – дурашлёп. Всё хи-хи да ха-ха. Что-то Мишка-то в гробу без усмешки лежал. Тоже ни во что не верил. Вот – отхохотался. Царствие ему небесное. Зачем петуха, хотя петух тоже не помешал бы – видел я зеркало у тебя, ну бреешься перед которым, маленькое такое – возьми, много места не займёт, а мне да и тебе всё спокойнее...

– Ну, если только для вашего спокойствия...

Он бежал.

Бежал, задыхаясь и обливаясь потом. Жар, даже не жар, а огненно-жгучая волна сжигала кожу и сбивала дыхание! Мозг отказывался анализировать и просчитывать происходящее. Господи! – воздуха бы, воздуха свежего, ледяного, хоть глоточек! Что же это?! А?! Что же это?! На бегу сбросил куртку, затем начал срывать с себя рубашку, но никак не получалось – что-то твёрдое цеплялось за майку, и не давало стянуть рубашку с руки! Твёрдое?! Что твёрдое? Что может быть с собой твёрдое?! Зеркало?! Зеркало, зеркало, зеркало – что-то связанное с зеркалом пыталось пробиться в его мозг! Что, что?! Что – зеркало?! А-а-а! Разбуженная память пробилась сквозь ужас происходящего! Зеркало!!! Он не вытащил, он вырвал это зеркало вместе с карманом рубашки, и на бегу резко обернувшись назад, стал, не видя куда, тыкать маленьким зеркалом:

– На, сука! На, на!!! Гляди!!! Гляди, тварь! Гляди, тва-а-а-рь!!!

Тонкий свист, переходящий в вой, оглушил! Ему показалось, не выдержали перепонки, и что-то жарко-влажное потекло из ушей. Кровь? Валеру качнуло. Но зеркало он из руки не выпустил. Пот заливал глаза, кто или что свистело, Валера не видел. Раздался приглушённый хлопок, яркая вспышка! И всё...

И всё. Вязкая глубокая тишина. Мёртвая тишина.

Валера медленно опустился на землю. Его трясло, его колотило. Жар уходил. Разгорячённое тело стало зябнуть...

Раскачиваясь из стороны в сторону, он кутался в ошметки рубашки и почти беззвучно и монотонно шептал:

– Сука, сука, сука...

В полутора метрах от Валериных ног, на краю тропинки валялась голова небольшой змеи с вытекшими глазами и с наростом, похожим на петушиный гребень...

За болотом в деревне голосил какой-то заполошный петух...

ПОЭЗИЯ

Тамара ПОТЁМКИНА

Тамара Викторовна Потёмкина – родилась в Иркутской области. Кандидат исторических наук, доцент, член Союза писателей России и Российского союза писателей. Публикуется в многочисленных сборниках, журналах, альманахах. Автор трёх сборников стихов: «Многоликость судьбы» (2006), «Многогранность любви» (2011), «Сезоны любви» (2014), совместно с композитором В. Аграновичем выпущен музыкально-поэтический альбом «На перекрёстке чувств» (2014). Финалист городских и национальных литературных конкурсов, победитель нескольких московских, а также международных конкурсов. В 2014 г. вошла в число финалистов международного конкурса «Наследие».

Живёт в Москве.

«И душа моя в восторге замерла...»

Мелодии Баха

(на концерте в соборе непорочного зачатия Девы Марии)

Играл вчера
для нас маэстро соло,
Звучал орган
пронзительно и страстно,
А всё, что там,
за стенами костёла,
Казалось
суею мне напрасной.

Нам подарила музыка
блаженство,
Душе и сердцу –
чудо утешенья,
И звуков тех волшебных
совершенство
Всем принесло
надежду на спасенье.

Музыка

(на концерте женского симфонического оркестра под управлением Ксении Жарко)

Растворяюсь в музыке: я – уже не я,
И взмывает чувствами ввысь душа моя.

Маленькою точкою вниз летит Земля.
Вечность миллиардами звёзд влечёт меня.

Дарит чудо-музыка звуков совершенство:
Нет ни бед, ни горестей – радость и блаженство,

А вокруг – туманные (плотные и реже)
Скручены спиралями души живших прежде...

Что-то задержалась я в неземном краю,
Друг спросил встревоженно: «Где была?» – «В раю!»

На концерте Junko Takeo Кото, Япония

Как мёдом наполняет соты
Пчела, живущая под солнцем,
Играет музыкант на Кото,
И слышим душу мы японца.

Тех звуков дивных сочетанье
То радость дарит, то тревожит,
И вдруг приходит пониманье,
Что все мы, в сущности, похожи.

На выставке Бориса Хромова

Я на выставку случайно забрела,
И душа моя в восторге замерла:
Праздник света – дерева и купола,
Я забыла про тревоги и дела.

Словно в жизнь счастливую вернулась
И душою к детству прикоснулась.
Там – свобода, чувство сладкое полёта,
И пускай щемит сердечко от чего-то.

Там мечты, удачи, радости со мной,
И мой папа там пока ещё – живой...
Ах, Борис, спасибо Вам большое!
Отогрелась я и сердцем, и душою!

Художник

*Екатерине Кудрявцевой
и Петру Григорьеву*

Мир замирает в предвкушении,
Когда берёт художник кисть
И, создавая настроение,
Кладёт мазки на чистый лист.

Он на холсте рождает чудо
Из цвета, линий, теней, форм.
Неважно, что в итоге будет:
Пейзаж, портрет иль натюрморт.

Важней, какие мысли, чувства
Нас ждут в картинной галерее,
Ведь цель великая искусства –
Мир сделать чище и добрее.

ПРОЗА

Сергей КРИВОРОТОВ

Рассказы

Душа ёлки

Зелёная ёлка, новогодняя кудесница, почему так трудно отвести взгляд от блеска её игрушек и разноцветных огоньков? А хвойный запах наполняет помещение, создавая какую-то особую необычную атмосферу. Даже уколы иголок во время ритуала обрядования умиротворяют нас. Что служит причиной подобного воздействия на человеческую психику? Можно ли свести всё объяснение к успокаивающим свойствам зелёного цвета и фитонцидов хвои? Не имеет ли ёлка в действительности своё особое биополе, вызывающее в нас ощущение праздника?

Словно эти лесные создания пытаются внушить нам, что приходится живыми сёстрами по нашей единственной планете, одновременно передавая нам бодрость, энергию жизни и внутреннее равновесие.

Ёлка приходит в дом таинственной вестницей прошлого, связующим звеном с погибающей природой, вечнозелёным воззванием зимнего леса к человеческой совести. Новогодняя наряженная ёлка по-прежнему почитаема всюду, несмотря на то, что подлинное значение, скрытый смысл ритуала давно утрачен в глубине веков. Дело дошло до того, что синтетические ёлки всё больше заменяют свои естественные прототипы. Своего рода, ёлочные роботы, суррогаты, от которых не исходит ни запаха, ни магической теплоты настоящих лесных красавиц. И, тем не менее, они спасают большую часть хвойных угодий от предновогодней вырубки.

Поклоняясь этому фетишу и чувствуя внутреннюю значимость обряда, тем не менее, мы так и не можем уловить истинную вечно ускользающую суть.

Вероятно, для того, чтобы ёлка полностью проявила себя, открыла нам свою душу, необходимо сочетание определённых условий, пока нам

Сергей Евгеньевич Криворотов – родился в 1951 г. Образование высшее. Врач-кардиолог. С 2011 г. полностью перешёл на литературную деятельность. Автор нескольких книг прозы и множества публикаций в российских и зарубежных изданиях. В 2006 г. стал серебряным лауреатом Второго Международного литературного конкурса «Золотое перо Руси» в номинации «Сказка». В 2010 занял II место на литературном конкурсе на лучший короткий рассказ журнала «Нива» (г. Астана, Казахстан). В 2016 – лауреат международного литературного конкурса «Экорассказ» журнала «Эколог и Я» (г. Гомель, Беларусь).

Живёт в Астрахани.

неведомых. Более того, пока только маленькие дети могут воспринять душу ёлки, их мозг идеально приспособлен к контакту с ней. Позже, когда они взрослеют, остаются лишь смутные воспоминания об утраченной способности – подобно тому, как до полугодовалого возраста малыши могут плавать безо всякого обучения, пока сохраняется врождённый природный навык.

В чём тут дело: какое-то особое излучение, слишком утончённое для наших нечутких приборов, предназначенное лишь для детского восприятия? Может быть... Думается, в ёлках заключено огромное количество древнего знания, иглы её могут оказаться своего рода антеннами, передающими это излучение, этот флюид. Достаточно посмотреть на детский хоровод у ёлки, чтобы ощутить настроение праздника или хотя бы понять, что здесь творится нечто сверх нашего разумения. А ведь так и происходит наиболее полное общение детей с ёлкой – обязательный хоровод, как бы настраивающий на определённое восприятие, одновременно усиливающий его, и в центре – передатчик эмоций, сама ёлка. О чём же может она поведать при этом? Дать программу на всю жизнь, внушить понятия о добре и зле, благородстве, любви к природе? Но если бы это было так, то разве взрослые, выросшие с обязательными ежегодно украшаемыми прелестницами, продолжали бы столь варварски рубить их на потеху?

А может, их сигналы всё-таки не доходят по назначению, и мы воспринимаем лишь эмоциональный фон? Как они ни стараются внушить нам веру в себя, достоинство, уважение и любовь ко всему живому, что-то не срабатывает и в детских душах, начинающих черстветь всё раньше в свете мертвенно-голубых всполохов магического ящичка и под разрушительным воздействием всепроникающих вирусов вещицизма, корысти и ханжества? И всё же, именно дети, такие беззащитные и слабые во многом другом, остаются пока самыми устойчивыми в нашем мире перед этой всепроникающей ржавчиной, разносимой взрослыми. И если сохраняется надежда прочитать таинственные послания ёлок, то только с помощью детей.

Скоро опять Новый Год, будто наша планета постоянно уменьшается и вращается всё быстрее и быстрее. «Время, кретин безмерный, вопит, обегая Землю» (Карсон Маккалерс). Осталось всего несколько дней, а в доме у меня снова стоит очередная жертва рождественских ритуалов, которую ещё предстоит украсить. Аромат хвои обволакивает меня, и я ощущаю тихую радость бытия и любви ко всему живому, и потому всегда прекрасному.

Вероятно, её сёстры приложили в далёком прошлом колючие хвойные лапы к моему ещё детскому сознанию. Внушили нечто необходимое, но неосознанное до сих пор. Может, именно поэтому теперь я снова и снова пытаюсь перевести постигнутую однажды душу ёлки на бедный язык людей?

Я внезапно понимаю, если бы она сама могла сейчас обратиться ко мне словами, то сказала бы примерно следующее:

«Сколько же ещё будет продолжаться этот геноцид? Мы тоже хотим жить. И пользы людям принесём больше живые – ведь мы даём в атмосферу кислород, очищаем воздух, без которого вам не жить. Варварские вырубki ускоряют и ваш собственный конец! Неужели, чтобы прекратить это безумие, вам обязательно нужны новые законы, декларации о наших ёлочных правах и прочее? Неужели вы не можете дать нам спокойно прожить свой век без этой дребедени?»

И я совершенно искренно обещаю:

– Это в последний раз. Даю честное слово. Пусть дети порадуются тебе ещё несколько дней. Пусть это останется у них в памяти на всю жизнь, как у меня когда-то. И больше никогда, никогда я не буду потакать алчным ёлкоторговцам, уничтожающим зелёный генофонд. И обязательно постараюсь, чтобы другие люди поняли и поступали так же.

Но пока я смотрю на неё, и она продолжает бескорыстно одаривать меня зелёной надеждой – столь необходимой защитой от отчаяния и угроз нашего ядерно-компьютерного века.

Чёрные полуботинки

Как умру – похороните...

Тарас Шевченко

Вынесли его тело. Всё чин по чину. Подержали открытый гроб на подставленных табуретках, лежал он спокойно с восковой умиротворённостью, словно взирая закрытыми глазами на доступное лишь его внутреннему взору. Совершенно безразличный к окружающему. Затем погрузили в катафалк, и пришлый народ проводил в последний путь, разместившись на втором уже большем автобусе. Его, всю жизнь считавшегося правоверным атеистом, согласно порядкам прежних времён, хотя был он при рождении крещён, но креста не носил и не соблюдал церковных правил, кроме ритуального поедания блинов на масленицу да ежегодного празднования Пасхи, напоследок отпевали в церкви при кладбище.

Всё это время до момента, когда опускали гроб в отрытую экскаватором яму, последнее прибежище в промёрзлой кладбищенской земле, слёзы неожиданно приходили ей на глаза. Единственное, что Мария Егоровна вполне осознавала – ничего не останется по-прежнему. Рядом никогда уже не будет его привычного мужского плеча. Взрослые дети, сын и дочь, вполне достойно по среднестатистическим нормам страны, поддерживали мать с двух сторон, она также в чёрном платке, он с неутешным видом, вполне искренним, да иначе и быть не могло, с непокрытой взлохмаченной шевелюрой. Придерживали, будто она могла кинуться за мужем в развёрстную пасть могилы.

Всё в прошлой жизни казалось теперь очень даже неплохим: и редкие ссоры, и вечерняя скука, и молчаливое непонимание в минуты, когда нестерпимо хотелось общения, но, в целом, смерть всё сровняла и сделала прочее незначимым в её глазах. Он умер, и это навсегда. Большая часть её жизни, быта, интересов оказалась в один момент вырезана, на этом месте обнаружилась ничем не заполненная пустота, и теперь, вероятно, ничто уже не сможет заполнить образовавшуюся огромную каверну.

Потом были поминки в снятом кафе, бесконечные соболезнования приходящих и уходящих. Только далеко за полночь, когда зять увёз дочку последней, Мария Егоровна осталась совершенно одна в опустевшей квартире. Ей было страшно, но просить переночевать у неё кого-то из близких, она не решилась. Лежала в оцепенении на показавшейся теперь слишком широкой кровати и вспоминала, вспоминала... Даже так и не разделась...

Под утро он ей приснился. Вполне живой и очень недовольный. Что-то хотел ей сказать, но не успел, только укоризненно покачал головой, в чём-то

упрекая. Мария Егоровна проснулась в испуге с гулко бьющимся сердцем, трясушимися руками накапала себе, не жадничая, корвалол, но сомкнуть глаз уже не смогла.

Что значил странный сон? Что он хотел сказать, в чём она провинилась перед умершим? Лихорадочно пролистав потрёпанную брошюру с толкованиями сновидений, но не нашла в ней ничего путного. «Покойник – к перемене погоды» – вот и вся недолга. Потом потянулись знакомые, приехал сын. Мария Егоровна уже ни на минуту не оставалась одна, и воспоминания приснившегося поблекли, отошли на задворки сознания.

Но пришла неизбежная ночь, снова она увидела умершего мужа. Причём он выглядел ещё более рассерженным, чем накануне.

– Как там? – она смогла заставить непослушные губы произнести всего два слова.

– Мне плохо! – ответил такой знакомый голос и, немного помолчав, ворчливо укорил: – Как ты могла так поступить, Маша?

Она просто похолодела. Что он имеет в виду? Что узнал там про неё такого, чего не ведал раньше? Мария Егоровна лихорадочно постаралась припомнить мнимые и действительные старые грешки... Но ничего существенного, что могло бы задеть его, не могла найти при всём старании. Что же он хочет предъявить? И вдруг чётко осознала: это сон, всего лишь сон!

– Чем я виновата? Что я могу сделать для тебя? – нашла она силы для разумного вопроса.

– Мне нужны мои ботинки, – веско, со значением произнёс умерший. – Мои новые чёрные полуботинки. Мне без них плохо. Почему ты не отдала их мне? – Он всерьёз обвинял её, это вовсе не казалось розыгрышем! Мария Егоровна проснулась, и сердце опять гулко билось в пустой ночи, подкатывая к самому горлу.

Она действительно то ли пожадничала, то ли забыла про купленные месяц назад лакированные штиблеты, которые он и одевал-то всего ничего – когда ходил в последний раз за пенсией и на приём в поликлинику. Форма их застыла в промежуточной фазе между востроносой и прямоугольно-тупорылой, соответственно последней моде. Покойного облачили в другую обувку, вовсе не старую, но приличную и привычную для обоих. А чёрные полуботинки, ещё не разношенные, представились ей тогда чуждыми, не имеющими никакого отношения к умершему. Неужели, действительно это могло оказаться столь важным? Бред какой-то!

Весь последующий день, что бы она ни делала, с кем бы ни говорила, пугающие сны не шли из головы. Мария Егоровна снова вспоминала привидевшееся, при дневном свете оно казалось нелепым и бестолковым. Но с приближением ночи её начинал охватывать страх.

И снова, как она ни боролась с подступавшим сном – пила крепкий кофе, пыталась звонить знакомым, смотреть бессмысленные передачи по телевизору, оказалась побеждена дремотой, и заснула внезапно, не раздевшись, при включённом экране.

И тут же он явился снова, живой и реальный, будто не умер совсем недавно. С тем же недовольным и раздражённым видом. Упреждая поправку, она спросила, не надеясь особо на вразумительный ответ, сознавая, что всего лишь снится сон:

– Чем я могу помочь тебе, как всё исправить?

– Я не успокоюсь, пока не отдашь ботинки.

Что за странный фетишизм! Но расспрашивать сейчас или спорить не имело смысла.

– Как же передать? Ты сам не можешь забрать их?

– Нет, конечно! – возмущённо, едва не фыркнув, оборвал он.

Всё же Мария Егоровна признала, что в целом её муж выглядел спокойнее, отрешённое от всего, чем при жизни, будто постиг нечто недоступное её пониманию. Сны не возникают из ничего, что-то наверняка скрыто за их ускользающей дымкой.

– Как быть? – спросила она, внутренне не переставая удивляться бессмысленности разговора во сне. – Не могу же я разрыть твою могилу!..

– Сделай так, – терпеливо объяснил он, словно говорил с несмышлёной девочкой, только она действительно не имела ни малейшего понятия, как ей поступить дальше. – Отвези их с коробкой по адресу... – последовало название улицы и номер дома. – Попроси там передать, просто положить в могилу... В их могилу, – тут же уточнил он уже раздражённо. – И больше ничего не надо. Ты поняла?

Мария Егоровна торопливо кивнула, не зная, что думать, боясь переспросить и, тем более, не согласиться.

– Это важно для меня. Понимаешь? Я прошу сделать именно так... Обещай мне, Машенька!

– Да, – выдавила она и озвучила непослушными губами. Он так редко называл её «Машенькой»! Скорее всего, она не поймёт, пока не окажется там сама. Когда он просил её о чём-то в последний раз? Даже не припомнить. Раз это значимо для него, так оно и есть, хотя выше её разума. Неужто, порядки на «том свете» не менее бессмысленные, чем в здешней жизни? – Да, обещаю...

Он ласково совсем по-прежнему кивнул на прощание, и снова Мария Егоровна проснулась с гулко прыгающим сердцем. Полежала, приходя в себя, приняла ставший привычным корвалол. Сколько ещё он будет так её мучить? Надо сделать, как просил. Странно, впервые услышанный адрес чётко отпечатался в памяти.

На следующее утро Мария Егоровна упаковала полуботинки в коробку, повязала чёрный платок и поехала по воле усопшего. Улица находилась на другом берегу реки, на противоположной стороне города.

Пока ехала на маршрутном такси, пока искала табличку с нужным названием и номером, Мария Егоровна чувствовала себя последней дурой. Не менее полутора часов прошло, пока она добралась до неказистого одноэтажного домика с давно некрашеным деревянным забором. Ничем особенным не выделялся он среди подобных же осколков минувших эпох.

Сердце ёкнуло, сомнения испарились, когда она увидела автобус с чёрной каймой на борту и понурых людей у калитки. Белые снежинки бесшумно кружились и падали с неба, не нарушая торжественности знакомой траурной картины.

Мария Егоровна не знала, с чего начать разговор, долго не осмеливалась войти внутрь. Только завидев вышедшую во двор заплаканную женщину в чёрном, внешне гораздо моложе её самой, решила подойти.

Та с изумлением, но, не перебивая, выслушала Марию Егоровну, на её широко раскрытых глазах навёртывались крупные слёзы и тут же скатывались по проторенным на щеках дорожкам. Она тоже хоронит мужа, с которым прожила почти тридцать лет. Незнакомка выглядела приличной

здравомыслящей дамой и необъяснимо вызывала расположение, без малейшего намёка на злую шутку или розыгрыш.

Мария Егоровна не удивилась бы отказу, но хозяйка поверила и сочувственно выслушала необычную посетительницу.

– Вы действительно можете сделать так? – с тревогой спросила Мария Егоровна, заканчивая торопливые объяснения.

– Оставьте, я верю вам. Почему же, не помочь? Неизвестно, что ждёт там нас самих... Только, как лучше сделать? – уже деловито поделилась вслух женщина и пояснила: – Ведь, в гроб-то, наверное, не получится...

– Просто положите в могилу, он так, вроде, просил... Не знаю, как и благодарить...

Они помолчали, Мария Егоровна с внезапной признательностью, новая знакомая озабоченно обдумывая дальнейшее. Мужчины курили у забора, женщины тихо переговаривались во дворе. С улицы подходили новые посетители с цветами и без. Время выноса приближалось.

– А как вы объясните своим? – забеспокоилась Мария Егоровна.

– Сейчас не стану. Это потом. Давайте коробку, и будьте спокойны, сделаю как надо.

Испытывая облегчение, Мария Егоровна передала посылку из рук в руки.

Подруга по несчастью исполнила, что обещала, в чём и отчиталась при следующей встрече. Больше им говорить оказалось не о чем, всё происшедшее воспринималось теперь обеими само собой разумеющимся, будто иначе и быть не могло.

Главное, муж перестал беспокоить её в снах, хотя Марии Егоровне теперь этого очень сильно хотелось.

Стрелки перескочили

Миг поймать не удалось, но стрелки часов перескочили на множество оборотов вперёд, да так быстро, что никто поначалу и не заметил.

Просто жили в одной стране, а оказались в совершенно другой, в которой мерзостей оказалось намного больше, а населения значительно меньше. И почти все корни такого разлада дружно тянулись из прошлого.

Если расплавленные циферблаты Сальвадора Дали можно было посчитать за аллегорическое выражение тягучести, вязкости времени, то для иллюстрации обнаруженной перемены подошли бы полностью разбитые часы с оторванными напрочь стрелками.

Вслед за тем вдруг открылось, будто пелена слетела с глаз, что немногие оставшиеся ещё в живых друзья и знакомые моментально внешне постарели, интересы большинства из них застряли в минувшем, и говорить-то с ними оказалось неинтересно, да и совершенно не о чем. То же самое полностью относилось и к женщинам. Как-то сразу утратили озорной, игривый блеск в глазах те, у кого он когда-то имелся, и превратились в одночасье в бабушек-старушек, только и кудяхтающих наперегонки о достоинствах своих пока ничем не выдающихся внуков.

Попробуй, заикнись кому-нибудь из них о своём восторге от музыки MUSE или о последнем клипе Селены Гомез, на тебя тут же посмотрят как на

идиота или инопланетянина. Впрочем, и упоминание перед ними «Феномена человека» де Шардена или «Общего дела» Николая Иванова вызовет тот же самый эффект.

И начинаешь думать, может, дело совсем не в них, в этих знакомых, вдруг резко оказавшихся посторонними, даже чужими, а в тебе самом? Что-то не то приключилось с тобой в первую очередь? Пусть продолжаешь чувствовать себя по-прежнему, интересы не потерялись, даже появляются иногда вроде бы из ниоткуда новые необъяснимые пристрастия, симпатии, увлечения. Остаётся прибегнуть к непредвзятому свидетельству первого попавшегося зеркала. И что же там видишь? Чужая, вовсе не симпатичная рожа, принадлежащая кому-то постороннему, вовсе не тебе самому. Постаревшая, как бы впервые видимая, только в глазах при настойчивом вглядывании обнаруживается нечто отдалённо узнаваемое, будто скрытое в их глубине воспоминание.

Где найти точку отсчёта для сравнения? Ясно только одно: неумолимый скачок времени не пощадил и тебя, размазав твою внешность по невидимому часовому циферблату. И всё-таки ты это видишь, думаешь об этом, можешь, если не смириться, то попытаться как-то осмыслить данность перемены для себя.

Даже удаётся ухватить за хвост изворотливо ускользающую надежду: вдруг всё, что так беспощадно увиделось и осозналось в единый миг, все эти оставшиеся необратимыми искажения вокруг порождены только сдвигом внешнего времени? И где-то в глубине себя сохранился прежний отсчёт, и твои собственные биологические часы продолжают беззвучно тикать, вовсе не соответствуя безжалостности этого наружного течения с непредсказуемыми переменами? Если копнуть, для себя ты остался тем далёким патлатым пацаном, слушающим в сквере неведомо как раздобытый последний альбом Битлз на маленькой круглой бобине древнего переносного кассетника. А вокруг в волшебных звуках той, продиравшей до печёнок музыки абсолютно все ощущаются друзьями и братьями, даже совершенно незнакомые до того, и двух-трёх бутылок дешёвого креплёного вина с несколькими сигаретами уже достаточно на два десятка человек по кругу, чтобы казаться небывало щедрым пиром, закрепляющим навечно это иллюзорное единение, неоспоримым залогом лучшего впереди?

И теперь остаётся лишь верить, что это внутреннее время с иной, собственной скоростью течения и дальше защитит от непредсказуемых ударов извне, и позволит бросить якорь в окружающем море нестабильности, создать свою надёжную точку опоры в неизбежности будущего. LET IT BE!¹

¹ «Пусть будет так» – песня из репертуара «Битлз» (1970).

ПОЭЗИЯ

Татьяна ЧЕРНОВА

ТАТЬЯНА ЧЕРНОВА

Татьяна Михайловна Чернова – поэт, прозаик. Коренная москвичка. Окончила технический ВУЗ, работала инженером. Стихи писала «в стол» до 2013 г., в котором сделала первую публикацию на сайте «Стихи.ру» под псевдонимом Татулита. Была номинирована на премию «Поэт года – 2014» и «Поэт года 2015», а также на премию «Наследие». Автор сборников стихов «Акварельные сны» и «Во сне и наяву». Член МГО СП России, член Российского союза писателей. Есть дипломы и грамоты за участие в конкурсах МГО СП России. Победитель в номинации «Лучшие поэты и писатели 2014 года» с вручением статуэтки «Золотое перо», победитель конкурса «Литературное достояние России 2015 года» с вручением медали Международной премии «Литературный Олимп».

Живёт в Москве.

«Клён стоит, как год назад, озябший...»

Круглый год

Дворники, похоже, озверели.
Так же, как и долгий снегопад:
Завывали грустные метели
Много-много, много дней подряд...

И скребут они всю ночь лопатой
Этот чистый, свежий, рыхлый снег.
В парке клён парнишкою лохматым
Смотрит вниз, в ветвях запрятав смех.

Он озяб, но шубка снеговая
Согревает будто бы листвою,
И снегирь на клёне озаряет
Всё вокруг расцветкой огневой.

Ветви на берёзе опустились:
Слишком тонок нежный её стан.
Потихоньку сумерки сгустились,
Снег кружиться белый перестал.

Спит Земля под тёплым одеялом,
А природа ждёт: когда рассвет?!
Дней зимы осталось очень мало:
И грачи весны пришлют привет.

И пойдёт обычная работа:
Скоро снег растает во дворе,
Засмеются дети беззаботно,
По ночам деревья в серебре.

Спать Земля устала... Пробудилась,
Потянулась в проблесках зари,
Солнце засияло – появилось,
Звёздные погасли фонари.

Всё теплей, всё жарче: скоро лето,
Скоро лопнут почки на ветвях.
Предвкушеньем праздника всё это,
Как фата туманы на полях.

Лето эстафету принимает:
Дятла дробь – ударника салют.
И кукушка счёт свой начинает:
Без неё года ведь не идут!

И взорвётся летняя фиеста
С буйством трав, цветов и птиц рулад...
Лето – это осени невеста,
Осень – это праздника закат.

Расплетёт невеста к ночи косы,
Разбросает по лесу наряд...
А жених невесту утром просит:
«Нам пора – закончился парад...»

Тем же днём они уйдут, обнявшись.
Лист зелёный в золоте теперь...
Клён стоит, как год назад, озябший!
Осень вновь открыла в зиму дверь!

А листва сияньем фейерверка
Устилает землю, как ковром.
На любовь закончилась проверка:
Осень с летом унесли вдвоём,

Взявшись за руки, оставив шлейфа россыпь
В красных, жёлтых, ярких лоскутах...
Пусто стало: так как «до» и «после»,
Растворилось счастье в облаках...

Шум метлы тревожит снова город,
Не давая выспаться опять!
И сезон мне каждый чем-то дорог:
Ничего в них не хочу менять!

Дворник вновь сметает всё богатство,
То, что осень дарит каждый раз,
Чтобы мы могли полюбоваться
Всей красой природы в этот час,

Час, когда природа засыпает,
Закрывает краски в сундуках...
...Дворник листья жухлые сгребает,
Как судьбу, метлу зажав в руках...

Безвозвратно

Ах, жизнь моя, летящая, как сказка,
Где каждый день – ожившие мечты!
Моя любовь, как детская раскраска:
Лишь мне решать: какие здесь цветы,

Какого цвета облака и небо,
И глаз твоих, каких оттенков свет...
Я всё решу... Но знать хотелось мне бы,
О том, что ты на свете где-то есть.

Что ты смеёшься, дышишь, можешь злиться,
Гуляешь ночью в поле босиком...
И сколько отчужденье может длиться,
Как будто ты и не был мне знаком?!

В другом мы раньше жили измереньи,
Как антиподы или как враги:
На грани угасанья и горенья,
Но друг без друга всё же не могли...

Когда ты любишь – важно всё, до точки.
Всё после ссоры – с чистого листа.
В садах слетают в засуху листочки...
Так и душа: опала и чиста.

Как мы с тобою спорили – забыла:
Там, в прошлом – беспощадно и до слёз!..
И я тебя давно за всё простила:
Навеки, безвозвратно и всерьёз...

Когда пройдут усталые дожди

Когда пройдут усталые дожди,
Согреются холодные печали,
Себе скажу: «Ты ничего не жди,
Давно сердца ведь наши замолчали».

Им просто надоело ожидать,
Просить у моря лучшую погоду.
Настало время мне тебя прощать
И дать душе забытую свободу...

Тамара Александровна Потапова – родилась в Подмосковье, в деревне Сгонники Мытищинского района. Училась в Политехническом институте, работала архитектором. Много лет посвятила работе на радио. Печататься начала в 2000 г. в мытищинской районной газете «Родники» с рассказа о своих родителях. Член Ассоциации литературных объединений города Москвы, дипломант Международных литературных конкурсов, лауреат поэтических конкурсов и фестивалей. Первая авторская книга стихов «Любимая сторона» напечатана в 2013 г. и посвящена родному краю. Стихи Тамары Потаповой входят в поэтические сборники «Созвучие», «Вечера в Академическом», печатаются на страницах «Московского литератора», литературно-исторического журнала «Великороссы», международного литературного журнала «Метаморфозы», звучат на концертных площадках Москвы и творческих встречах. В 2015 г. вышел второй поэтический сборник «Боевой аккордеон», посвящённый светлой памяти отца, участника Великой Отечественной войны. Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

«Знать, жива ещё моя Отчизна...»

Я деревенская

Я выросла в деревне под Москвою,
где древний путь на Сергиев ведёт,
давно уже считаюсь городской,
но рвусь туда, где вишенка цветёт.

Резьбою там украшены оконца,
и славит день весёлый гомон птах,
вода в реке качает лучик солнца,
и ёжик спит в огромных лопухах.

Я помню, как залиvisto и звонко
звала меня гармошка в круг большой,
и до сих пор во мне живёт девчонка
с открытою и чистою душой.

Родная сторона

Нас в юности дальние манят дороги,
спешим в неизвестность, надежду тая,
и только душа в неподдельной тревоге
всё рвётся обратно – в родные края.

В родительский дом за густыми садами,
где ивушка косы плетёт у пруда,
там можно, как в детстве, довериться маме,
она всё поймёт и поможет всегда.

И сколько б судьба ни давала подножек,
и гор золотых ни сулила она,
родимый порог нам с годами дороже
и данная Богом милей сторона!

Ты рядом

Я хочу быть в твоих руках
защищённой от разных бед,
чтобы нашей любви река
не мелела бы много лет.

И мой отблеск счастливых глаз
отражался в глазах твоих.
Пусть судьба приголубит нас
тихой радостью на двоих!

И не страшен нам путь любой
до скончания мирных дней,
если рядышком ты со мной
и ладошка моя – в твоей.

Колокольная Русь

На Руси призывно и торжественно
Благовест по праздникам звучит,
Крестный ход вокруг собора шествует
и горят на золоте лучи.

А в лесу под смешанными кронами
в кружевах полуденной тени
ловит лучик колокольчик скромный,
на ветру тихонечко звенит.

Колокольчик чашечками клонится
в благодарность за лесной приют.
Под дугой нарядной и на звоннице
звуки серебристые цветут.

Друг на друга формою похожие –
и цветок, и колокол большой,
видя, слыша их, любой прохожий
встрепенётся чуткою душой.

Колокольным звоном Русь пронизана,
звоны эти – жизни зеркала.
Знать, жива ещё моя Отчизна,
если в ней звонят колокола!

И летит над всей землёю русскою
православной церкви торжество.
Колокольчик возле тропки узкой
с Русью колокольною – родство!

Майская вишенка

Посвящается Году экологии в России

— Вера Степановна! Вы не представляете, какая красота сейчас около вашего дома! Это просто чудо! Помните, с той стороны, где торговый центр, вишня растёт у стены? Она сейчас так цветёт, что я глаз не могла оторвать. Никогда — а ведь сколько хожу здесь! — не обращала, вроде, на неё внимания, а сегодня... сегодня она меня поразила, — с порога начала делиться с хозяйкой квартиры своим восторгом Ирина Сергеевна.

— Да проходите, проходите, Ирина Сергеевна. Мы с Петром Николаевичем вас ждём. Сейчас обедать будем, — Вера Степановна, озабоченная приготовлениями, пропустила гостью в квартиру, закрыла входную дверь.

— Здравствуйте!.. Вы представляете, вишня — вся в цвету, и, как только налетает порыв ветра, с неё этот цвет осыпается. Вокруг уже образовался белый ореол, — возбуждённо продолжала пришедшая с субботним визитом к своим друзьям Ирина. — Чем дальше от вишни, тем лепестков меньше и меньше, а на газоне под кроной — будто снег.

В прихожую вышел, приветливо улыбаясь, Пётр Николаевич — солидный мужчина с интеллектуальным лицом и манерами джентльмена.

— Ирина Сергеевна, вы сегодня особенно хорошо выглядите с этими «жемчужинами» в волосах, поприветствовал он вошедшую женщину и аккуратно двумя пальцами — большим и указательным, снял с её чёлки маленький белый кружочек вишнёвого лепестка. Восторженная гостья подставила невесомой «жемчужинке» ладонь и хихикнула, а Пётр Николаевич, заметивший ещё два лепестка, и их умудрился донести и положить рядом с первым. Трое взрослых людей, с умилением смотрели на трогательные белые пятнышки.

Все трое были инженерами, выпускниками одного и того же авиационного института, работали

Галина РОМАНОВА

Галина Александровна Романова — поэт, прозаик, публицист, член Союза писателей России, член Союза журналистов России, член Московской городской организации СП России, член правления ЛИТО «Метафора» городского округа Балашиха. Работает директором по связям с общественностью на предприятии авиационной отрасли, редактор корпоративной газеты. Автор книг «Хрустальная капля» (поэзия, проза, публицистика), «Под ливнем дней» (поэзия). Участник ряда сборников и альманахов. Произведения и материалы об авторе печатались во многих литературных изданиях. Автор песен и романсов, лауреат ряда региональных литературных конкурсов, дипломант конкурсов им. Роберта Рождественского и «Авторская романсиада». Имеет награды за профессиональную, общественную и литературную деятельность.

Живёт в Москве.

на соседних авиационных заводах, много лет дружили, и не только благодаря схожим профессиям, но и по причине схожести жизненных взглядов и интересов.

Вера Степановна, сколько её знала Ирина, всегда была очень скромна внешне: интеллигентно и просто одета, с причёской, которую по нынешним временам и причёской назвать нельзя — просто коса, заколотая на затылке шпильками в пучок. Никогда, ни при каких обстоятельствах не видела Ирина Веру Степановну всплывшей или раздражённой и понимала, что это глубокая внутренняя культура, интеллигентность. С подругой можно было поговорить о работе, о семейных делах, о музыке, о литературе, обсудить книгу или просто газетную статью. Именно Вере Степановне в первую очередь давала Ирина, увлечённая в последнее время сочинительством, городской журнал «Голоса сердец», где печатали написанные ею и другими местными авторами статьи, рассказы, стихи, и именно от Веры Степановны больше, чем от кого-либо другого, ждала отзыва. Нельзя было не уважать начитанность, литературный вкус и читательскую верность этой женщины. И в перестроечные трудные годы, и всё последнее время, когда страна уже не стала самой читающей в мире, Вера Степановна продолжала читать и перечитывать классику, знакомиться с литературными новинками и каждую среду ходить в газетный киоск за «Литературной газетой». К мнению Веры Степановны, которое всегда дополнялось суждениями, высказываниями и советами мужа, не меньше жены любившего и знавшего литературу, стоило прислушиваться.

Пётр Николаевич, внешне более яркий, по характеру — более эмоциональный, более многословный, чем жена, имел громадный круг знакомых, сослуживцев, друзей. В его орбите находилось столько имён, что Ирина Сергеевна поражалась, хотя сама в силу своей работы не была обделена кругом общения. Он много лет работал главным специалистом на авиационном заводе, имел государственные награды. В общем, это была замечательная супружеская чета. Сначала Родионовы и Шаровы дружили семьями, а теперь, когда их дети выросли и жили самостоятельно, сами Пётр Николаевич и Вера Степановна вышли на пенсию, а у Ирины Сергеевны не стало мужа, встречи были не такими частыми, как в прежние годы, но, пожалуй, более душевными. Особенно Ирина любила проводить супружескую пару на даче, с которой они на эти выходные выбрали в город, чтобы проверить квартиру, полить цветы, сделать кое-какие покупки.

За столом разговор несколько раз возвращался к цветущей около дома хозяев вишенке, потому что впечатлительная гостья никак не могла забыть своё весеннее ощущение, сетовала на то, что нет с собой фотоаппарата, чтобы запечатлеть на снимке это городское чудо. Им, приехавшим из садового товарищества, где на каждом участке тоже уже цвели вишни, разговор о красоте природы был не менее приятен. Дачниками они были заядлыми, а Петра Николаевича можно было назвать и садоводом-экспериментатором, потому что он умел делать прививки, заложил свой собственный питомник, досконально знал, как бороться с вредителями, как правильно вести посадки. Он вырастил даже сеянцы кедра, купив в Шушенском во время своей сибирской командировки шишку. Теперь раздаренные кедровые сеянцы росли на нескольких садовых участках Подмоскovie, а ещё — в Минске. Но самым интересным оказалось, что ту самую вишенку посадил именно он.

— Вот это да! — воскликнула Ирина Сергеевна. — Как? Когда?

Пётр Николаевич, уже начав рассказывать о том, как они, двое молодых специалистов поселились в этом доме, получив от завода комнату в бывшей тогда коммунальной квартире, в которой они, кстати, сейчас и обедают, вдруг поднял вверх указательный палец:

– Стоп! Мы сейчас выясним всё это точно.

Встал и вышел.

– Это он, наверное, пошёл искать свой дневник за те годы, – шёпотом пояснила Вера Степановна.

Женщины, пересев на диванчик, вдоволь посеCRETничать не успели. Скрупулёзный Пётр Николаевич, дневники которого не раз оправдывали потраченное на них время, выручали и помогали в разных обстоятельствах, например, когда надо было вспомнить какую-нибудь дату, подлинный ход события, а то и погоду какого-то дня из прошлого, уже входил с раскрытой общей тетрадкой за 1994 год.

Оказалось, что той ранней весной Пётр Николаевич выкопал три метровых вишнёвых побега в заброшенном саду около шоссе по дороге с работы, чтобы отвезти на дачный участок, но один прутик оставил в городе, задумав посадить его около дома. Во дворе и с уличной стороны дома растительности было много, но Петру Николаевичу захотелось внести свою лепту в озеленение.

– Как раз надо купить лопату на дачу, так что куплю, посажу вишенку, а потом отвезу лопату на участок, – решил садовод. Хотелось посадить деревце под своим окном, но там места не оказалось, и Пётр Николаевич с Верой Степановной, походив вокруг дома, присмотрели для будущей красавицы-вишенки свободную площадь с южной стороны близко к стене, которая будет защищать деревце от северных ветров. Пётр Николаевич, как всегда, заранее продумал всё, поэтому посадка шла в удовольствие. Он выкопал яму в виде куба, верхний слой чёрной земли выложил горкой справа, нижний, песчаноглинистый, лопата за лопатой высыпал слева. В процессе то и дело лопата звякала о битый кирпич или какой-нибудь камешек, оставшиеся от строительства дома. Жена-помощница аккуратно собирала находки в третью кучку, выбирая при этом из свежей земляной россыпи и стекла. Ей, горожанке, никогда не жившей в сельской местности или в «частном секторе», как называли раньше городские районы с собственными домами, это занятие последних лет – садоводство и огородничество, казалось удивительно благодатным, умиротворяющим. Она сразу одобрила затею мужа посадить около городско-го дома вишенку.

Пётр Николаевич каждое дерево на садовом участке сажал в чью-то честь: антоновка называлась «Дуняшкой» в память о теще; облепиха – «Царской фамилией», потому что выросла из поросли с дачного участка сослуживцев Романовых; груша, привезённая на дачу зятем Славой и дружно посаженная с участием семилетнего внука Славы, получила название «Дважды Слава». Городская вишенка высаживалась почти сразу же после того, как от Шаровых переехала в полученную зятем-военным квартиру семья дочери Майи, поэтому назвал Пётр Николаевич вишенку «Майская вишенка». Не «Майкина», а почему-то именно «Майская».

– Теперь твоя очередь поработать, – передавая лопату Вере Степановне, сказал «землекоп», и жена стала выполнять чёткие команды Петра Николаевича.

– Все камни и кирпичный бой бросай на дно ямы. Это будет дренаж, – распорядился он, по привычке делая пояснения.

– А теперь весь чёрный перегной ссыпай на дренажный слой горкой в центр, следом сыпь удобрение из пакета и негашёную известь, – продолжил руководить подготовкой Пётр Николаевич. Потом, одобрительно оглядев рыхлую чёрную горку с белыми включениями, аккуратно развернул полиэтилен и мокрую тряпицу, в которую был завернут комель саженца с корневой системой, и поставил деревце в центр ямы. Помощница расправила корешки и правой рукой взяла тоненький ствол, никак не хотевший стоять вертикально.

Рыжеватая россыпь суглинка, легко соскальзывая с лопаты, которой ловко орудовал садовод, укрывала корешки, наполняя яму. В завершение Пётр Николаевич утоптал землю вокруг вишенки, сделал невысокий вал по окружности и, удовлетворённо оглядев Майскую вишенку, сказал жене:

– Жаль, кольшк не взял. Не будет у неё поддержки, придётся самой все ветры выдерживать.

– Ничего, – утешила супруга, – крепче будет! Пойдём, воды принесём. Польём нашу вишенку, и пусть растёт!

Супруги в отличном настроении, будто сделали что-то значительное, поднялись к себе на второй этаж. Вера Степановна набрала ведро воды, дала кружку Петру Николаевичу, а тот, спустившись, вернулся к вишенке, не спеша, полил любовно посаженное растение и немного постоял около него. Вспомнил, как маленькая дочка, играя в песочнице во дворе дома, игрушечной лопаточкой копала ямки и сажала в них сухие веточки, упавшие с деревьев. Как начала срывать однажды зелёные листья с росшего в их переулке куста бузины, и он долго объяснял Майе, что в городе надо беречь растения. Посмотрел на проезжую часть, на два тротуара, представив, как через месяц зазеленеют, а потом и зацветут деревья и кусты. Оглядел посаженную былинку и зашагал домой, где, перекусив, сел за свой дневник 1994 года, который через много лет поможет вспомнить, каким образом появилась у их дома поразившая их гостью вишенка.

За обедом друзья говорили о том, как летит время: деревце год за годом выросло так же незаметно, как и их дети. Супруги подсчитали, сколько же лет их Майя живёт уже отдельно, и поразились. Всё меняется. Вот и переулочек за прошедшие годы стал неузнаваемым: потихоньку исчезли один за другим почти все кусты акаций, потом бузина, осталась вишенка, пара узколистных клёнов да сирень на противоположной от дома стороне. Всему виной было строительство торгового центра, который алчно захватил большую часть их переулочка. В самом начале строительства жители пытались возмущаться и бороться, собирались на стихийные митинги, писали обращения с рядами подписей, а теперь с новым устройством уличной жизни смирились и даже почувствовали в этом удобство: всё, что надо купить – рядом. Вере Степановне в новом торговом облике переулочка нравилось то, что здесь, после того, как женщина вышла на пенсию, она могла встретить знакомых ветеранов, своих бывших коллег-заводчан. Вера Степановна, которая всегда отличалась жизненной мудростью и стремилась к гармонии между своим внутренним миром и внешней обстановкой, даже в тех новых изменениях, с которыми некоторые «борцы» никак не могут смириться, находила полезное и положительное и считала их данностью нового времени.

Ей и в Ирине Сергеевне нравился этот интерес к изменениям и принятие нового, а ещё – какой-то неиссякаемый оптимизм и умение замечать красоту мира: природы, поступков людей, событий, чувств. По этой причине она несколько не удивилась, когда вечером подруга позвонила и радостно рассказала, что ещё раз по дороге из гостей заглянула к Майской вишенке, чтобы полюбоваться ею. Ирина созналась, что, придя домой, сначала хотела взять фотоаппарат и пойти сфотографировать красавицу, но потом поленилась.

– Но, знаете, я всё-таки сделала портрет вашей вишенки, только поэтический. Прочитать? Послушаете? – звучало в телефонной трубке.

– Читайте, читайте! Пётр Николаевич-и-и-ч! Подойди к параллельному телефону! – сказала Вера Степановна мужу, и они стали слушать стихотворение о своей вишенке.

Автор читала распевно, нежно и взволнованно:

Майская вишенка

*В переулке заблудилась –
неуместна, чуть жива,
Среди каменных громадин
нарядилась в кружева.*

*Паутинкой чёрной ветки
кольхнулись на ветру,
И посыпались снежинки
на прохожих поутру.*

*Все забыли про покупки
и про важные дела
И задумчиво смотрели,
как метель вокруг мела.*

*Белых маленьких кружочков
майский праздничный наряд
Нежным облаком спускался,
укрывая всё подряд.*

*На стоянке две машины
и бульжный тротуар
Превратились вдруг в весенний
романтический муар.*

*Подниму глаза к вершине –
красоте той удивлюсь,
Смелой вишенке-дивчине
низко в пояс поклонюсь.*

*Удивительна природа!
Не сдаётся никогда –
Пробудившейся надеждой
одаряет города.*

С этого дня с Ириной произошло что-то необычное: где бы она ни проходила, везде замечала вишнёвые деревья. Вот около городской стоматологии маленькая вишня с искривлённым, каким-то жалким стволиком осыпает последние лепестки. Вот во дворе дома, рядом с новенькой, сияющей яркими красками детской площадкой, какая-то очень ладная, с чуть приплюснутой кроной вишня прячет в листьях светло-зелёные малюсенькие шарики завязи. Вишня у старой пятиэтажки соблазнила красно-бордовой ягодкой девчушку, и бабуля в вязанной крючком белой береточке тянет, тянет вверх дрожжащую руку, чтобы порадовать внучку. На заводе доживает свой век вишня, незаметная среди других деревьев, старая и высоченная, уже не приносящая плодов; морщинистая кора на стволе шелушится и, кажется, потрескивает; жёлто-розовые мелкие вишнёвые листочки падают на землю, не дождавшись осени.

«А наша Майская вишенка всё-таки самая красивая!» – думала каждый раз Ирина, сетуя на то, что так и не сфотографировала её. И тут же успокаивала себя: «Ну, ладно, в следующем году».

Сфотографировать вишенку не удалось. Через пару лет обстоятельства сложились так, что месяца два или три Ирина не бывала в переулке, куда выходило одно крыло дома друзей. А потом, подходя к торговому центру, неожиданно обнаружила, что на первом этаже дома друзей появился магазин. Ещё один в чередё постоянно открывающихся в выкупленных и переведённых в нежилой фонд квартирах новых объектов: парикмахерских, мини-маркетов, аптек, кафе. С тротуара на всю ширину газона поднималась вверх, к дверям магазина, красивая лестница с блестящими перилами из «нержавейки», а рядом с лестницей – широкий пандус «доступной среды», чтобы можно было вкатить, например, детскую коляску. Красиво! И вдруг Ирине показалось, что в этой красоте, в этом удобстве её что-то тревожит. Посмотрев налево и направо, она ошеломлённо спросила саму себя:

– А где же Майская вишенка? Нет, ну, она же была здесь, где-то здесь, на этом газоне... Где она?

Ирина растерянно оглядела весь газон вдоль всей стены, как будто вишенка могла ходить и ушла со своего места. Вишенки не было! Женщина попыталась поймать взгляды прохожих. Ей хотелось остановить кого-нибудь и воскликнуть:

– Вы видите, видите?! Вишенки нет! Здесь была вишенка! Помните, она цвела...

Ирина Сергеевна помнила её, эту очаровательную вишенку-дивчину: ствол был наклонён немного на восток, она, такая трогательная на фоне серой кирпичной стены, стояла, будто заглядывая в окна. Как она цвела весной! «Почему я её назвала смелой? Потому что выживает в городе? А ведь природа сдаётся, отступает», – думала огорчённая Ирина.

«Вы видели, видели: вишенку срубили?!» – эти слова так и остались невысказанными. Мимо Ирины прошли две женщины, разговаривая о том, как хорошо, что здесь, рядом с торговым центром, появился фирменный обувной магазин, и стали подниматься по лестнице к большой стеклянной двери с надписью «Скидки!!!». Ирине захотелось спросить своих друзей, которые были, конечно, на даче, знают ли они, что Майской вишенки не стало. Она уже отыскала номер Веры Степановны в мобильном телефоне, но остановила себя:

«Зачем тревожить людей? Если они знают, не стоит лишний раз напоминать. Если пока не знают, то пусть подольше остаются в неведении. Интересно, кто-то ещё, кроме нас троих, помнит, вспомнит эту вишенку?»

Женщина продолжила свой путь в торговый центр и старалась забыть о погубленном дереве, отвлечься от этого образа. Может быть, возраст тому виной: смирение с происходящим всё чаще посещало её когда-то строптивую и равнодушную натуру. «Всё равно будет, как будет. Я же на это повлиять не могу», – так она уже не раз гасила свои волнения и переживания по разным личным и глобально-общественным поводам. Люди вообще не так уж редко смиряют в себе или оставляют при себе своё несогласие с чем-то, выбирая политику отстранения от активной, равнодушной позиции. И это, как ей казалось, не зависело от возраста: среди молодёжи было очень много индифферентных к не касающимся лично их событиям. Надо сознаться, ей приходилось иногда даже поступать в разрез со своим пониманием, со своими взглядами.

Казалось, за осень образ вишенки уже ушёл из памяти, оставшись только на странице нового поэтического сборника, но неожиданно, в декабре, вишенка «оживла» при подготовке творческого вечера Ирины. Симпатичная солистка ансамбля с красивым народно-лирическим сопрано, пожаловавшись, что в её репертуаре нет ни одной песни на стихи героини вечера, предложила прочитать со сцены какое-нибудь стихотворение из презентуемого сборника. Книга была тут же подарена певице. Ирина поразилась, составляя программу, выбором артистки и потом, в ходе вечера, с трепетным волнением следила за выступлением Ольги. Высокая, в длинном кремовом платье с мелкими бордовыми цветочками, утянутом на талии пояском, та серебристым нежным голосом под музыку читала стихотворение «Майская вишенка». В голубом ясном небе на экране цвела вишня и летели белоснежные лепестки. И это было так прекрасно... Ирина знала, что в зрительном зале сидят Вера Степановна и Пётр Николаевич, о чьей вишенке сейчас рассказывала со сцены гостям вечера артистка. За полгода друзья ни разу не разговаривали об уничтоженном дереве, как будто никто из них не знал об этом. Ещё при составлении программы, узнав о выборе Ольги, Ирина в первом порыве хотела воскликнуть:

– Этой вишенки нет уже там! Сдалась вишенка...

Тут же остановила себя:

– Нет, пусть не знает певица, пусть думает, что вишенка всё там, на своём месте «пробудившейся надеждой одаряет города».

Ирина вглядывалась в зрительный зал, аплодировавший исполнительнице, и мысленно обращалась в чёрную глубину: «Ведь, правда, среди вас нет таких, кто мог бы срубить вишенку? А теперь, после этого стихотворения, и вовсе ни у кого из вас, дорогие друзья, не замахнётся рука топором».

О том, почему люди так безжалостно вырубают, пилят, топчут, ломают, срывают эти дары природы: деревья, кустарники, травы, цветы, – Ирина, живя с детства в урбанистическом мире, стала в последнее время думать всё чаще. Она нам мешает – природа? Мешает строить дороги, дома, торговые центры? Она бездумно и эгоистично воспринимается нами как нескончаемый – во веки веков! – дар Вселенной? Глаз подмечал такое наступление на природу везде.

Как-то шла Ирина по узкому старому асфальтовому тротуарчику, в некоторых местах почти исчезнувшему, превратившемуся в тропинку. Эта дорожка вдоль городского шоссе вела из жилой части города к промышленной зоне, где располагался тот завод, на котором они познакомились с Верой Степановной и долго работали вместе. Городской пейзаж района был, вроде, привычным: машины, жилые дома вдалеке, корпуса предприятий, ветшающие постройки старинной усадьбы, остатки фруктовых садов от бывшей деревеньки и самые стойкие придорожные растения по откосам шоссе и вдоль тропинки. Что же тогда вызвало поэтические эмоции? Может, предвидение, что скоро этого здесь не будет? Нет, Ирина Сергеевна тогда ещё не знала о грандиозных планах расширения шоссе, возведения автомобильных развязок. Пожалуй, ей просто стало жалко этот уходящий, простой и милый мир голубых цветков, так долго служивший человеку, хранивший в нём ощущение родства и единства с природой.

Так и осталась в одном из коллективных поэтических сборников с символическим названием «Родники России» эта зарисовка с натуры:

Дыхание леса

*Вдоль шоссе по тропинке тенистой
Прохожу, и остатки лугов
В простоте своей нежной и чистой –
Как надежда людей и богов.*

*Мало места теперь разнотравью:
Наступают потоки машин,
И бетоном, асфальтом, и сталью
Заменить мы природу спешим.*

*Но цветёт, не сдаваясь, цикорий,
Горькой дымкой волнует полянь –
Объявлю городам мораторий
И спасу ненаглядную синь:*

*И родник, и ромашки, и росы,
Стрекозу, комаров, муравья,
Заливные луга и откосы –
Всё, что дарит родная земля.*

*Может, зря на вершинах прогресса
Ищем мы для себя благодать?
Ведь потом за дыхание леса
Все богатства придётся отдать.*

Ирина вспомнила, как это стихотворение передали губернатору Московской области во время акции «Лес. Посади своё дерево». Отрадно, что люди всё же просыпаются после этих жестоких лет перестройки, когда столько всего, связанного с защитой и сохранением природы, пришло в упадок, а то и перестало существовать. Было поразительно и радостно, сколько молодёжи,

молодых семей с детьми пришли на посадку леса. Героиней публикации в городской еженедельной газете стала и 93-летняя женщина, участница войны, бывшая санитаркой на фронте, которая вместе с членами одной молодёжной организации приехала сажать, восстанавливать лес. Правда, делая снимки на громадной вырубке и разбирая их потом, Ирина почему-то поразилась не грандиозностью мероприятия, не кадрами с «медийными» личностями, а одним простым фотообразом. На переднем плане была запечатлена только что посаженная сосенка высотой сантиметров тридцать с верхушечкой и тремя растопыренными в стороны игольчатыми ростками на фоне громадного пня диаметром около метра с многочисленными годовыми кольцами на спиле – пня, оставшегося от погубленной короедом (или всё-таки человеком?) сосны.

Сколько ждать, когда вырастут эти малютки? Сколько из них выживет? Но ведь растут же они, уцепились за землю эти посаженные горожанами по призыву властей сосенки. Хочется людям сохранить «дыхание леса»!

А вот Майская вишенка стала для Ирины Сергеевны каким-то символом обречённости живого. «И сфотографировать не удалось!» – всю зиму, проходя мимо обувного магазина, ругала она себя, вспоминая цветущую красавицу, её лепестки у себя на ладони и своих друзей, читающих страницы дневника о том, как они сажали эту вишенку.

Весной тепло пришло очень быстро. Снег растаял уже в конце марта, и только однажды из какой-то мрачной тучи полетели белые крупные хлопья, прикрыв уже зазеленевшую траву и многочисленные одуванчики, вот-вот готовые взорваться всюду своими ярко-жёлтыми брызгами. Полежав до следующего утра, снег бесследно исчез, и сразу поверилось, что зима попрощалась с городом. Всё оживало день ото дня, готовясь к весеннему скачку обновления.

Ирина шла с сумкой, полной продуктов, и бросила взгляд на крыльцо входа в обувной магазин, в котором решила никогда не покупать обуви за эту расправу над вишенкой. Перила по-прежнему блестели, и три восклицательных знака на объявлении о скидках всё так же заманивали прохожих...

Рядом с лестницей, слева от крыльца... (или показалось?) торчал из земли маленький, сантиметров семьдесят, прутик. Женщина, остановившись перед низким заборчиком, ограждающим периметр газона, взгляделась в этот росток. Он был блестящим, бордовым, с набухшими почками, стремящимися к солнцу. Неужели это пророс побег вишни?! Да, да! Вишенка не умерла! Она (милая! смелая!) копила силы, пробиралась там, под землёй, чтобы вновь явиться миру и людям. Они ещё не замечали эту малютку, но Ирина Сергеевна уже знала, что былинка вырастет в юную красавицу. Однажды в мае вишенка зацветёт, и полетят её белые кружочки-лепестки одарять надеждой и красотой покупателей с тяжёлыми сумками, мамочек с капризничаящими детьми, ждущих каникулы школьников, поссорившихся из-за пустяка влюблённых, пенсионеров с палочками, озабоченную низкими продажами директрису обувного магазина, владельца припаркованного прямо на тротуаре автомобиля...

Она смотрела на это будущее цветущее деревце, и ей грезилось, что майские вишнёвые «снежинки-жемчужинки» падают на её поседевшие волосы, на плечи, на протянутую ладонь и дарят ей молодость и счастье.

ПОЭЗИЯ

Николай ПОЛОТНЯНКО

Николай Алексеевич Полотнянко – родился 30 мая 1943 г. в г. Тальменка Алтайского края. Окончил Литературный институт им. Горького. Поэт и автор трёх исторических романов. За один из них («Государев наместник») удостоен Всероссийской премии им. И.А. Гончарова. Книги стихов выходили в Ульяновске, Саратове, Москве (1982). Член Союза Писателей России. С 2006 г. главный редактор журнала «Литературный Ульяновск».

Живёт в Ульяновске.

Сын (отрывок из поэмы)

Посвящается Богатову А.М.

1

Прошёл легчайший дождь,
Почти неуловимый,
И радуга воздвигла зыбкий мост.
Трава курится вогловатым дымом,
Чуть розовым от зноя и стрекоз.
И вспыхнувший цветением
Куст сирени
Дымится тоже, хоть и не промок.
Над Волгою в неясном отдалении
Пошаливает радостный гром.
И стая голубей над парком кружит,
И падает на землю с виража.
И важно ходят голуби по лужам,
И воду пьют глотками, не спеша.
Они взлетают хлопотливым роем,
Меня крылами не задев едва.
Сегодня на земле всё молодое:
И гром, и дождь, и солнце, и трава.

2

Его весна назад тому столетье
Была такой же юной как сейчас.
И соловьи трубили о победе
Любви к всему, что окружает нас.

Клубился мёд сиреневых туманов.
Стучали ветви клёнов по окну.
Входил, волнуясь, молодой Ульянов
В открытую ветрам свою весну.

Семнадцать лет!
Судьба на ярком взлёте,
И в сердце ощущение крыла.
На грозном российском небосводе
Его звезда высокая взошла.
Пусть она, неведомая миру,
Лишь для него горит в кромешной мгле,
Он ощущает радостную силу
В себе самом и молодой земле.
Ещё чуть-чуть, и будет брошен жребий,
Что мир расколется через тридцать лет.

За вешней Волгой, отражаясь в небе,
Вставал, играя, радужный рассвет.
Открыли церковь. Нищие старухи
На папертях с протянутой рукой.
Симбирск чадил угаром летних кухонь,
И терпко пахло молодой травой.
Прогрохотал исправник на пролётке,
Как будто идол, деревянно прям.
Прошёл, дырявой хлюпя подмёткой,
В кабаке родства не помнящий Иван.
Швейцары двери драили присутствий,
Зевал судья, читая приговор,
И заводил с клиенткой об искусстве
Галантный парикмахер разговор.

Симбирск вставал, весь в колокольных звонах,
Весь благолепный, истовый как встарь.
Он был одной из многих ножек трона,
На коём восседал российский царь.
Царь был для всех – и божий гром и милость,
Паря над миллионами голов.
И паутины власти все сходились
В когтях бездушных гербовых орлов.
Сословия, чины... Кругом ранжиры,
Указы, циркуляры, рапорта.
Битком набита каторга Сибири.
Разлома обозначилась черта.
Народовольцы – молодость и совесть,
Чья вера лишь один прицельный взрыв.
Не понаслышке знал он эту повесть,
А сердцем и умом переварив.

Саднила память, горечью распята.
Рыданья мамы и сестёр испуг.
Ульянов помнил день ареста брата,
И сквозняковый холодок вокруг.
Косился лавочник, отвешивая сахар,
Судачили соседи шепотком.
На тротуаре взвизгивала плаха
Под полицейским жёстким сапогом.
У дома день и ночь в засаде сыщик
Сидел – как бы чего не просмотреть.
Ульянов знал: неумолимо рыщет,
Круги сужая, возле брата смерть.
Он заточён в пучину каземата
И отказался бить царю челом.

А здесь в Симбирске яблонька крылато
Плескалась под Володиным окном.
Запел скворец, сверкая антрацитом.
Жизнь совершала свой весенний взлёт.
И за Свягой – с косогора видно –
Работал на полях простой народ.
Скрипели сохи. Надрывая жилы,
Тянули с хрипом баржу бурлаки.
И тощие коровы воду пили,
В трясине увязая, из реки.
Он был не в силах радоваться маю.
Ему судьбы чуть приоткрылась даль.
Его взрослила, душу остужая,
Недетская холодная печаль.

3

Куда пойти?..
С кем поделиться болью?
Мать рядом с Сашей,
Нет в живых отца.
Запруженная арестантской голью
Вскипала гулко улица с конца.
Косил лиловым глазом конь горячий,
Конвойный офицер крутил усы.
Совала бабка каторжным калачик,
Как повелось от века на Руси.
Владимир жадно всматривался в лица.
Кого не привели сюда пути!
Вот два студента, может, из столицы?
Спросить про Сашу... Но не подойти.
Гонимый люд шёл, спотыкаясь, в гору,
Сквозь толпы обитателей градских.

Хотелось отшатнуться от позора
Своей страны, но он смотрел на них.

4

Над городом
Весны звенело знамя.
С Венца дул лёгкий ветер – ласковей.
Над крышами домов, над куполами
Кружился май на крыльях голубей.
Шумело монастырское кладбище,
Вороньем граем, молодой листвой.
И словно на родное пепелище,
Пришёл Владимир к стеле гробовой.

Тот день вставал в сиянии немилком.
Народ всё шёл и шёл издалека.
Под синим генеральским вицмундиром
Остановилось сердце мужика.
Отец лежал в гробу, прямой, лобастый.
Сторонник дел. Противник болтовни.
Он был педагогических дел мастер,
Учитель и наставник ребятни.
Под шум дождя и всхлипывание вьюги,
Не думая про звание и почёт,
Он объезжал Симбирскую округу
И все деревни знал наперечёт.
Курные избы, рощицы, пригорки.
Серп полумесяца, сияние креста.
Папузы, Курослепки, Домосёрки –
Беспамятные дикие места.
Сквозила бедность русских, инородцев
Из каждого дремучего угла.
За ним вставали школы как колодцы
С живой водою знанья и добра.

– Отец, отец...
Мы – пасынки отчизны,
Твои сыны...
(О, как земля молчит!)
К чему ни прикоснёшься в русской жизни,
Умом иль сердцем – всё кровоточит.
Не оступиться б, что найдёшь, не знаешь.
Ведь на Руси как будто в сказке той:
Пойдёшь налево – совесть потеряешь,
Пойдёшь направо – голова долой.
Вороний грай шумел над тополями,
Земля молчала под родным крестом.

Но знал Владимир, что пойдёт он прямо.
Своим, ещё не тореным путём.
Пройдёт сквозь испытания на ощупь,
В бореньях прозревая, чтоб потом,
В семнадцатом, рванула штурмом площадь,
Всё обрекая на распыл и слом.

Земля молчала, но ударил ветер,
Взыграла в небе света полоса.
Цепляясь за верхушки старых ветел,
Шла на Симбирск весенняя гроза.

Бунт совести

ПОЭМА

1

Здравствуй Волга – душа человека!
Древний ветер летит в затон.
Грузно волны, густые от снега,
Бьют в причальный слепой бетон.

Выйду я на холодный берег.
Влажно светит звезда в ночи.
Научи меня жить и верить,
Волга, счастьем меня научи!

Знаю, есть у тебя в запасе
Плёсы, заводи, Жигули,
Пугачёвщина, Стенька Разин,
Вёрсты политой кровью земли...

Ветер щёки царапает колко.
И от снега кипит волна.
Бьётся грузно о берег Волга.
Волга спрашивает меня.

2

Я однажды нашёл фотокарточки
В старом альбоме,
Хронографию жизни
Рабоче-крестьянской семьи,
Отпечатки торжеств
И невзгод в нашем доме.
Их на вечную память
Оставили предки мои.

Нет герба
 На альбомном лоснящемся
 Плюше,
 Геральдических птиц
 И зверья
 На парчовой кайме.
 Предки были просты,
 Их безвестные души
 Выходили из тьмы,
 Исчезали бесследно во тьме.

Не князя,
 Чтоб кичиться своим родословьем,
 Не приезжие немцы,
 Не мурзы поганой орды.
 Основавший сей род
 Наделил его доброю кровью,
 И в историю вписаны
 Битвы его и труды.

И когда я читаю
 Открытую книгу России,
 Вижу пращура светлый
 И торжественный лик,
 Это он обустроил
 Просторы лесные,
 И былин
 Языковую крепость воздвиг.

Это он на священных
 Воротах Царьграда
 Щит прибил самокальным
 Надёжным гвоздём.
 Это он изогнул
 Потолки Грановитой палаты,
 А избёнку свою
 Изукрасил летящим коньком.

А его
 Забивали кнутами до смерти,
 Волокли на правёж,
 Батогами пущали кровя.
 И сказал некий князь:
 – О, смердящие смерды!
 Сколько их ни топчи,
 Вновь растут как трава.

О, гонимый народ!
 Твоего родословья страницы
 Невесёлых мечтаний
 О правде и воле полны.
 Не из них ли взяла
 Свой разбег тройка-птица,
 Чтобы вечно лететь
 Над простором страны.

Не избыть мужика
 Ни битъём,
 Ни кандалною цепью.
 И когда разрывалась
 Терпенья тугая струна,
 Пыхали пожаром
 Поволжские дикие степи,
 На Москву надвигалась
 Мужичья война.

3

Истории ветер
 Летит по разлому России,
 По каждому сердцу,
 По каждой судьбе прямиком.
 Со скрежетом рушатся наземь
 Гербы вековые.
 Летят на булыжник орлы
 Коронованным лбом.

– Погибла Россия!..

– Россия победно воскресла!..

Слова атакуют, сшибаются,
 В сердце без промаха бьют.
 Призывным плакатам
 На стенах расстрелянных тесно.
 Из словолитен
 Всё новые толпы их прут.

Восстанья круги
 От столицы бегут к захолустью,
 Равняя сословья,
 Сдирая чинов шелуху.
 Задворки страны,
 Что пропахли обломовской Русью,
 Встряхнулись, прозрели, –
 И Ленин у всех на слуху.

4

Спит мещанский Симбирск,
Февралём убаюкан –
Обещаньем свободы,
Раздела земли.
Отшумела в садах
Листвяная осенняя вьюга,
Ледяные зазимки
На зелень отавы легли.

Гулко грянул Октябрь –
Революции огненный праздник.
Будоражит страну
Обновления жуткая новь.
Но Симбирск молчалив,
Монастырский,
Лабазный,
С кистенём под полой,
Ошалевший от яви и снов.

Мыслят люди с деньгой:
Лучше пусть верховодят эсеры.
Совнаркомия Питера
Нам, волгарям, не указ.
Наша местная власть
Вся купеческой веры.
Их мы знаем насквозь –
Покупали не раз.

Спит мещанский Симбирск,
Но в казармах шумят о свободе
Те, кто с вошью окопной
Был три года на «ты».
И пять сотен рабочих
Бузят на патронном заводе.
И крестьянин ко лбу
Поднимает щепотью персты.

Он ещё не опомнился,
В строки вчитавшись декрета,
Что в обмотке привёз
С галицийского фронта шабёр:
– Надо землю делить!
Неча ждать учредилки и лета.
Не помогут слова,
Так поможет топор!

Он молчит,
Но «люблю» сердце шепчет землице.
И мозолят глаза
Тыщи потных борозд.
До рабочей зари
Мужику будут в мареве сниться
Неба край,
Да копыта,
Да взмыленный хвост.

Он приникнет к земле,
Задохнётся от жара,
От затаённого
В почве огня.
Буйно щедра
Чернозёма опара,
Насквозь пропотевшая,
Будто холка коня.

Дождь пойдёт по земле,
Пашню каплями тыча,
Ярый дождь, что ждала
Вся земля
Столько дён!
И сорвутся к земле
Струи
Сотнями тысяч
Тугоскрученных ветром
Золотых веретён!

Как желанно мила
Зеленям эта пряжа,
Дармовщинный и сладкий
Весенний поток.
И потянется к солнцу
Хмельно и протяжно
Зеленоклювый
Дрожащий росток...

Золотое зерно
Защекочет ладоней мозоли.
Зажурчат жернова,
Сладко в ноздри пыли.
Не мечтает мужик
О другой, лучшей доле:
Лишь бы стала своею,
Навеки земля.

5

Светлый день – воскресенье!
 Рынок в Симбирске
 Колобродит, как стачка,
 Мычит и визжит.
 Из-под круга точильного
 Спятся искры.
 И заря кровянит
 Голубые ножи.

Любит сердцем точильщик
 Работу хмельную,
 От которой земля
 Закачается вдруг,
 Когда вопьётся
 Взасос, в поцелуе,
 Нож заголяшный
 В наждачный круг!

Точи, пролетарий,
 Косы и вилы,
 Кали, окунай
 В родниковую студию!
 Земля раскрутилась
 Гудящим точилом –
 Вылетел в небо
 Млечный путь!

Рынок в Симбирске
 Шумит, колобродит.
 Из уха в ухо
 Слушок течёт:
 – Керенки больше, того,
 Не ходят.
 Только царь-золоту
 Вечный почёт.

В руках у кого-то
 Мелькнула газета.
 Споры.
 И некому речи пресечь.
 – Быстро новая власть
 Производит декреты.
 – Как блины их печёт.
 – Как бы рот не обжечь.
 – Кто их знает?
 Там Питер, Советы.
 Здесь начальство и баба.
 Я лучше на печь.

Как огонь в самокрутках,
 Имя пыхает:
 – Ленин. Ульянов.
 Пожилой старожил
 Мужикам из Тагая внушал:
 – Это наш, симбирянин,
 Без всяких обманов.
 Я его самого
 И отца его знал.

– Это надо ж! –
 Качали вокруг головами.
 – Наш, симбирский!
 А может, ты врешь?..
 – Я тогда промышлял
 В их порядке дровами.
 Брехуном не дразнили.
 Неужто похож?

– Ну, и как из себя он?
 – Кто?
 – Ленин тот самый.
 – Был смиренный мальчишка,
 Но взглядом востёр.
 Волосы будто лампадное пламя...
 – Ты гляди, а докуда допёр.
 – Чай, из богатых?
 – Какое богатство.
 Домик, сад,
 Ребятни полный двор.

...Рынок,
 Стихнув,
 Внезапно звереет от ора.
 Плещет смрадная ругань
 Из глоток, как дым.
 Ловит скопом толпа
 Карманника вора.
 Наземь свалив,
 Нависает, как туча,
 Над ним.

Смертью пахнуло,
 Могильной землёю.
 Жизнь востепенулась,
 Почуяв провал.
 Воздух густой
 Разорвал над толпою

Выстрел,
И с крыш
Воронье посдувал.

Рынок отпрянул,
Немой от испуга,
Чтоб обернуться
И вызверить лик.
Ноги расставив
И подняв руку,
Встал на телеге
В шинели мужик.

Рядом ещё.
Но негусто,
С ползвода.
Крепкие парни.
Винтовки, штыки.
– Граждане!
Власть в руках народа!
Правят Россией
Большевики!
– Сам-то ты кто?..
– Я пришёл от Совета,
Чтобы отдать правду Ленина
Вам:
В своих деревнях
Создавайте комбеды,
Землю делите
По головам!

– Мы бы ничо,
Да чего бы не вышло...

– Хватит, слезай!
Что пустое брехать?
– Уши развесили:
К новому дышлу
Всех вас привяжут,
И ну – погонять!..

– Хватит, как малых детей
Нас баюкать!

– Эх, мне бы, батя,
Винтовку да штык.

– Бери в намозоленные
Мослатые руки

Плуг революции,
Русский мужик!

Трудно и страшно
С духом собраться.
Мужик всё примерит
Не раз и не пять,
Прежде, чем бунтом
Пойти на богатство,
И на господ
Свою руку поднять.

А точильщик всё точит,
Камень кружится.
От весёлой работы
Трепещет душа.
И сыпятся искры,
Как перья жар-птицы
С раскалённого кругом
Голубого ножа.

6

Клубился зной
Колочий, злой.
Желтело небо, как рогожа.
Страбастал голод
Пятернёй
За глотку
Нищее Поволжье.

Смерть шла
По выжженным полям
Тенями рваными
Пожара.
И кровью наливался шрам
На детской шее
Комиссара.
Угрюмо заседал
Комбед.
Бесхлебье
Обсосало лица.
И падал из окошек свет
На злые
Острые ключицы.

Крик петушиный.
Выстрел.

Стон.
Скрипят ворота, как протезы.
Клокочет в глотках
Самогон.
Лежат за пазухой обрезы.

Огнём обкусанный забор.
Голов отъятых
Позевота.
Скороговорка пулемёта.
И пуля
Разрешала спор.

7

Голенаста, как аист,
Мозолины глаже,
Вымахав,
Тысячи пашенных вёрст,
Висит на амбаре
Старинная сажень,
Деревянные ноги
Топыря вразброс.

Сделал её,
Когда был ещё в силе,
Дед,
Воротившись с гражданской домой.
Землю
Навечно крестьянам делили,
Счастьем ржаным
Одаряли с лихвой.
Путаясь в полах
Пробитой шинели,
С саженью шёл он,
Спеша со всех ног.
Землю делил мужикам
И артели,
Мощностью
В шесть лошадёнок и сох.

Всех наделил
И запрягся в работу.
Залежь ломал
И в отход уходил.
Чтоб прокормить десять ртов –

Всю голоту,
От зари до зари
Выбивался из сил.

Как она пахла,
Родная земляца,
Плугом обласкана.
Вся в зеленях,
Вот и досталось судьбе
Распрямитесь,
Больше не чудился
Голод и страх.

Малость окрепнув
К тридцатому году,
Думал,
Что дальше помчит рысаком.
Но для крестьянства
Другую свободу
Выдумал вождь
В кабинете своём.

Так зануздали –
Не брыкнешься даже.
От мужика
Отшатнулась земля.
Снова ладони
Мозолила сажень,
Пашню для нового счастья
Деля.

Тем, кто покрепче,
Под самые срубы
Землю обрезали,
Что негде встать.
Медные трубы
И чёртовы зубы –
Всё это им
Предстояло узнать.

Сбрую снесли,
И скотину согнали
В общий загон.
Сочинили колхоз.
Этих сослали.
Этих избрали.
Этих молчком отнесли
На погост.

Новая жизнь
 Стала тише и глаже.
 Думать не надо,
 Коль всё решено.
 Мерила труд
 Бригадирова сажень.
 Время катилось.
 Куда? – всё равно.

Русская доля,
 Судьба ножевая!
 Горечь утрат.
 И забвенья трава.
 Только застонет душа,
 Прозревая,
 В горле занозой
 Застрянут слова.

8

Бушует Волга.
 Даль сокрыта мутью.
 И на душе предчувствие судьбы.
 Дрожит причал, отшвыривая грудью
 Свинцовых волн насупленные лбы.

Бугры воды взрываются, сверкая,
 И зыбится пучина, отступив.
 И слышит сердце, плача и стеная,
 В прибое к бунту яростный призыв.
 Моя душа подвластна грозной смуте.
 В ней всполохи бунтарского огня.
 Я знаю, что на русском перепутье
 За всё, что будет, спросится с меня.

Бунтует Волга – пленная стихия,
 Грызёт плотины, рушит берега.
 Во мне бунтуют совесть и Россия,
 Бунтует Божья правда мужика.

ПРОЗА

Галина АЛЯЕВА

Коммуналка

Как удалось заполучить комнату в огромной коммуналке в пяти минутах от знаменитого Арбата, Мария Валентиновна не любила вспоминать. Что ворошить былое? Она была молодой, привлекательной, и поклонники нередко совершали ради неё необдуманные поступки.

Впрочем, со стороны Бельского и не было никакого безрассудства. Человек вхож в нужные кабинеты, имеет влиятельных знакомых. Ей так казалось. Потом узнала: Бельский любовник престарелой начальницы отдела кадров, по совместительству секретаря партийной организации (парторга), а в свободное время от идеологической и кадровой работы – большой любительницы телесных утех. Вот она, надёжный и проверенный годами товарищ, действительно была вхожа в нужные кабинеты и имела влиятельных друзей. Бельский всего лишь запоздалая любовь немолодой женщины, когда-то мечтавшей о любви, муже, детях, но не заметившей в пылу партийной прыти скоротечность обывательской жизни.

Когда Мария Валентиновна, тогда ещё пятикурсница Маша, сдавала государственный экзамен – научный коммунизм и готовилась к защите дипломной работы, её мама, Алла Петровна, металась по родной Рязани в поисках Паши – Павла Борисовича Иванова. Когда-то он, главный инженер рязанского дорожно-строительного управления, ухаживал за ней. И он, и она были несвободны, но разве настоящей любви условности и преграды могут помешать? Роман был бурный, с цветами, подарками, тайными встречами за городом...

Вскоре чувства улетучились, и они расстались. Но она хорошо запомнила его заверения: «Если что, всегда готов!».

И вот «если что» наступило. Дочери, никогда не числившейся в списках лучших студентов, грозило распределение в Луховицы, Можайск или... Рязань, если, конечно, повезёт. Алла Петровна такого поворота в судьбе дочери допустить не могла.

Галина Андреевна Аляева – публиковалась в журналах: «Кольцо А», «Московский журнал», «Союз писателей», «Наше поколение» (Молдова) и др. Автор трёх книг. Член Союза журналистов России и Союза писателей России.

Живёт в Красногорске.

Последние два года она только и мечтала, как близким и друзьям преподнесёт сюрприз: моя Маша – москвичка. Пусть завидуют!

Павел Борисович нашёлся в московском главке, где занимал не последнее место. Как Алла Петровна попала к нему на приём, сразу ли он узнал в располневшей даме страстную Аллочку, и было ли между ними что-то – тайна, интересная немногим. Важнее результат – превосходное распределение: московский проектный институт с общежитием.

Маша, как молодой специалист, имела право на получение жилья, что и случилось ровно через три года. Институт гудел как самовар, узнав такую новость. Проектировщики и сметчики, инженеры и технологи, бухгалтеры и плановики обсуждали небывалое событие: Маша Егорова, рядовая сотрудница без особых способностей и талантов, получает жильё. И какое? Комнату в коммуналке, предназначенную Оленьке Гусевой.

Сама Маша узнала, что её персона вызывает неподдельный интерес, случайно, в дамской комнате.

– Татьяна Викторовна, о чём вы говорите? С этой Егоровой всё понятно. На лице всё написано.

– Ну, что вы, Ниночка?! – Маша распознала голос экономиста из планового отдела. – По внешности трудно судить о человеке.

– Ой, не знаю. Может быть, и трудно. Но Егорова ещё та штучка. Просто шлюха!

– Разве дело в Егоровой? Она своё получит. Меня больше волнует Оленька. Как теперь она будет.

– Ой, и правда! Оленьку жалко, сил нет.

Разговоры, что она шлюха, её почти не тронули. Пусть говорят. Завидуют, вот и говорят. Но кто такая Оленька? Почему о ней так пекутся? И какое она имеет отношение к её комнате? Маша забеспокоилась. Комнату она уже видела, не ахти какая, но в центре и... своя! Разве она смела мечтать о таком год назад?! Если бы не Бельский!

* * *

Чуть больше года назад, пятого ноября, институтские дружно готовились так же дружно отметить приближение очередной даты Октябрьской революции. Большая часть сотрудников, явившись на работу без опоздания и нервно отсидев двадцать-тридцать минут на рабочих местах, рванули по ближайшим магазинам в поисках дефицита и... не дефицита. Оставшиеся дежурные чистили картошку, резали салаты, попутно отвечая на телефонные звонки. К обеду отоваренные продуктами сослуживцы плавным ручейком потекли назад в институт. Постепенно замолкли телефоны, документы, с утра разложенные на столах, так, на всякий случай, вернулись на полки, праздничный стол радовал глаз разнообразием, женщины наносили последние штрихи красоты...

В томительном ожидании прошло ещё несколько часов, многие не выдерживали, закрывались в кабинете и украдкой наполняли, по чуть-чуть, разнокалиберную посуду. В четыре часа вечера все собрались в актовом зале и, поглядывая на часы, рассеянно выслушали торжественные выступления секретаря партийной организации и профсоюзного лидера и, еле-еле дождавшись последнего слова выступающего, разбежались по кабинетам...

К часам шести вновь стали собираться в актовом зале. Зазвучала музыка и начались танцы. Зал заполнился нарядными женщинами и непривычно развязными мужчинами. Смех, шутки, и чем больше пустели запасённые бутылки, тем громче звучали голоса и исчезала скованность в движениях.

Несколько сотрудниц, известные своим любопытством к человеческим слабостям, расположились в конце зала, они с интересом наблюдали за распоясавшимися коллегами. Уже завтра из отдела в отдел поползут слухи, кто сколько выпил и вёл себя неподобающе; кто с кем танцевал, слишком тесно прижавшись разгорячёнными от вина телами, кто с кем закрылся в пустом кабинете и находился там до неприличия недопустимое время, кто кого пошёл провожать. Эти собранные факты либо забывались, если не имели подпитки, либо обрастали подробностями и становились достоянием длительных пересудов.

В самый разгар праздника Маша засобиравшись домой, но знакомый парень из планового отдела остановил:

– Уходишь? Что ты?! Через час начнётся самое интересное. «Бабки» скоро разбегутся, и можно будет оторваться. Оставайся.

– Что-то не хочется. У нас в отделе скучно, никто не танцует.

– Зато у нас весело! Пошли к нам. У нас, сама знаешь, коллектив молодой. Пошли.

Парень обнял Машу за плечи и потянул за собой, она не стала сопротивляться.

В плановом отделе за столом сидело человек пятнадцать, многие из других отделов. Входная дверь то и дело издавала резкий скрипящий звук, впуская новых гостей или выпуская старых.

Вскоре Маша и ещё несколько человек, весело переговариваясь, спустились в танцевальный зал. Звучал голос Софии Ротару «Лаванда, горная лаванда». Она не заметила, как оказалась рядом с Михаилом Алексеевичем Бельским, он бесцеремонно подхватил её и прижал к себе. Он и других женщин приглашал так танцевать: подойдёт сзади или сбоку, ничего не говоря, обнимет за плечи или талию и ведёт в центр зала.

– Я тебя раньше на наших вечерах не замечал.

– Первый раз решила остаться.

– Правильно. У нас праздники всегда весело проходят.

Следующий танец они опять танцевали вместе, потом он куда-то ушёл, вернулся, ушёл.

Когда стрелки часов подходили к десяти часам вечера, Маша, натацевавшись, поднялась в кабинет. Скрипнула дверь, она оглянулась. Бельский. Сердито взглянув на гору грязной посуды и десяток пустых бутылок, усмехнулся:

– Хоть, кто бы догадался убрать. Пока не прикажешь – никому ни до чего нет дела. Вот свиньи. Ладно. С этим завтра разберёмся. Они знаешь, где у меня? Вот где. Я их всех имею, как хочу. – Он сжал кулак и погрозил закрытой двери. Вскинув головой и взглянув на Машу мутными глазами, продолжил. – Всё будет завтра, сегодня праздник. Давай мы, Машенька, выпьем. – Он взял бутылку.

Она наблюдала, как прозрачная жидкость медленно стекает по заляпанным стенкам бокала.

«Нужно уйти» – подумала она.

– Ты, девочка, не спеши, – Бельский словно угадал её мысли. – Уйти всегда успеешь. Но знай, со мной лучше не ссориться. Если будешь девочкой

умной и мне понравиться, у тебя будет всё – и должность, и жильё. Подумай, девочка.

Маша Бельскому понравилась. Ох, как понравилась. Он даже на время забыл про своего парторга. Кадровичка сначала подшучивала над ним: «Что-то ты совсем забыл свою девочку», – потом пригрозила: «Смотри, кобель, был ничем, ничем и станешь». Бельский быстро вернулся в нужную постель, не забывая при этом и о Маше.

Вот тогда Маша и выдвинула ультиматум: «Хочешь на двоих работать – работай, но и расчёт имей. Говорил, всё в твоих руках. Докажи. Жить в общаге надоело и по твоим съёмным квартирам таскаться тоже. Хочу свой угол. Будет квартира или пусть комната в коммуналке, но своя, буду терпеть твои шашни со старухой. Нет – ищи себе другую дуру».

Бельский подумал-подумал и ответил: «Будет тебе угол!» – и потащил в постель.

И вдруг какая-то Егорова!?

Маша в этот же день поинтересовалась у Бельского, кто такая Оленька Егорова?

– Сметчица, из проектного. Рожать ей скоро. Профсоюз за неё. Но у меня сила, сама знаешь какая. Так что не волнуйся, скоро новоселье справишь.

Маша вспомнила маленькую, щуплую девчонку, старше её лет на пять. Такая незаметная, робкая, всегда первая поздороваётся, пропустит вперёд в очереди. И зовут её точно! Ольга!

Когда-то Оленька Егорова встречалась с парнем, свадьбу назначили, но за месяц до росписи жених погиб. Кто-то с балкона бутылку из-под шампанского выбросил. Был человек и не стало. Оленька несколько лет в себя не могла прийти. Потом встретила другого, хорошо говорил, хорошо ухаживал. Но когда она забеременела, словно под землю провалился. Оленьку уговаривали аборт сделать, но она решила: буду рожать. И никто не осудил, слова плохого не сказал. Только все поддерживали и помогали.

Маше, конечно, Егорову жалко, но добровольно отказаться от комнаты?! Нет! Каждый устраивает свою судьбу, как может.

* * *

За тридцать с лишним лет, что Мария Валентиновна прожила на Арбате, изменилось многое. Нет проектного института, как и других проектных, научно-исследовательских и прочих организаций, заводов, фабрик. Нет страны, в которой она родилась, училась, работала. Из прошлого почти ничего не осталось. Даже друзья стали другими. Только комната в коммуналке. Её прошлое, настоящее и, надо полагать, будущее.

Замуж Мария Валентиновна не вышла. Не сложилось. Слишком долго не отпускал Бельский, всё требовал расплаты за арбатские метры. Успокоился, когда она ушла работать в другое место. Да и не до этого стало. За окном шумела перестройка. Другие мужчины, было их у Марии Валентиновны немало, попадались то женатые, то пьющие, или бесквартирные, и казалось ей, что любовь их замешана на прописке на её драгоценные метры.

Комната для Марии Валентиновны стала больше, чем стены, пол и потолок. Она словно приросла к ней душой, здесь дышалось, болелось легче, и приближающаяся старость не пугала. И вдруг соседка вечером говорит:

– Мария Валентиновна, вы как смотрите на разъезд?

– Какой разъезд? – сделала вид Мария Валентиновна, что не поняла, а ноги ватными сделались.

– Из коммуналки разъедемся по отдельным квартирам. Осточертело в общей ванной мыться и на одной кухне четырёх хозяйкам толкаться. Покупатель хороший вариант предлагает. Каждой семье по отдельной квартире и ещё доплату. Мы согласились, и Петровы согласны. Аганесян сказал: ему всё равно, где жить. Лишь бы семью свою многочисленную перевести из Армении. Там войну ждут. Одна вы остались. Покупатель обещался к вам завтра утром приехать. Всё обговорить. Вы уж никуда не уходите. Я думаю, вам тоже соглашаться нужно. Хоть перед смертью в отдельной квартире поживёте.

– Соглашаться или не соглашаться, сама решу! А помирать я не собираюсь. Вас всех переживу! – зло проговорила Мария Валентиновна, хлопнула дверью и закрылась в своей комнате.

– Сколько влезет, столько и живите! – закричала ей вслед соседка. – Но переезжать всё одно придётся. Не захотите добровольно, заставим.

Мария Валентиновна не спала всю ночь, думала. Покупатель для их огромной, пусть и аварийной, квартиры не новость. Новые русские в малиновых пиджаках скупали арбатские дома этажами. На днях она разговаривала со знакомой, та жаловалась – во всём доме только в одной квартире остались старые жильцы, в других идёт аховый, по-новому, евроремонт.

– Жизни не стало, готова за тысячу вёрст уехать, лишь бы не видеть этих новых малиновых и зелёных бандитов. Хуже саранчи, хуже комиссаров в кожанках, – сетовала знакомая.

Она была из репрессированных, до революции её деду принадлежал подъезд, отец с матерью до ареста жили в квартире, дочь доживала свой век в двенадцатиметровой комнате, которую и ту вот-вот отберут.

Мария Валентиновна бежать «за тысячу вёрст» не собиралась. Стоять за свой угол будет до последнего. Так она решила.

Утром, как и было обещано, раздался дверной звонок. Мария Валентиновна слышала, как соседка открыла дверь, о чём-то переговорила с пришедшим или пришедшими, затем раздался стук:

– Мария Валентиновна, это к вам. Можно войти?

Мария Валентиновна ничего не ответила. Соседка приоткрыла дверь и, увидев, что хозяйка в строгом костюме, аккуратно причёсанная, сидит за столом, вошла и пригласила идущих за ней незнакомцев.

Среднего роста щуплый с цепким взглядом лысый негромко приказал:

– Здесь оставайтесь. Если что, я позову, – и два или три, Мария Валентиновна не разглядела, спутника его остались в коридоре.

– Меня зовут Михаил Алексеевич, – представился он, без интереса окинув взглядом комнату, и быстрее утверждая, чем прося, сказал: – Я присяду. Соседка засуетилась:

– Я, пожалуй, пойду.

На неё никто не обратил внимания. Михаил Алексеевич цепко смотрел на хозяйку комнаты:

– Не люблю ходить вокруг да около, поэтому сразу к делу. Я решил купить вашу квартиру. Понимаю, вы живёте тут давно, лет двадцать пять...

– Осенью будет тридцать один год, – весело сказала Мария Валентиновна.

– Тем более. Но я предлагаю вам отдельную однокомнатную квартиру в любом районе Москвы. Не буду скрывать, на окраине. Хотите в Марьино, хотите на Сходненской или Планерной. Мои адвокаты подберут вам любой

район. И неплохую доплату. – Он назвал сумму, у Марии Валентиновны перехватило дыхание.

«Сумасшедшая цифра в этих, как их долларах, – подумала она. – А если перевести на рубли?»

– Не хотите однокомнатную, можно двушку. Но доплата будет в три раза меньше. Но зачем вам двушка? Вы одинокая, детей нет. Думаю, лучше однокомнатную. Доплаты вам хватит безбедно прожить до конца дней. Я же всё равно буду здесь жить, вопрос только во времени. – Он посмотрел в глаза собеседницы, и Мария Валентиновна поняла: будет, как он сказал. – Хочу по-хорошему. Обычно такие вопросы решают мои люди. Но я старость уважаю, поэтому сам пришёл и предлагаю вам свои условия. Соглашайтесь, всё будет хорошо.

– Если я не соглашусь? Убьёте?

Михаил Алексеевич засмеялся:

– Зачем же сразу убивать!? Глупости всё это. Телевизор посмотрелись, вот и думаете, если человек с деньгами, то сразу бандит?

– Где же вы столько денег взяли?

– Заработал.

– Честно не зарабатываешь.

– Правильно, совсем честно в этой стране не зарабатываешь. Но можно зарабатывать и без убийств. Мой бизнес – компьютеры. Слышали про такое?

– Почему вы говорите – эта страна, в этой стране? Что за мода такая? Слово и не живёте здесь, и не родились здесь и не учились?

– Меня мама тоже всегда ругала, почему говорю «эта страна», а не моя страна. Наверное, как и вы – телевизор посмотрелся.

Некоторое время в комнате было тихо, потом Мария Валентиновна спросила:

– Почему вы выбрали эту квартиру. Что, других больше нет?

– Есть. Я, в общем-то, не выбирал. Сказал: мне нужен Арбат, мне и подыскали.

– Почему Арбат, других хороших мест что ли нет в Москве?

– Мама так хотела. Ей когда-то давали комнату в этом районе.

Михаил Алексеевич раздражённо посмотрел на часы, пустые разговоры его явно нервировали.

– Давали? – что-то в Михаиле Алексеевиче, было ему около тридцати, показалось Марии Валентиновне знакомым: небольшой рост, щуплый...

– Да, давали. Мама улицу, номер дома и квартиры называла, но я забыл.

– Так почему не дали? – в груди Марии Валентиновны всё сжалось.

– Что-то не сложилось. Знаю только, другая ордер получила. Мама же всю жизнь прожила в общежитии. Там меня родила и воспитала. Лишь когда заболела, согласилась из общаги перебраться ко мне за город. Перед смертью часто говорила Наталочке, это моя дочь: вот, внучечка, всю жизнь прожила, а оставить тебе нечего. Я ей тогда обещал: будет у твоей Наталочки квартира на Арбате. Так, что, Мария Валентиновна, надумали?

Мария Валентиновна с ужасом в незваном госте стала различать черты Оленьки Егоровой. Только у той лицо светилось добротой и открытостью, а у него проглядывала хищность и беспощадность.

– Как звали вашу мать? – с замиранием спросила Мария Валентиновна.

– Ольга Алексеевна Егорова. И я Егоров. Михаил Алексеевич Егоров.

Мария Валентиновна побледнела и выдавила из себя:

– Я согласна.

ПРОЗА

Елена ТКАЧЕВСКАЯ

Елена Петровна Ткачевская – кандидат химических наук, доцент, участник ЛИТО Центрального Дома учёных РАН, участник литературного клуба ЦДЛ «Московитянка», член СП XXI в.
Живёт в Москве.

«И слово становится памятью...»

Прежде слова была тишина,
После слова тоже будет тишина,
Но это будет другая тишина,
Ведь слово дало ей новое звучание,
Другое знание...
И слово становится памятью,
И тогда его слышно даже в тишине.

Прошлое с лёгкой досадою – проворонили,
С настоящим – поторопились...
Лишь кроны деревьев да облака заоконные
Воспоминаньями наслоились.

Менялось количество стен да углов,
Нарастающий крен потолка проявлялся,
А рассудок-то был совсем не готов
Время текущее принимать, сопротивлялся.

Что текучесть пространства того, которое *вне*,
По сравнению с бурей того, что *внутри*?
Слово то, что всплывало при полной Луне, –
Шестибуквенно, посмотри...

Что рыбаку улов? Забава? Пропитанье?
Не наломать бы дров да избежать скитанья
Вне дома своего.

Посулы велики... А сбудутся? Едва ли.
Пустынные пески сыпучи и жарки,
Бесстрастны оттого.

Что заповедь и зов? Надежды нележки.
И рыбный свой улов лелеют рыбаки
Надёжнее всего.

Хочешь, конечно же, хочешь уйти от обыденного...
А опыта хватит ли, пережитого-увиденного?
Достанет ли знания чудесного
От земного до поднебесного?
Уму не страшна ли та искра безумья,
Сила которой – из жерла Везувия?
С античных времён разве нить Ариадны –
То, что тебе действительно надо?
В глубинных глубинах сознания
Таких ли чудес признание?
Сквозь каплю росы –
Преломленье лучей на часы,
И вот уже время не так ощутимо.
По росной траве мимо
Утренней тени, не видя ни зги,
Минуя сомненья, беги же, беги.

Я, мысленно, – в заоблачной стране,
Там горы и моря доступны мне,
Такие там пейзажи и просторы,
В реальности отсутствие которых
Меня не радует, но, к счастью, не тревожит,
Воображение раскрасить тусклость может...

Александр Александрович Тихонов – родился в 1990 г. в п. Большеречье Омской области. Работает заведующим научно-краеведческим центром им. А.А. Жирова в Тарской центральной районной библиотеке. Стихотворения и проза публиковались в журналах «Наши современники», «Роман-газета», «Подъём», «Север» и др. Автор книги стихов «Облачный парус» (Омск, 2014), романа «Охота на зверя» (Москва: АСТ, 2016), соавтор научно-популярной книги «Сила Сибири. История Омского края» (Омск, 2016). Лауреат всероссийских литературных премий: им. М.Ю. Лермонтова (2015), «В поисках правды и справедливости» (2016), региональной литературной премии им. Ф.М. Достоевского (Омск, 2015).

Живёт в городе Таре Омской области.

«И опять напрямик...»

За плечом у ангела-хранителя –
Белый свет. Храни его, храни.
Пусть он знает, в мире не одни
Он и я. Тем жизнь и удивительна,
Что не ясно, то ли вечный бой
За меня ведёт броня живая,
То ли я от мрака закрываю
Ангела-хранителя собой.

Цвела Атлантида. И шли по реке корабли.
И с музыкой тёплой ложились ветра на причалы.
Жила Атлантида. Великая. В центре земли.
И гостя любого как старого друга встречала.

Теперь говорят, что всё было иначе, но я
По лицам чинуш, по их едкому, сальному тону,
Всё понял – скрывают. Была Атлантида моя!
Сидят и боятся пускать на руины Платона.

Вывозят леса. Драгоценные. Красных пород.
Пылят большегрузы, сминая асфальт по дорогам.
Была Атлантида. Её многоликий народ
Теперь забывает, но всё ещё помнит о многом.

Её захлестнуло. И смыло. И будто бы нет.
 Руины заводов как древние замки вдоль трассы.
 Лишь память о прошлом сменяется звоном монет,
 Становится байкой для сытого «среднего» класса.

Прощай, Атлантида... Один у обрыва стою.
 Крикливая чайка кружит над волной одичало.
 Я слушаю ветры. Лишь ветры правдиво поют
 О том, что однажды всё снова начнётся сначала.

Так что же, не нам обживать край житейских стремнин,
 На старых фундаментах фермы и фабрики строить?
 Привет, Атлантида! Быть может, я твой гражданин,
 Препрекий вслед многим рождение нового строя.

Была Атлантида. И будет. Иначе нельзя.
 Иначе мы предали все начинания предков.
 Горячие ветры, над гладью речною скользя,
 Поют нам о прошлом. Свежо. Неразборчиво. Редко.

Беспросветное времечко,
 Да сосед-хитрован...
 Зацелованный в темечко,
 Шёл по жизни Иван.

Обобрали наивного.
 Был раздет и избит.
 Сколько видывал дивного?
 Сколько было обид?

Горе жгло и корёжило
 На потеху врагам.
 Меж похмельными рожами
 Вёл Господь дурака.

Раны прежние зажили,
 Поутихло в душе.
 Кто там плёткой охаживал?
 Он не помнит уже.

Крест с распятым учителем
 Покачнулся на миг...
 Улыбнулся мучительно,
 И опять напрямик.

Хмельные речи лезут на язык:
 О премиях, о конкурсах и планах.
 Но первый тост не вышибет слезы.
 Он самый незатейливый... и странный.

А вот второй... Признания звучат
 И пьёт поэт коньяк, притворно морщась.
 О тех, кого на свете нет, сейчас
 Мы третью опрокидываем. Молча.

Опять горланит шумная толпа,
 Деля людей на «наших» и «не наших».
 Судьба снимает поварской колпак –
 Она не зря заваривала кашу.

Сейчас допьём – и ну её хлебать.
 Писать стихи и грезить о высоком.
 Кому-то – свет и свежие хлеба,
 Кому-то – водка горевейным соком.

Бог весть, что будет, где найдём ответ
 И что придётся испытать при этом,
 Чтоб без зазренья совести поэт
 Мог сам себя именовать поэтом.

Леонид

*Памяти поэта
 Л.Н. Чашечникова*

Закрыта книга, но строка звенит.
 Так меч простора просит, в ножнах лёжа.
 Не древний царь спартанский Леонид
 Владел клинком, но сельский мальчик «Лёша».

А путь его был долог и тернист:
 Сквозь сумерки времён, навстречу свету
 Шёл молодой, весёлый баянист,
 Наш Лёнька – выпускник из «культпросвета».

До самой смерти гол был как сокол.
 Ленивую размеренность разрушив,
 Сквозь масло будней остро шёл глагол,
 Заточенный, чтоб жечь сердца и души.

Вскипала, раскаляясь добела,
Поэзия, замешанная с кровью.
Судьба же «Николаича» вела
То в Астрахань, то вовсе в Подмосковье.

А строчке нет покоя. Всё звенит.
Всё требует, чтоб я прочёл и понял.
Как будто ждёт почивший Леонид
Того, кто вложит меч в свои ладони,
Чтоб слово обожгло живым огнём
И в ясности звенящей укрепило...

А русские поэты день за днём
Подмоги ждут. И гибнут в Фермопилах.

На дороге в Тифлис – два вола, запряжённых в арбу.
А навстречу коляска с кудрявым, смешливым поэтом.
Позже он убеждал себя, дескать, про всё позабудь...
Но до смертного часа в подробностях помнил об этом:

Как скрипели колёса, как жарко курился рассвет,
На полнеба алел, словно свежая рваная рана.
«Вы откуда?», – спросил у смурного возницы поэт.
Тот взглянул отрешённо и вымолвил: «Из Тегерана».

По накрытому тряпками грузу скользнул острый взгляд,
И напуганный Пушкин, страшась и желая ответа:
«Что везёте?» – шепнул. И как будто качнулась земля,
Оглушённая страшным известьем: «Везём Грибоеда».

На дороге в Тифлис, на изломе горючих времён,
Два следа от повозок в пыли раскалённой белели.
Так двух гениев – каждый великим талантом клеймён –
Параллельными курсами в вечность вели параллели.

Но ни пыль, ни пурга не меняют истории суть.
По кровящей неонем столице из «Внуково» едут
Похоронной процессией. Спросят: «Кого там везут?».
Но ответ всем известен, конечно: «Везут Грибоеда...».

Из тьмы на свет стремятся единицы.
В политику играет – большинство.

Мне поле бездоленное снится,
И желтоватый свет через ресницы –
Свет из пшеничной юности его.

Проснусь, а всюду снова делят власть.
Орать готовы и махать руками,
Друг друга клясть и заливатьсь властью
О том, из-за кого беда стряслась.
А поле зарастает сорняками...

Никто не сеет истины зерно,
Со звонким «...ля» нашла коса на камень.
Как любят власти рассуждать умно!..
Но от речей их сделалось темно
Над полем, что кормило нас веками.

Лишь позовут свергать царя,
Поманят троном –
И вновь кровавая заря
Над тихим Доном.

Хоть нет от правды ни следа
В заморской мантре,
Уйдёт на киевский майдан
Безусый Андрий.

Потом: нацгвардия, Донбасс
И встреча с батей.
А дальше «Сынку!» хриплый бас.
А дальше... Хватит!

Но сквозь года и города:
«Я слышу, сынку!»,
И не ответит никогда
Остап из цинка.

Вот только кровь на всех одна
И горечь дыма.
На тех и этих тишина
Неразделима.

Смешает повести финал
И быль и небыль.
Ждёт тех и этих тишина,
Земля и небо.

После паводка

1

Вымокло в посёлке дачном, кажется,
Каждое худое деревцо.
И берёза, что когда-то саженцем
Привозили из лесу с отцом.

Думали – пройдут десятилетия
И под этим деревом родня
Будет наше вспоминать наследие,
Называть прапрадедом меня.

Обхватила грязь сапог резиновый,
И шипит: «попробуй, отними!».
Споря с новоявленной трясиною,
Я спешу к берёзе напрямик.

Под ногами хлюпкий август плещется.
Чуть не вскрикнул в тот же миг, едва
Углядел, как истово трепещется
Над водой зелёная листва.

Странно эта ветка многолистная
Смотрится в болотистой глуши.
Раз берёза умудрилась выстоять,
Значит, будем сеять. Будем жить.

2

Горел дачный домик за пару аллей от меня.
Постреливал шифер, и дым устремлялся к зениту.
Соседка твердила: «Поди, подожгла ребятня...».
Ага, развлекаются... Не ребятня, а бандиты.

Как будто почуяли: людям теперь не до дач,
Изжёванных паводком этим мучительным летом.
Бесхозные домики будут – судаць, не судаць –
Ломать и сжигать, и гортанно смеяться при этом.

Как взявшие спички лисички, что к морю гурьбой
В известном стишке направлялись, чтоб выжечь стихию.
Мне кто-нибудь скажет: «Вот лучше б следил за собой...
Послушать тебя, так они поголовно плохие...».

Соседка твердит: «Что ж теперь, со шпаной воевать?
У этих вояк – нос сопливый и школьные ранцы...».
А в домике дачном осталась стоять лишь кровать.
Точнее, две спинки и чёрный от копоти панцирь.

ПОЭЗИЯ

Анатолий УВАРОВ

Анатолий Васильевич Уваров – родился 3 апреля 1928 г. в селе Кезьмине Сурского района Ульяновской области. Полковник в отставке. Ветеран Великой Отечественной войны, Вооружённых сил СССР, Атомной энергетики и промышленности Российской Федерации. Член Союза писателей России. Награждён орденом «Знак Почёта», медалями «За воинскую доблесть», «За трудовое отличие», Золотой Есенинской медалью, Большой серебряной медалью Гумилёва, медалями Ивана Бунина, «А.П. Чехов 1860-1904» и многими другими правительственными и ведомственными наградами. Автор книг стихов и прозы: «Кезьминское поле» (2003), «С Отчизной сердце моё слилось» (2008), «Годы-вехи» (2011), «Село Кезьмино. Книга памяти» (2011), «Шифровальщик» (2013, 2014).

Живёт в Москве.

«Я славлю мой двадцатый век...»

Октябрь 1917 года

(к 100-летию Великой Октябрьской
социалистической революции)

Тебе не месяцем осенним,
Октябрь, в календаре стоять,
А тёплым, солнечным, весенним,
Как месяц май – благоухать!

В тот год, когда над Петроградом
«Авроры» залп с Невы блеснул,
Под шум и грохот канонады
Ты людям подарил весну.

Весна, как небо на рассвете,
Над всей Россией зажглась
И в первый раз за все столетья
Народным счастьем началась.

И даже в пасмурную осень
Горит, Октябрь, Твоя звезда,
Тебя народы превозносят
И не забудут никогда.

Незатухающим и вечным,
Как солнце, будешь Ты сиять,
Тебя – весною человечьей
Планета стала называть!

Октябрь, не месяцем осенним
Тебе в календаре стоять,
А тёплым, солнечным, весенним,
Как месяц май – благоухать!

Красная панама

Тот день я помню и сейчас,
Когда, держась за руку мамы,
Пришёл я в школу, в первый класс,
В своей пурпуровой панаме.

Мне сшила коммунистка-мать
Её из красного батиста,
С тех пор и стали люди звать
Меня сыночком коммуниста.

Не знаю, понимал ли я
В том возрасте значенье цвета?
Но знал, что вся моя семья
Жила по ленинским заветам.

Каким счастливым быть могло
Ученье классное в начале!
Но мне в тот день не повезло –
Панамку у меня украли...

Обида хлынула волной
И обожгла мне больно душу...
Вид сделав, что мне всё равно,
Я стал все разговоры слушать...

Не затевал ни с кем я спор,
(Чтоб не сказали, что я нытик),
И вскоре мной был найден вор,
Им был сосед, мой сверстник – Витька.

Панама красная моя,
По глупости его великой,
Лежала в яме среди тряпья –
Она алела там гвоздикой...

И я, как молодой петух,
Напал на Витьку с кулаками
И проявил победный дух
В суровой драке между нами.
Скользил дерущийся клубок
По школьно-гладкому паркету...
Конечно, сорван был урок,
Нас с Витькой привлекли к ответу.

Супрун вёл с нами разговор –
Сверлил директорским нас взглядом,
А мы, сопя, потупив взор,
Стояли молча с Витькой рядом:

Под глазом у меня – синяк,
У Витьки – кровь течёт из носа...
Но было ясно, Витька – враг,
И безо всякого допроса,

Что Витьке оправданья нет,
(Я верил в это очень твёрдо),
И что панамы красный цвет
Я защищал достойно, гордо!

Двадцатый век

Двадцатый век в две трети мой,
Со всеми потрохами:
С колхозом, с армией, с войной,
С НИИИТом¹ и стихами...

Он увлекал в простор дорог,
Мечта² меня манила,
Двадцатый век – МОЙ суд и бог,
Кузнечное горнило.

Я славлю МОЙ двадцатый век –
Без лести, без укора,
Хотя и много человек
Наделал в нём позора...

¹ Институт импульсной техники

² Жить при коммунизме

Текущий век – уже НЕ МОЙ,
 Меня он позабудет,
 И позовёт других на бой –
 Для них горнилом будет...

Но в этом нет большой беды,
 Так было все столетья,
 Ведь только миг – полёт Звезды,
 И миг – тысячелетья.

Двадцатый век – МОЙ светлый миг,
 Он был МОЕЙ судьбою,
 В делах и помыслах моих
 Он был всегда со мною.

Двадцатый век мне подарил
 Жену, детей и внуков:
 Я всех их искренне любил –
 В общеньях и в разлуках.

Я жил, работал, и умел
 Трудиться не вполсилы...
 Ах, сколько было разных дел –
 Хороших, добрых, милых!

Россия к звёздам поднялась
 В победах... и в потерях,
 Чтоб охранять её – спецсвязь
 Мне мой народ доверил.

Я с нею многое прошёл,
 Жил за её бронёю,
 Признание, как поэт, обрёл
 И стал самим собою.

К 58-летию моего пребывания на шифровальной службе

Это было уже так давно –
 В середине двадцатого века,
 И судьбой моей было мне суждено
 Стать военным тогда человеком.

Вот в такие ж весенние дни,
 А точнее – десятого марта¹,

¹ 1949 года

Для меня в первый раз загорелись огни
 Шифровально-секретного старта.

В этот день я впервые надел
 На крестьянские плечи погоны,
 И взяла меня жизнь в свой крутой передел,
 По армейским неся гарнизонам.

Я во многих краях побывал –
 В Средней Азии и за границей,
 И везде шифровал, шифровал, шифровал...
 Вдалеке от советской столицы.

Тридцать лет, по веленью Страны,
 Меня ратная служба носила,
 Я Советский Союз охранял от войны,
 И у нас была мощная сила!

Знали силу Великой Страны
 Люди Старого, Нового Света,
 И была безопасность от новой войны
 Обеспечена нам паритетом...

Но промчались уж те времена,
 Я в бессрочном запасе доныне,
 Только память, бросая свои семена,
 Охраняет Союза твердыню.

Жизнь не терпит застоя и тлена,
 Жизнь – движенье, стремленье вперёд:
 И опять после армии я вдохновенно
 Вновь ушёл в «шифровальный полёт»!

Как свободная птица в зените,
 Не боясь никакой высоты,
 Четверть века опять шифровал я в НИИИТе
 Под эгидой заветной мечты...

И всегда СССР предо мною
 Простирал указующий Перст,
 И всегда мне дарил он, я это не скрою,
 Ещё свой поэтический Крест.

В повседневной служебной заботе
 Проходил шифровальный мой путь:
 Пятьдесят восемь лет, на любимой работе,
 Я берёг шифровальную суть!

Моя ностальгия
(На 90-ом году жизни)

Головою седою уткнусь я в подушку –
Отстранюсь от сурового мира сего,
Буду думать о милой моей деревушке,
Что на свете для сердца дороже всего.

Охвачу её мысленно любящим взором,
Буду всё, от земли до небес, вспоминать:
И поля, и леса, и долины, и горы,
И солдата-отца, и колхозницу-мать,

И друзей из счастливого раннего детства,
И из юности трудной – крестьянских парней,
Что оставили мне дорогое наследство
Октября,
 комсомольских,
 партийных идей.

Знаю, сердце моё вновь сильнее забудется
И окрепнет моя с малой родиной нить,
И душа коммуниста как птица взовьётся –
Станет легче дышать,
 и работать,
 и жить!

Нет, людям я не всё пока сказал,
Не совершил я свой последний выдох.
Коммунистический не умер идеал
И от забвения не высох.

Ещё с друзьями я стихами говорю
И строгой критикой за это не обижен,
Ещё живу, работаю, творю,
Бываю редко неподвижен.

Ещё мой мир, как встарь, просторен и широк,
И он пока меня не отвергает,
Наоборот, как бабочку цветок,
К себе манит и привлекает.

Ещё душа моя пылает горячо
И в поэтический заветный, тайный час
Ещё порой садится на моё плечо
Крылатый конь поэзии – Пегас!